

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЕЛЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. И. А. БУНИНА»

ИСТОРИЯ: ФАКТЫ И СИМВОЛЫ

*Рецензируемый научно-теоретический
и прикладной журнал*

№ 3 (28) / Елец, 2021

DOI: 10.24888/2410-4205-2021-28-3
<https://historic-journal.ru>

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина» (399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1).

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-59752 от 7 ноября 2014).

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ляпин Д. А. (доктор исторических наук, доцент, ЕГУ им. И. А. Бунина, Елец)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Глазьев В. Н. (доктор исторических наук, профессор, ВГУ, Воронеж)

Елистратов В. С. (доктор культурологии, МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва)

Канищев В. В. (доктор исторических наук, профессор, ТГУ им. Г. Р. Державина, Тамбов)

Крючков И. В. (доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной истории, политологии и международных отношений СКФУ, Ставрополь)

Литвинов В. П. (доктор исторических наук, профессор, ЕГУ им. И. А. Бунина, Елец)

Мокшин Г. Н. (доктор исторических наук, профессор, ВГУ, Воронеж)

Оришев А. Б. (доктор исторических наук, профессор, РГАУ – МСА им. К. А. Тимирязева, Москва)

Петрухинцев Н. Н. (доктор исторических наук, профессор, РАНХиГС, Москва)

Сень Д. В. (доктор исторических наук, профессор, Южный Федеральный университет, ведущий научный сотрудник Калмыцкого научного центра РАН (г. Элиста), Ростов-на-Дону)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Горбачев В. И. (кандидат исторических наук, докторант университета королевы Виктории, Веллингтон, Новая Зеландия).

Горчыца Я. К. (сотрудник Познаньского университета им. Адама Мицкевича, зав. отделом археологии Конинского окружного музея, Познань, Польша).

Жиров Н. А. (кандидат исторических наук, доцент, ЕГУ им. И. А. Бунина, Елец) – зам. главного редактора.

Клевцова О. В. (кандидат исторических наук, доцент, ЕГУ им. И. А. Бунина, Елец)

Колотари А. (Доктор философии (Dr. habil.), доцент педагогического факультета Капошварского университета, Капошвар, Венгрия).

Ливцов В. А. (доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Орловский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Орел).

Лоевская М. М. (доктор культурологии, МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва).

Меньковский В. И. (доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь).

Обломский А. М. (доктор исторических наук, профессор, заведующий Отделом археологии эпохи великого переселения народов и раннего средневековья Института археологии РАН, Москва).

Овчинникова Ю. С. (кандидат культурологии, МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва).

Ряполов В. В. (кандидат исторических наук, доцент, ЕГУ им. И. А. Бунина, Елец)

Серазетдинов Б. У. (кандидат исторических наук, доцент, Центр военной истории Института российской истории РАН, Москва).

Тропин Н. А. (доктор исторических наук, профессор, ЕГУ им. И. А. Бунина, **Елец**).

Филонов В. И. (доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и международных отношений, Орловский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, **Орел**).

Чубур А. А. (кандидат исторических наук, доцент БГУ им. И. Г. Петровского, **Брянск**).

Шапиро Б. Л. (кандидат исторических наук, доцент РГГУ, **Москва**).

СОДЕРЖАНИЕ**ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ**

Антоненко П.С. (Ростов-на-Дону)	ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАЗДНИКОВ В ПЕРИОД ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ТРАНЗИТА ИСПАНИИ КАК СЛЕДСТВИЕ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА	8
Грушина О.В., Грушина А.И. (Иркутск)	ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ – ЗОЛОТО ЯКУТИИ: КОЧУЛЮКАН И БЫНЫКЧАН В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (МЕМУАРЫ ОЧЕВИДЦА)	15
Невежин В.А. (Москва)	«БАНКЕТНАЯ ХРОНИКА» А. Я. ВЫШИНСКОГО: ИЗ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ СОВЕТСКИХ ДИПЛОМАТОВ В КУЙБЫШЕВЕ (1941-1942 ГГ.)	34

АРХЕОЛОГИЯ И ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Разуваев Ю.Д., Меркулов А.Н., Неретина Ю.А. (Воронеж)	РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ МАЛОГО СТОРОЖЕВОГО ГОРОДИЩА СКИФСКОЙ ЭПОХИ.....	45
--	---	----

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Акимченков В.В. (Москва)	«ИЗВЕДАЛ ВСЕ ПРЕЛЕСТИ РУССКИХ ТЮРЕМ»: ПИНЕЖСКАЯ ССЫЛКА МОЙСЕЯ ГИНЦБУРГА.....	52
Махрачев Г.С. (Тамбов)	РАЗВИТИЕ КРУЖЕВНОГО ПРОМЫСЛА В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА	62
Попова А.Д. (Рязань)	АЛЕКСАНДРОВСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ КАК ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ВЫБОР ОБЩЕСТВА	72
Сень Д.В. (Ростов-на-Дону)	ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ШПИОНОВ АТАМАНА И. НЕКРАСОВА НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА (1708 г. – 1720-е гг.). Часть 1.....	82

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Губинская А.А. (Веллингтон)	“SHADOW AND BONE”: NEGATIVE SPACES OF MEANING.....	94
Нефедов С.А. (Екатеринбург)	РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: СВЯЗЬ МЕЖДУ ПРАВОСЛАВНЫМ ИЗОЛЯЦИОНИЗМОМ И ТЕХНИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ.....	108
Шишка Е.А. (Санкт-Петербург)	«ВООБРАЖАЕМАЯ ГЕРАЛЬДИКА» МОНГОЛОВ ВО ФРАНЦУЗСКИХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ МИНИАТЮРАХ	119

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

Иванов В. В. (Комсомольск-на-Амуре)	ВОЕННАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ США И ЮЖНОГО ВЬЕТНАМА В ЛАОСЕ ЯНВАРЬ-АПРЕЛЬ 1971 Г. ПО МЕМУАРАМ ВЬЕТНАМСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ УЧАСТНИКОВ ВОЙНЫ	130
--	---	-----

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

Захаров А. В. (Челябинск)	ПОДЛИННАЯ РОСПИСЬ ВОЕВОД 1705 Г. И СИНХРОННАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ РАЗРЯДНОГО ПРИКАЗА.....	141
------------------------------	--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Вартумян А.А. (Пятигорск)	РОССИЯ НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ ВАСИЛЬЕВА А.М. «ОТ ЛЕНИНА ДО ПУТИНА. РОССИЯ НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ». М: ЦЕНТРПОЛИГРАФ, 2018. – 670 С.).....	162
------------------------------	--	-----

Жиров Н. А. (Елец)	ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СТУДЕНЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО И СОВРЕМЕННАЯ НАУКА».....	165
-----------------------	--	-----

Ляпин Д. А. (Елец)	О РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА РНФ ПО СОЗДАНИЮ ГЕОИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ КОМПЛЕКСА ВОЕННО-ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ И ПОСЕЛЕНИЙ БЕЛГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ	167
-----------------------	--	-----

Фатеме Х. М. (Тегеран)	TOPICAL ISSUES OF THE HISTORY OF DISTILLATES AND MEDICINAL PLANTS AND THEIR PROPERTIES.....	168
---------------------------	---	-----

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ	173
------------------------------------	------------

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	175
-------------------------------------	------------

CONTENT**HISTORY OF EVERYDAY**

Antonenko P. S. (Rostov-on-Don)	TRANSFORMATION OF HOLIDAYS DURING THE DEMO-CRATIC TRANSIT OF SPAIN AS A CONSEQUENCE OF DEMOCRATIZATION OF SOCIETY.....	8
Grushina O. V., Grushina A. I. (Irkutsk)	THE HISTORY OF ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE NORTHERN TERRITORIES - THE GOLD OF YAKUTIA: KOCHULUKAN AND YNYKCHAN IN THE POST-WAR PERIOD (MEMOIRS OF THE OWNER)	15
Nevezhin V. A. (Moscow)	"BANQUET CHRONICLE" A.Ya. VYSHINSKY: FROM THE EVERYDAY LIFE OF SOVIET DIPLOMATS IN KUIBYSHEV (1941-1942).....	34

ARCHEOLOGY AND ISSUES OF THE HISTORY OF ANCIENT RUSSIA

Razuvaev Yu. D., Merkulov A. N., Neretina Yu. A. (Voronezh)	RESULTS OF THE EXPLORATION OF A SMALL WATCH FORTRESS OF THE SCYTHIAN ERA	45
--	--	----

TOPICAL ISSUES IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN EMPIRE

Akimchenkov V. V. (Moscow)	"I HAVE EXPERIENCED ALL THE BEAUTIES OF RUSSIAN PRISONS": MOISEI GINZBURG'S EXILE TO PINEGA.	52
Makhrachev G. S. (Tambov)	DEVELOPMENT OF LACE MAKING IN TAMBOV PROVINCE IN THE SECOND HALF OF THE XIX - FIRST THIRD OF THE XX CENTURY	62
Popova A. D. (Ryazan)	ALEXANDER II MODERNIZATION AS A CIVILIZATION CHOICE OF SOCIETY	72
Sen' D. V. (Rostov-on-Don)	ACTIVITIES OF THE SPIES OF ATAMAN NECRASOV IN THE TERRITORY OF THE RUSSIAN STATE (1708 - 1720s). Part 1.....	82

CULTUROLOGY ART STUDIES

Gobinskaya A. A. (Wellington)	"SHADOW AND BONE": NEGATIVE SPACES OF MEAN-ING.....	94
Nefedov S. A. (Ekaterinburg)	RUSSIAN CIVILIZATION: RELATIONSHIP BETWEEN ORTHODOX ISOLATION AND TECHNICAL DEVELOPMENT	108

Shishka E. A. (St. Petersburg)	MONGOLS "IMAGINARY HERALDIC" IN FRENCH MEDIEVAL MINIATURES	119
-----------------------------------	---	-----

HISTORY OF THE EAST

Ivanov V. V. (Komsomolsk-on-Amur)	MILITARY INTERVENTION OF THE USA AND SOUTH VIETNAM IN LAOS IN JANUARY-APRIL 1971 AC- CORDING TO THE MEMOIRS OF THE VIETNAM AND AMERICAN PARTICIPANTS OF THE WAR	130
--------------------------------------	--	-----

HISTORICAL ARCHIVE

Zakharov A. V. (Chelyabinsk)	THE GENUINE LIST OF THE TOWN COMMANDERS OF 1705 AND THE SYNCHRONOUS DOCUMENTATION OF THE MILITARY SERVICE CHANCELLERY	141
---------------------------------	---	-----

SCIENTIFIC LIFE

Vartumyan A. A. (Pyatigorsk)	RUSSIA IN THE NEAR AND MIDDLE EAST: HISTORI- OGRAPHIC ANALYSIS OF INTERNATIONAL RELA- TIONS (REVIEW ON THE MONOGRAPH OF ALEX VA- SILIEV "FROM LENIN TO PUTIN. RUSSIA IN THE NEAR AND MIDDLE EAST).....	162
---------------------------------	--	-----

Zhirov N.A. (Yelets)	ALL-RUSSIAN CONFERENCE 'STUDENT COMMUNITY AND MODERN SCIENCE'	165
-------------------------	--	-----

Lyapin D. A. (Yelets)	ABOUT THE IMPLEMENTATION OF THE RSF PROJECT ON CREATION OF A GEOINFORMATION SYSTEM OF THE COMPLEX OF MILITARY DEFENSE STRUCTURES AND SETTLEMENTS OF THE BELGOROD DEFENSE LINE.....	167
--------------------------	--	-----

Fatemeh H. M. (Tehran)	TOPICAL ISSUES OF THE HISTORY OF DISTILLATES AND MEDICINAL PLANTS AND THEIR PROPERTIES...	168
---------------------------	--	-----

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	173
--	------------

INFORMATION FOR AUTHORS.....	175
-------------------------------------	------------

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Антоненко П. С.
(Ростов-на-Дону)

УДК 433.94

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАЗДНИКОВ В ПЕРИОД ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО
ТРАНЗИТА ИСПАНИИ КАК СЛЕДСТВИЕ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА**

Статья анализирует влияние демократического транзита на трансформацию исторической памяти в Испании. Для более детального исследования автор выбрал праздник как объект, поддающийся изменениям вследствие повсеместной демократизации общества. Автор подчеркивает, что рассматривает праздник как элемент, способствующий сохранению исторической памяти. Исследование подтверждает, что праздник действительно является важным элементом не только в процессе сохранения исторической памяти, но и в процессе ее трансформации. В статье автор разделяет праздники на национальные, религиозные и региональные в соответствии с влиянием на функционирование общества. Исследование показывает, что региональные праздники наиболее уязвимы в условиях демократического транзита, так как посвящены не всегда «демократическим» эпизодам истории Испании. Также региональный праздник в большей части отражает народную идентичность региона, в то время как национальный способствует интеграции и универсализации мировых ценностей. В конце исследования автор приходит к мысли о том, что праздник является своего рода идентификатором глубины преобразований в обществе: чем преобразования серьезней и динамичней, тем большим изменениям подвержены региональные традиционные праздники. Дискурс, сложившийся вокруг некоторых основополагающих положений региональных праздников, говорит о конфликте адептов «старого» и «нового порядка». Как показало исследование, возникший дискурс добился изменений во внешнем регламенте проведения традиционных праздников в соответствии со стандартами демократического общества. В заключении звучит мысль о том, что введенные внешние изменения способны в будущем повлиять на восприятие истории младшими поколениями, что неуклонно приведет к глубочайшим изменениям в формировании исторической памяти Испании.

Ключевые слова: демократический транзит, историческая память, идентичность, трансформация исторической памяти, свобода вероисповедания, гендерное равенство.

The article analyzes the impact of democratic transit on the transformation of historical memory in Spain. For a more detailed study, the author chose the holiday as an object that can be changed due to the widespread democratization of society. The author emphasizes that he considers the holiday as an element that contributes to the preservation of historical memory. The study confirms that the holiday is indeed an important element in the process of not only preserving historical memory, but also in the process of its transformation. In the article, the author divides the holidays into national, religious and regional in accordance with the impact on the functioning of society. The study shows that regional holidays are most vulnerable in conditions of democratic transit, as they are not always dedicated to "democratic" episodes of the history of Spain. Also, the regional holiday mostly reflects the national identity of the region, while the national holiday promotes the integration and universalization of world values. At the end of the study, the author comes to the conclusion that the holiday is a kind of identifier of the depth of transformations in society: the more serious and dynamic the transformations, the greater the changes are subject to regional traditional holidays. The discourse that has developed around some of the fundamental provisions of the regional holidays speaks of a conflict between the adherents of the "old

"and"new order". According to the study, the emerging discourse has achieved changes in the external regulations of traditional holidays in accordance with the standards of a democratic society. In conclusion, the idea is that the introduced external changes can in the future affect the perception of history by younger generations, which will steadily lead to the deepest changes in the formation of the historical memory of Spain.

Keywords: democratic transit, historical memory, identity, transformation of historical memory, freedom of religion, gender equality.

DOI: 10.24888/2410-4205-2021-28-3-8-14

Демократический транзит в Испании – период резкого, но, в то же время, относительно безболезненного перехода общества в кардинально новую демократическую систему ценностей и порядка. Предшествующая эпоха тоталитаризма и авторитаризма, длившаяся более тридцати лет, наложила отпечаток на общественные институты и на представления, уклад, быт испанцев. Резкий переход в сторону идеалов демократии, начавшийся еще в последние годы жизни Франсиско Франко, несомненно, влияет на повседневные представления испанцев, в том числе, заставляет по-новому взглянуть на праздничные и фестивальные мероприятия как на олицетворение и испанской истории, и развития государства.

Рассматривая изменения в положении некоторых праздников периода демократического транзита, важно понимать, что автора интересует концепт праздника с точки зрения ячейки, формирующей историческую память. В период транзита, в силу идеологической перестройки, происходит рефлексия над исторической памятью, поэтому любопытно проанализировать, как этот процесс сказался на регламенте, отношении, восприятии праздников и фестивалей в Испании.

Историческая память — продукт интеллектуальной мысли, подвергающийся моделированию и, отчасти, мифологизации, что, в конечном счете, приводит к устойчивому представлению об истории государства. Историческая память присуща каждому государственному и национальному сообществу и является ее неотъемлемой характеристикой. Историческая память играет роль фундамента в выстраивании политики. Феномен исторической, или как ее еще называют, коллективной памяти вбирает в себя как победы, так и поражения прошлого, что в совокупности дополняет друг друга и преподносит определенные государственные нарративы и ценности. Трансформация исторической памяти имеет не случайный, а систематизированный характер и находится под большим влиянием деятелей политики или иных государственных лидеров.

Одним из элементов сохранения исторической памяти является обычай празднования, а, тем самым, прославления некоторых исторических событий, с целью ежегодного напоминания о базовых ценностях общества или о ключевых исторических эпизодах, повлиявших на окончательный государственный облик. Другими словами, идея праздника несет в себе мемориальный посыл с целью сохранения памяти о победном либо трагическом эпизоде в истории. Праздник имеет повторяющийся ежегодный характер, тем самым консолидируя воспоминания в обществе. Благодаря расцвету СМИ, информирование о праздничном дне широко распространяется, нередко выходя за пределы государства, тем самым информируя мировую общественность о ценностях нации в целом. С целью привлечения большего внимания населения к государственному празднику в некоторых случаях происходит параллельная коммерциализация процесса за счет продажи сувенирной мемориальной продукции и популяризация в СМИ, развлекательных телепрограммах и так далее. Таким образом, становится очевидно, что главная идея праздника заключается в активизации исторической памяти.

Периоду демократического транзита в Испании присуща общественная полемика по выбору пути социального развития. В этот период особенно обострилось напряжение

между консерваторами и сторонниками прогрессивного обновления. Данный дискурс отразился и на изменении положения некоторых праздников, что будет рассмотрено ниже.

Говоря о празднике как о способе сохранения исторической памяти, необходимо отметить ряд особенностей и проблем в формировании исторической памяти Испании в целом. Историческая память Испании во многом базируется на региональном и религиозном аспекте. Проблема сепаратизма и широкое влияние католической церкви сопутствуют истории Испании, начиная со средневекового периода. В период франкистской Испании оба фактора занимали ключевые позиции в построении государственной и общественной идеологии. В период демократического транзита оба фактора поддаются переосмыслению, что отражается на восприятии праздников.

Автор разделяет праздники на государственные, религиозные и региональные. Как показало исследование, наибольшим изменениям поддались праздники из последней категории, а именно, региональные фестивали. В первую очередь, анализируется историческая повестка того или иного праздника и, как следствие, трансформация и роль исторической памяти в период транзита. Государственные праздники обладают свойством глобального, универсального характера. Католические праздники не могут быть подвержены изменениям, так как религиозные сюжеты не поддаются рефлексии. Региональные праздники, выраженные в форме фестивалей, в наибольшей степени отражают состояние общества, его традиции, ментальность, являются элементом сохранения исторической памяти. Далее автор рассматривает тенденцию демократизации праздника на примере некоторых региональных фестивалей.

Указ от 1983 года постановил, что, в соответствии с испанским законодательством, в стране официально закреплено 14 официальных выходных дней в году, причем максимум 9 являются государственными праздниками и минимум 2 праздника должны быть региональными [7]. Данное введение интересно не столько тем, что официально закрепляет праздничные государственные даты, сколько тем, что признает различие между государственными и региональными праздниками. Признание региональной идентичности на территории целостной Испании является достижением периода демократического транзита. Испанское законодательство подтверждает наличие региональных культурных особенностей на примере официального закрепления региональных праздничных дат. Предполагаю, что подобное закрепление государственных и региональных праздников на конституционном уровне отражает политику, неофициальное название которой «кофе для всех». Данный лозунг подразумевает поощрение развития региональных особенностей и отражает суть диалога Мадрид — провинция в период демократического транзита.

Говоря о значении государственного праздника в условиях демократического транзита, важно помнить о его интеграционной роли в обществе. Это обуславливается тем, что даты государственных праздников являются праздничными во всех субъектах Испании. Подобное консолидирующее и интеграционное значение для общества имеют и религиозные праздники по объективной причине, а именно, по причине сильнейших позиций католической церкви в Испании. Ограничения в привилегиях церковного института в период транзита не понизили авторитет и популярность церковного католического аппарата в период транзита. Следовательно, государственные праздники наряду с религиозными являются консолидирующей силой, способствующей развитию и сохранению исторической памяти в Испании.

Говоря о государственных праздниках, следует отметить следующие события. К государственным праздникам Испании относятся: Новый год, день труда, Национальный день Испании, день конституции Испании. Государственные праздники ориентированы на универсализацию ценностей в условиях современного глобалистского мира. К ним, на мой взгляд, относятся Новый год, день труда и день Конституции. Интересно учесть, что последние два хранят память о противоположных идеалах политического устройства. Если день труда отражает устой социалистического устройства, то день Конституции является

отражением наличия демократических идеалов в обществе. Одновременное мирное сосуществование противоположных в идеологическом контексте государственных праздников отражает тенденцию к демократизации общества в период транзита.

Положение региональных праздников действительно подверглось кардинальному изменению в период демократического транзита. Подробнее это явление можно рассмотреть на примере возникшего общественного конфликта вокруг фольклорного праздника «Мавры и христиане». Праздник представляет собой фестиваль, проходящий на юге Испании: в провинциях Аликанте, Валенсия, Эстремадура, Каталония, Андалусия, Мурсия. Формы и даты его проведения разнятся. В качестве главных участников в фестивале могли участвовать все жители поселения исключительно мужского пола. Суть праздника состояла в том, что в течении нескольких дней участники разыгрывали костюмированное представление, в ходе которого воссоздавалось сопротивление христиан маврским захватчикам и последующее разгромление мавров. Фестивальное шоу разыгрывало события реконкисты. В начале фестиваля, согласно регламенту, мавры-мусульмане захватывают город и празднуют победу, но затем их изгоняют испанцы-христиане. Кульминацией становится торжество христиан и сжигание чучела Маома, одетого в восточном стиле. Подготовкой фестиваля занимались так называемые «братства», специальные организации. Финансирование для проведения фестивалей поступало из муниципальных бюджетов [6, с. 29].

Данный фестиваль в условиях демократизации общества вызвал негативную реакцию как со стороны мусульманской религиозной организации, так и со стороны активистов гендерного равенства. Президент исламской организации испанских общин заявил, что «данный фестиваль в его нынешнем виде соответствует нормам демократического общества и является проявлением «культурного геноцида» по отношению к приверженцам ислама [2]. Как известно, конституция 1978 года объявляет свободу совести и равное положение всех вероисповеданий: «Все испанцы равны перед законом и не может быть какой-либо дискриминации по мотивам рождения расы пола, вероисповедания, взглядам или по каким-либо иным условиям личного или социального характера» [2]. То есть, Конституция запрещает ущемление в правах граждан Испании, основанном на первичных признаках, таких, как раса, пол или вероисповедание. Действительно, события, проигрываемые внутри фестиваля не соответствуют установленной в обществе толерантной и демократической системе ценностей.

Однако, фестиваль традиционно считался народным гулянием, сохраняющим память о событиях реконкисты. На мой взгляд, суть проведения фестиваля состоит в почитании травмирующего, но, одновременно, победного исторического эпизода, то есть, прослеживается функция сохранения исторической памяти. Однако, в реалиях повсеместной либерализации общества, обусловленной периодом транзита, суть фестиваля оказалась неприемлемой для представителей мусульманских религиозных организаций. Отражение исторической памяти через игровое воссоздание вражды между христианами и маврами столкнулось с отторжением именно в период транзита. Предполагаю, что данное заявление прозвучало в унисон с общей тенденцией демократизации общественных институтов, которая проявляется даже в пересмотре вековых фестивальны́х традиций. Бурные обсуждения вокруг праздника привели к тому, что чучело Маомы было переодето в нейтральное одеяние, не имеющее отсылок к маврам-завоевателям, а в некоторых фестивальны́х шествиях появились показательные сцены примирения и уважения между испанцами и завоевателями. Стремление соответствовать нормам новой демократической Испании заставило отказаться от концепта традиционного фестиваля ради его приведения к «правильным» толерантным стандартам. На примере данного фольклорного праздника прослеживается противостояние «сегодняшних» и «вчерашних» общественно значимых ценностей. Важно отметить, что зафиксированный СМИ разброс мнений оказался весьма широк: от немедленного запрета местными властями противоречивого праздника в

некоторых городах до решительного неприятия каких-либо попыток трансформации традиции: «Если им не нравится наш праздник, пусть уезжают!» [2]

Иная претензия состоит в требовании допущения женщин к участию в шествии. Старинный регламент праздника допускал к участию исключительно лиц мужского населения, в то время как женщинам отводилась роль зрителей. С утверждением либерально-демократических порядков гендерные активисты развернули кампанию в этом отношении. Акции доходили до судебных разбирательств, при которых аргументом в пользу активистов выступали статьи из Конституции, запрещающие дискриминацию по признаку пола. Данный прецедент примечателен следующими обстоятельствами:

1) конфликт демонстрирует настойчивость общественных групп в достижении интересов в период транзита, что казалось немыслимым в период франкизма;

2) разделение оппонентов происходит по идеологическому, а не по гендерному признаку, так как на каждой из сторон есть как мужчины, так и женщины;

3) вопрос о включении женщин в участие в фестивале наравне с мужчинами оказался в ряде мест едва ли не главным на муниципальных выборах в 1980-1990 гг. [4];

4) программа активистов требует включения в традиционный регламент женских ролей; это требование меняет концепт фестиваля, как следствие, ведет к трансформации исторической памяти.

Пересмотр гендерных отношений в период транзита отразился и на других праздничных фестивалях. Аналогичное требование равного участия лиц мужского и женского пола было выдвинуто в адрес парада «Аларде». Традиционный в Стране Басков карнавал представляет собой ежегодное красочное торжество в память о героической обороне от французских интервентов. Регламент «Аларде» предполагает участие только одной женщины, которой отводится роль мавританки. В условиях тотальной либерализации 1980-1990-х годов эта традиция спровоцировала тех же активистов выступить с требованием участия в празднике женщин в одинаковом количестве с мужчинами [3]. Организаторы праздника решительно отказались менять вековую традицию [5, с. 36]. Тогда сторонники инноваций заручились решениями судов, поддержкой местной и региональной администрации, политических партий, влиятельных общественных организаций, СМИ, местного омбудсмана. Дискурс и последующая борьба по допущению женщин к участию отражает противостояние старого и нового порядка в испанском обществе в период транзита. Участники добились проведения двойного парада с частичным участием женщин в нем.

Обсуждение изменений проведения традиционного фестиваля вызвало волну пробуждения баскской идентичности. В городке Ирун в результате конфликта появилось определение понятия «истинный ирунец», принадлежащее не рожденному в Ируне, а приверженцу старинного порядка проведения «Аларде» [3]. На волне споров вокруг фестиваля возник субъективный критерий баскской принадлежности, проявляющийся в приверженности проведения традиционного «Аларде». Возник субъективный, но четкий и абсолютный критерий принадлежности к «своим», «народу Ируна»: любовь к традиционному «Аларде» [3].

Региональные фестивали наглядным образом отражают демократические преобразования в обществе. Во-первых, в условиях транзита внешняя атрибутика праздника должна соответствовать демократическим стандартам общества: одинаково уважительному отношению к религиозному разнообразию и абсолютно равному положению и возможностям мужского и женского пола. В следствие чего, внешний антураж праздников претерпевает коренные изменения, что влияет на восприятие фестиваля младшим поколением, которое менее знакомо с историей Испании. Изменения во внешнем антураже фестиваля влекут за собой искажение исторической памяти.

Гендерное неравенство не на законном, а на внешнем, традиционно-культурном уровне, заложенном в историческом регламенте проведения фестиваля, также вызвало

общественный конфликт. Отторжение этого призыва в обществе может быть истолковано по-разному. Считаю, что это главным образом говорит о глубоком нежелании менять культурный код регионов и о стремлении к сохранению местного консерватизма в условиях меняющегося мира. В литературе встречается альтернативная позиция, по которой нежелание видеть женщин в качестве участников праздника, сценарий которого закреплён столетиями, может быть объяснено сохранением патриархального порядка в обществе и устойчивой дискриминацией женщин в мелких поселениях Испании. Данная точка зрения принадлежит испанскому исследователю Ортега Хосе [5, с. 19]. Таким образом, ситуация вокруг региональных фестивалей может объясняться через стремление к сохранению прежнего порядка, хотя бы на символическом уровне.

В условиях развития демократического транзита в обществе наблюдается изменение некогда привычных устоев для испанского общества в сторону международной демократизации и либерализации. Несоответствие с демократическими стандартами было выявлено в фестивале «Гусиный праздник». В данном случае речь идет о пересмотре отношения к животным в период транзита. Данный фестиваль является массовым народным гулянием и проводится в честь Святого Антонина 5 сентября в бискайском регионе Лекетийо. Традиционно в рамках фестиваля проходит соревнование с привлечением живого гуся. Суть соревнования состояла в удержании гусиной шеи на весу: то есть, птица подвешивалась таким образом, что ее длинная шея служила канатом, за который участникам нужно было удержаться как можно большее количество времени. Гусь был подвешен вниз головой над бухтой, а участники подплывали к шее животного. Нередко состязание приводило к смерти животного и пострадавший гусь был заменен на нового. В соответствии с Конвенцией о правах животных ЕС¹ 1987 года данное зрелище было необходимо запретить или, хотя бы, живую птицу заменить искусственным подобием гуся. Считаю, что данный инцидент с защитой животного также направлен на приведение испанского общества к европейским стандартам.

Праздничное действо периода транзита переживало глубокое переосмысление и внешнюю трансформацию. Важно отметить, что изменениям были подвержены региональный, фольклорные праздники. При всем теоретическом многообразии праздников, а в статье они разделены на государственные, религиозные и региональные, именно последние в большей степени отражают идентичность региона и хранят в себе историческую память, в то время как государственные праздники ведут к универсализации ценностей в мире в целом. Региональные фестивали периода транзита являются своего рода лакмусовой бумагой для отражения тенденций демократизации. Именно поэтому новые общественные реалии, такие, как гендерное равноправие или либерализация религиозного вопроса, коснулись и регламента проведения праздничных торжеств.

Дискуссии, развернувшиеся вокруг региональных фестивалей, выявили противостояние «старых» и «новых» норм. На примере праздников и фестивалей очевидно, что транзиту сопутствует исчезновение прежней идентичности.

Список литературы

1. Буллен, М. Л. (2002). *Социо-культурные трансформации и создание праздников и памятных дат*. Доносия Сан-Себастьян: Университет зарубежных исследований Страны Басков, Издательство Игнасия Барьолла.
2. Гадуа, Л. (2006). *Валенсийские народы подавляют наступательные действия против Мухаммеда из-за праздников*. URL: https://elpais.com/diario/2006/10/02/espana/1159740010_850215.html
3. Мартинез, Р. (2000). *Эль Аларде де Ирун и конституционный запрет дискриминации по признаку пола*. URL: <http://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=941355>

¹<https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/125>

4. Монтеро, И. (2009). *Праздники как показатель равноправия*. URL: http://elpais.com/diario/2009/01/18/paisvasco/1232311199_850215.html
5. Руиз, А. М. (2018). *Европейская идентичность у испанцев: ощущение прошлого и настоящего в попытке сближения с Европой*. Королевский институт Элькано в Испании.
6. Руиз, С. (2006). *Чучело горящего Маомэ исчезает с праздника христиан из-за страха*. URL: http://www.elperiodicomediterraneo.com/noticias/sociedad/quema-mahoma-desaparece-la-fiesta-moros-cristianos-temor_251383.html
7. Кожановский, А. М. (2017). *Испанские традиционные праздники рубежа XX-XXI века как арена культурно-ценностного противостояния*. Сибирские исторические исследования.
8. Конституция королевства Испания. URL: https://www.concourt.am/armenian/legal_resources/world_constitutions/constit/spain/spain--r.htm. 1978.
9. Саватэр, Ф. (2011). *Высокомерное оскорбление*. URL: http://elpais.com/diario/2010/03/04/cultura/1267657203_850215.html
10. Тезанос, Т., Диаз Морено, В. (2007). *Тенденции в изменении ценностей молодежи с 1995 по 2007 год*. URL: http://xuventude.xunta.es/uploads/Tendencias_de_cambio_de_las_identidades_y_valores_de_la_juventud_en_Espaa_1995-2007.pdf (дата обращения: 21.07.2016).

References

1. Bullen, M. L. (2002). *Sotsio-kul'turnye transformatsii i sozдание prazdnikov i pamyatnykh dat* [Socio-cultural transformation and the creation of holidays and memorable dates]. San Sebastian Donostia, University of Foreign Studies of the Basque Country, Ignatia Baroll Publishing House. (in Russian).
2. Gada, L. (2006). *Valensiyskie narody podavlyayut nastupatel'nye deystviya protiv Mukhammeda iz-za prazdnikov* [Valencian peoples suppress offensive actions against Mohammed because of the holidays]. URL: https://elpais.com/diario/2006/10/02/espana/1159740010_850215.html (in Russian).
3. Martinez, R. (2000). *El Alarde de Irun i konstitutsionnyy zapret diskriminatsii po priznaku pola* [El Alard de Irun and the constitutional prohibition of discrimination on the basis of gender]. URL: <http://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=941355> (in Russian).
4. Montero, I. (2009). *Prazdniki kak pokazatel' ravnopraviya* [Holidays as an indicator of equality]. URL: http://elpais.com/diario/2009/01/18/paisvasco/1232311199_850215.html (in Russian).
5. Riza, A. M. (2018). *Evropeyskaya identichnost' u ispantsev: oshchushchenie proshlogo i nastoyashchego v popytke sblizheniya s Evropoy* [European identity in the Spaniards: the feeling of the past and present in an attempt of rapprochement with Europe]. Royal Institute Elkano in Spain. (in Russian).
6. Ruiz Sierra, J. (2006). *Chuchelo goryashchego Maome ischezhet s prazdnika khristian iz-za strakha* [La quema de Mahoma desaparece de la fiesta de moros y cristianos por temor]. URL: http://www.elperiodicomediterraneo.com/noticias/sociedad/quema-mahoma-desaparece-la-fiesta-moros-cristianos-temor_251383.html (in Russian).
7. Kozhanovsky, A. M. (2017). *Ispanskie traditsionnye prazdniki rubezha XX-XXI veka kak arena kul'turno-tsennostnogo protivostoyaniya* [Spanish traditional holidays of the XX-XXI century, as an Arena cultural and value confrontation]. Siberian historical studies. (in Russian).
8. Savater, F. (2011). *Vysokomernoe oskorblenie* [Un abuso arrogante]. URL: http://elpais.com/diario/2010/03/04/cultura/1267657203_850215.html. (in Russian).
9. Tezanos Tortajada, J. F., Villalón Ogayar, J. J., Díaz Moreno, V. (2007). *Tendentsii v izmenenii tsennostey molodezhi s 1995 po 2007 god* [Tendencias de cambio de las identidades y valores de la juventud en España]. 1995-2007. URL: http://xuventude.xunta.es/uploads/Tendencias_de_cambio_de_las_identidades_y_valores_de_la_juventud_en_Espaa_1995-2007.pdf (date accessed: 21.07.2016). (in Russian).

Грушина О. В., Грушина А. И.
(Иркутск)

УДК 930.2:908:332.1

**ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ – ЗОЛОТО ЯКУТИИ:
КОЧУЛЮКАН И ЫНЫКЧАН В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД
(МЕМУАРЫ ОЧЕВИДЦА)**

В статье анализируется часть воспоминаний А. М. Ожигова, недавно обретенных в семейном архиве авторов, об условиях работы на золотых приисках треста «Джугджурзолото» в 1947 г. Послевоенный период требовал срочного пополнения государственного золотого запаса, что отразилось в постановлении Совмина СССР 1946 г. об увеличении добычи золота и платины в стране, результатом которого стало создание Специального главного управления МВД СССР – Главспеццветмета. Поиски и разведка новых месторождений, техническая модернизация и переоснащение труда на шахтах и рудниках стали целевыми установками работы нового Управления. Этот период еще глубокого послевоенного кризиса отрасли, отдававшей золото на нужды войны, характеризуется высоким уровнем ручного труда, труда заключенных и спецпереселенцев, соответственно, низкой квалификацией работников и тяжелыми бытовыми условиями. Нами был применен сравнительно-исторический метод оценки достоверности представляемых мемуаров. Фактология мемуаров нашла подтверждение в открытых официальных источниках. Однако эти источники достаточно скудны в отношении описания бытовых и человеческих взаимодействий непосредственно на приисках, шахтах, вновь открываемых участках. Новые имена и обстоятельства будней золотоискателей, осваивающих месторождение ключа Кочулюкана, живо и откровенно представлены в воспоминаниях А. М. Ожигова, открывают для нас подробности советской истории промышленного развития северных территорий. Психологический аспект воспоминаний, выразившийся в ярком субъективизме автора в отношении организаторов производства работ (управленцев), в данном отрывке также ярко отражает противостояние типа «работник-начальник». Сканированные копии мемуаров А. М. Ожигова хранятся в Краеведческом музее имени В. Ф. Верещагина в г. Бодайбо Иркутской области.

Ключевые слова: история золотодобычи, Якутия, послевоенный период, трест «Джугджурзолото», Ыныкчан, Кочулюкан.

The paper is devoted to a part of A. M. Ozhigov's memoirs, recently found in the family archives of the authors. The memoirs describe the working conditions at the gold mines of the Dzhugdzhurzoloto trust in 1947. The post-war period required an urgent replenishment of the state gold reserves, which was reflected in the Decree of the Council of Ministers of the USSR (1946) on increasing the production of gold and platinum in the country. As a result, the Special Main Directorate of the USSR Ministry of Internal Affairs (Glavspetstsvetmet) has been created. The activity of this Directorate was focused on the search and exploration of new deposits, technical modernization and improvement of working conditions in mines. This period of profound post-war crisis of gold industry, entirely determined by the war efforts, was characterized by a high share of manual labor, labor of prisoners and special settlers, low qualifications of workers and arduous living conditions. Here, we have evaluated reliability of the above memoirs using a comparative historical method. The factual knowledge of the memoirs was confirmed in open official sources. However, these sources are rather scarce in terms of human relations directly in gold mines and newly discovered areas. New names and circumstances of the everyday life of gold prospectors developing the deposit of the Kochulyukan spring, brightly presented in the memoirs

of A. M. Ozhigov, reveal the unknown details of the Soviet history of the industrial development of the northern territories. The psychological aspect of the recollections, expressed in the author's vivid subjectivism in relation to the organizers of the works (managers), also brightly show the opposition of the "worker-boss" type. Scanned copies of A. M. Ozhigov's memoirs are kept in the V. F. Vereshchagin Museum of Local Lore, Bodaibo town, Irkutsk region.

Keywords: history of gold mining, Yakutia, post-war period, Dzhugdzhurzoloto trust, Ynykchan, Kochulyukan.

DOI: 10.24888/2410-4205-2021-28-3-15-33

В данной публикации мы продолжаем историческое исследование мемуаров Алексея Михайловича Ожигова, неожиданное обретение которых было описано нами ранее [3]. Публикуемый ныне отрывок посвящен свидетельству организации и условий труда на шахтах Кочулюкана и Ыныкчана по добыче золота Якутии в послевоенный период, а именно в 1947 г. Год работы юного, 20-летнего, выпускника Бодайбинского горного техникума, получившего направление на работу в распоряжение треста «Джугджурзолото», врезался в память нашего родственника на всю жизнь.

Если обратиться к советскому периоду истории Якутии, то он связан с широкомаштабным промышленным освоением её природных богатств, начало которому положила разработка в 1920-е годы золотоносных Алданских месторождений. «Дореволюционная Якутия почти не имела своей промышленности. По сравнению с 1913 годом валовая промышленность Республики в 1946 году выросла в 106 раз, а в 1951 году – в 217 раз. В 1952 году Якутия производила каждые полтора дня промышленной продукции больше, чем за целый год до революции»¹.

Промышленная добыча золота в Якутии началась в 1923 г. с открытия богатых россыпей Центрального Алдана [6, с. 28].

После войны, в марте 1946 года Верховным Советом СССР был принят четвертый пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946-1950 гг. «В послевоенные годы еще более возросла роль Якутии – горнодобывающего региона страны. Геологи открыли новые золотоносные месторождения, укрепившие минерально-сырьевую базу трестов «Якутзолото» и «Джугджурзолото». Наиболее значительным из них явилось Центрально-Алданское рудное поле»². Именно в этот период молодой выпускник Бодайбинского горного техникума А. М. Ожигов был направлен на работу в далекую Якутию.

«Получение мною диплома горного техника по эксплуатации рудных и россыпных месторождений цветных, редких и благородных металлов не отмечали. В эту пору (январь 1947 г.) стояли сильные морозы, была карточная система на продукты и хлеб. Водки или спирта на наши карточки не полагалось.

Вскоре после защиты диплома мне и моим двум товарищам – Белокопытову и Слободчикову, которые учились на полгода идущим впереди курсе, но провалившим экзамены и потому переведенным на наш курс – были выданы путевки для работы в систему треста «Джугджурзолото». Кроме нас на Джугджур получили путевки еще три девушки с нашего курса. Это Яшнева Катя, Дубенюк Ольга (потом ставшая Лосевой) и Таховеева Машиа<...>

3 или 4 февраля 1947 г., мы – я, Белокопытов и Слободчиков – сели в самолет, который был для управляющего трестом «Джугджурзолото» Собко, направлявшегося в коман-

¹ История Якутии: офиц. портал // Википедия. Свободная энциклопедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 12.02.2021).

² Якутия в послевоенные годы : офиц. информ. портал / Республика Саха (Якутия). URL: <https://www.sakha.gov.ru/istorija/jakutija-v-poslevoennye-gody> (дата обращения: 12.02.2021).

дировку в Аллах-Юнь. Собственно, в Аллах-Юнь самолеты ходили только спецрейсами и плата за них была двойная.

Но в этот день улететь нам не пришлось. Дело в том, что наш самолет «Дуглас» оказался неисправным в то время, когда он пошел на взлет. У него отказал второй (левый) двигатель. Хорошо, что этот двигатель отказал еще при разгоне самолета.

На следующий день мы вылетели в Аллах-Юнь.

Через окна самолета – стояла морозная тихая солнечная погода – мы разглядывали местность по пути к нашему предстоящему месту жительства. Под нами вначале расстилалась лесная снежная равнина. Затем она сменилась горами с голыми вершинами и слабозалесенными склонами. Между гор обозначались ленты и ленточки речек и ключей – и так до самого Аллах-Юня».

Поселок Аллах-Юнь – центр Усть-Майского района Якутии. «Первые, обоснованные сведения о золотоносности Усть-Майского района были получены от участника гражданской войны в Якутии Вольдемара Петровича Бертина, который летом 1921 года обнаружил знаки косового золота в районе почтово-телеграфной станции Аллах-Юнь.

И только с 1932 года началась большая работа по изучению и освоению недр Усть-Майского района... Аллах-Юньский золотоносный район является детищем первой пятилетки, когда Страна Советов бросала все силы и средства на максимальную индустриализацию страны и первые Джугджурцы, работники Джугджурской экспедиции и Джугджурского разведрайона, преодолевая исключительные трудности, дали стране первое золото, чем начали крепить финансовую мощь нашей страны.

В результате геолого-поисковых работ были выявлены, разведаны и переданы в эксплуатацию участки будущих приисковых управлений: Бурхалинский, Евканджинский, Баатыльский, Минорский, Ыныкчанский»³.

В XIX веке частная золотопромышленность обусловила быстрый рост внутреннего рынка на продукцию сельского хозяйства, которое было основным занятием большей части населения, оказала влияние на повышение продуктивности земледелия и скотоводства, и ускорила темпы сельскохозяйственного развития, привела к созданию чисто капиталистических отношений и формированию в Сибири класса наемных рабочих [2, с. 82]. Как считают Р. В. Ищенко и др., первый, дореволюционный этап индустриального освоения разворачивался в логике взаимодействия государства и предпринимателя, а с приходом Советской власти предпринимательские функции полностью сконцентрировались во власти и полномочиях государства. Государство стало главным субъектом развития, определяющим его логику и темп. «Государство – это актер, который хорошо видит «большое» с расстояния своего масштаба, но плохо видит детали на местах, допуская немало ошибок, сыгравших впоследствии печальную роль» [4, с. 253].

В 1936 г. образовалось Аллах-Юньское приисковое управление треста Якутзолото, а в 1939 г. на его базе был создан трест Джугджурзолото [10, с. 217, цит. по: 1]. «В состав нового треста вошли Евканджинское, Баатыльское, Бурхаминское, Светлинское, Минорское, Ыныкчанское, Юдомское и Верхнее-Майское приисковые управления... Впоследствии районный центр и резиденция треста «Джугджурзолото» – поселок Аллах-Юнь стал благоустроенным населенным пунктом» [9].

«Утром мы пошли в трест. Зашли в кадры, предъявили путевки. Началась процедура оформления. К концу рабочего дня нам выдали продовольственные карточки. Вернее, их заменители, то есть на несколько дней.

³ К 85-летию добычи золота в Усть-Майском районе: информ. портал / СахаТаймс. URL: <https://www.sakhatimes.ru/municipal/news/ust-maysky/k-85-letiyu-dobychi-zolota-v-ust-mayskom-rayone/> (дата обращения: 01.02.2021).

Меня определили в Евканджинский прииск на ключ Кочулюкан, а Белокопытова и Слободчикова – на прииск Курук-Урях, расположенный в 250 км от Охотского моря. Ехать было ни мне, ни моим товарищам не на чем. Мы ждали.

Не знаю, или проверить меня, или это было нужно для производства, но мне дали задание рассчитать бортовой и вертикальный лимиты добычи золота в гр/м³ на одну из действовавших в то время россыпей. Я этот расчет сделал, так как в то время я хорошо помнил, как это нужно делать.

Никто мне не объяснял условия работ и не давал мне никаких инструкций и напутствий.

Меня определили на должность мастера кл. Кочулюкан, расположенного в 35 км от пос. Аллах-Юнь».

Современная официальная информация об объекте учета государственного кадастра месторождений следующая: месторождение руч. Кочулюкан находится «в 20 км от пос. Аллах-Юнь; до речного порта Эльдикан (р. Алдан) 232 км; в пос. Аллах-Юнь расположены предприятия шахты Аллах-Юнь, имеется посадочная полоса для самолетов типа АН-2, Л-410. В радиусе 15-20 км известно до 30 разведанных россыпей золота».⁴

«С 8 февраля 1947 г. я был зачислен на работу. Наконец пришло время, когда с попутной повозкой я направился из Аллах-Юня на Кочулюкан.

К заезжей, где я проживал, 11 февраля 1947 г. подъехал на конных санях возчик, имевший задание увезти меня на Кочулюкан. На санях был груз – кайлы, лопаты, ломы, таски (бадейки) и мороженые щи. Воз был только-только под силу того коня, который был впряжен. Мне, конечно, ехать не пришлось. Я шел за санями, но мои вещи – чемодан, рюкзак и доха – находились на санях. На крутых подъемах мне и возчику приходилось помогать коню вытаскивать воз. Доехали до зимовья под названием «Кресты». Откуда это название – не знаю. В то время это меня мало интересовало.

В зимовье было холодно и много было клопов и тараканов. На другой день добрались до Кочулюкана.

Никакого поселка вопреки моим ожиданиям здесь не оказалось, а только по долине ключа, проходя дорогой, я разглядел ветхие без крыши бараки бх5 и бх4, находившиеся в километре и более один от другого. А когда подъехали к пятистенному новому бараку без крыши, то возчик сказал: «Все! Приехали!» – и показал мне, в какую дверь барака входить.

Так я оказался на Кочулюкане.

В помещении для рабочих в этом бараке были нары, а в помещении для мастеров оказались топчаны из необстроганных листовенных полок. Стены барака оказались из сруба без пазов между венцами, а между бревнами был мох. В бараке было тепло только возле железной печки.

Находившийся здесь мужчина оказался мастером этого ключа по фамилии Иогансон, немец по национальности. Он встретил меня с каким-то даже подобием улыбки на лице. Несколько позднее я узнал, что этот Иогансон Михаил ждал меня, чтоб передать мне участок. Дело в том, что у него не было специального образования. Он имел только 8 классов, и его убрали с должности мастера. Его же семья проживала в поселке Аллах-Юнь.

Рабочими ключа оказались ссыльные, как их называли официально, – спецконтингент⁵. А вольнонаемные рабочие называли их «власовцами». Были ли они власовцами, или нет – этого я так и не узнал. Но по их рассказам (этих «власовцев») они были во время

⁴ Информация об объекте учета государственного кадастра месторождений : офиц. портал // Российский федеральный геологический фонд. URL: <https://rfgf.ru/gkm/itemview.php?id=13883> (дата обращения: 01.02.2020).

⁵ Спецконтингент – принудительные переселенцы, депортированные в Сибирь из разных республик СССР в основном в годы Великой отечественной войны.

войны в плену у немцев и находились в концлагерях. Среди них были и бывшие пограничники. Были и офицеры. Вели они себя внешне вполне нормально, как обычные люди. Во всяком случае, на ключе не было ни драк, ни хулиганства, ни воровства по вине этого спецконтингента».

Дело в том, что с 1946 г. золотоплатиновая и алмазная промышленность СССР была переведена в подчинение системы МВД, и на свободных приисках появилось множество «исправительно-трудовых лагерей» (ИТЛ) и «отдельных лагерных пунктов» (ОЛП), где активно использовался труд заключенных и ссыльных (спецконтингента) [5, с. 205-206].

«У всех рабочих имелась спецодежда: ватные брюки и бушлат, валенки, а также шапки.

Горные работы на участке (ключе) Кочулюкан заключались в проведении геолого-разведочных шурфовочных линий, а там, где в шурфах⁶ пробы показывали промышленное содержание золота, то пески с породой по пласту выгружались на гора⁷ в отвал. Таким образом, на ключе одновременно велась шурфовочная геологоразведка и эксплуатация.

Участок начал работу недавно, только с осени 1946 г. Выгруженных песков было довольно мало. На следующий же день после моего прибытия на Кочулюкан, утром Иогансон мне сказал, что надо идти делать опробование на шахтах. Мы с ним пошли на шахту №1. Шахта представляла собой шурф несколько широкого для шурфа сечения, примерно 1,4х1,8. Ствол не был закреплен, но имелся лестничный ход. Горизонтальные выработки от ствола на уровне пласта имели неопределенную форму выемки, что свидетельствовало об отсутствии элементарного порядка ведения горных работ. Просто выработки неправильной лавой двигались от ствола шахты в направлениях, где было большее содержания золота. Такую шахту трудно было назвать шахтой – а просто она была бессистемной горной выработкой».

Согласно информации сайта NedraExpert, «месторождение руч. Кочулюкан в период с 1933 по 1989 год было разведано, в основном, шурфами, траншеями, шахтами с уклонами, скважинами УКБ (ударно-канатного бурения). Расстояние между шурф. и бур. линиями от 800 до 80 м, между выработками – 10-20 м. Проходка шурфов осуществлялась двумя способами: на "кайло" и на "пожог". Сечение шурфов – 1.25 кв.м. Интервал углубки – 0,2 м. Опробование шурфов – оперативное, основное и контрольное».⁸

«Мы с Иогансоном провели бороздвое опробование, а вечером подсчитали пробы, определили среднее содержание выгруженных песков за полмесяца и составили акт-процентовку.

По этим актам рабочим этой шахты выплачивалось бонами 40% под выданное на гора золото. Остальное должно быть выплачено при промывке отвалов, т.е. весной, когда будет вода. Но это было только на шахте №1, где работали вольнонаемные старатели.

На других шахтах, а это были шахты №№ 2,3 и 6, работал спецконтингент. Им бонами не платили, а платили рублями как рабочим-сдельщикам.

На третий день моего пребывания Иогансон поручил апробирование вести мне одному, а сам он занялся по хозяйству. Надо было достраивать баню, начинать строить ма-

⁶ Вертикальная (редко наклонная) горная выработка квадратного, круглого или прямоугольного сечения, небольшой глубины (редко более 20-30 м), проходима с земной поверхности для разведки полезных ископаемых, геологической съёмки, вентиляции, водоотлива, транспортирования материалов, спуска и подъёма людей и для других целей. Площадь поперечного сечения шурфа от 0,8-4 кв. м.

⁷ «на-гора» - поднять на поверхность шахты; выражение возникло из речи шахтеров, где слово гора имеет значение «рудник, верхняя поверхность шахты».

⁸ Сведения об открытии месторождения. Маршрутные исследования Джугджурской экспедиции треста «Якутзолото» под руководством Зайцева Н. И.: информ. портал / NedraExpert. URL: <https://www.nedraexpert.ru/subsurface/2100013883/1/works> (дата обращения: 31.01.2021).

газин и склад. Надо было строить домик для мастеров. В общем, на участке ничего не было. Были только шурфы и шахты. Вернее, подобие шахт.

Не добытые геологоразведочные шурфы были в ведении мастера геологоразведки. Им был некий Марков. Лет ему было более 50.

На всем ключе женщина была только одна – старушка, которая являлась и банщицей, и уборщицей. Детей на Кочулюкане не было.

Участок (ключ) надо было строить. Но как, и на какие деньги – этого никто не знал. Надо было одновременно готовиться и к промысловому сезону.

Проходка выработкой велась самым примитивным способом вручную. Все выработки были в породах вечной мерзлоты. Все они были без крепления».

Из официального источника правительства республики Саха мы узнаем, что в то время велась активная работа по замене ручного труда механизированным способом добычи. «В то время трест располагал только изношенным за годы войны оборудованием. Положение стало постепенно улучшаться к 1949 году. Так, в 1947-1949 гг. количество паровых котлов увеличилось с 13 до 29, водоотливных насосов с 22 до 155, ленточных транспортеров с 7 до 17 и т.д. В тресте «Джугджурзолото» уровень механизации был значительно ниже, чем на Алдане. Но и там в 1950 году использовали 4 бульдозера, 11 экскаваторов, 10 промприборов типа «Скруббер» и ленточные конвейеры общей протяженностью 2500 м.

На предприятиях использовались экстенсивные методы хозяйствования и принудительный труд спецпереселенцев и заключенных, не применялись природоохранные меры»⁹.

«На устье шурфов закладывалась только проходческая рама, а на ней ставился ручной вороток. Мерзлоту оттаивали пожогами и бутлом.

В третьей декаде февраля мы достроили баню и вымылись. Через 2-3 дня достроили избушку для ИТР и переселились в нее. Не стал переселяться с нами только мастер г/разведки Марков. Тот барак принадлежал им, геологоразведчикам.

Иогансон уехал с Кочулюкана, а приехал некий Иван Иванович Ипполитов, которого из-за малого роста рабочие прозвали «Жуланчиком». Есть такая где-то птичка малая.

Построили магазин и избушку – общежитие для плотников. Эти строения возводились возле устья ключа Арсенал. Такое громкое название имеет один из правых притоков кл. Качулюкан.

Это место стало как бы базой участка. Ввиду того, что на Кочулюкане летней дороги нет, требовалось создать продовольственный склад и завезти на него продуктов, чтоб хватило до следующей зимы.

Хлеб возили с Аллах-Юня. Требовалось построить пекарню. Начали и ее строить. Начали строить склад.

Все это надо было делать быстро, а силенок было на это совсем мало. Тем не менее, построили, и завезли в склад продовольствие. Продовольствие привозили якуты на лошадях. У них можно было купить и булку хлеба – 100 рублей булка. А в то время, когда еще не было склада, магазина и пекарни в марте 1947 г., а был только заведующий магазина Павлов, то пришлось всему участку (а нас было около 100 человек) претерпеть 4-х суточный голод.

А дело было так. Продукты и хлеб возил завмаг с Аллах-Юня. Для этого мы выделяли ему лошадь или две лошади. Он ехал, и по нашим карточкам закупал каждому в свой мешок продукты и хлеб. Отправился он и на этот раз на 3-х лошадях и запил в Аллах-Юне. Никакой связи – ни телефона, ни радио – у нас с Аллах-Юнем не было. Мы не знали, что Павлов запил и ждали. В назначенный день он не приехал. В этот день остатки продуктов

⁹ Якутия в послевоенные годы: офиц. информ. Портал / Республика Саха (Якутия). URL: <https://www.sakha.gov.ru/istorija/jakutija-v-poslevoennye-gody> (дата обращения: 02.02.2021).

все были съедены. Но люди работали – работали и на голодное. Работали и на второй день сплошной голодовки. Пока не произошел несчастный случай.

Тогда мы, руководители участка – мастера, запретили работать до привоза продуктов.

А дело было так. На шахте №2 работала бригада 3 человека, спецконтингент. Из-за голодухи эти люди были, конечно, ослаблены и когда они спускали на ворота своего товарища, он от головокружения отпустился от троса и упал, когда оставалось еще спуститься метра 3.

В это время к шахте подошел я и Михалёв – начальник геологоразведочных работ прииска, находившийся здесь в командировке.

Надо было пострадавшего поднять на поверхность. Лестничного хода по шахте не было.

Меня спустили в шахту на ворота. Я привязал находящегося в бессознательном состоянии человека к крюку подъемного троса и так его подняли на поверхность. К счастью, этот рабочий отделался несильным сотрясением мозга и ушибами.

Продукты не привезли и на третий, и на четвертый день голодовки. И только на 5-й день часов в 11 дня Павлов с продуктами и хлебом приехал. За такие дела Павлова следовало бы по-настоящему наказать, во всяком случае, уволить. Но, а кто же его заменит?! В ситуации, когда в скором времени потребуется прием грузов с запасом на сезон?!

В апреле месяце, когда склад и магазин были готовы и поступили уже грузы в склад, На Кочулюкане произошло ЧП.

Вот как это было.

21 апреля часа в 4 дня я пришел с объектов к себе домой в избушку. При подходе еще к избушке я заметил несколько человек пьяных рабочих, околачивавшихся возле избушки плотников (там же жили и охранники склада и магазина – 2 чел.). Это мне показалось ненормальным, так как спирт магазин не отпускал – завмагу было запрещено на время пропускать спирт. Магазин оказался на замке. Я спросил у рабочих, где завмаг.

Они ответили, что его тут на базе нет, видимо, он где-то ходит. Когда я зашел к себе в избушку, то оказалось, что там у нас тоже есть пьяный старатель-плотник Кузнецов.

Видя, что человек пьяный, я не стал разговаривать с ним и сел за стол. В это время в избушку стали заходить другие рабочие, кто по делам, а кто просто погреться.

Неожиданно в избушку забежал завмаг Павлов, оглядел присутствующих и, увидя меня, взволнованно заговорил, почти закричал: «Откуда столько пьяных? Наверно, обокрали склад!». Присутствующие, в том числе и я, молчали. Тогда Павлов обратился ко мне и сказал: «Пойдем, посмотрим!».

Мы отправились с Павловым, прошли магазин, а затем зашли в избушку плотников. Там в ужасном винном перегаре и табачной мгле на нарах валялось несколько человек пьяных, и среди них в полулежачем положении находился охранник Баженов. Павлов, разглядев Баженова, закричал: «Где брали спирт? Чей спирт пили?» – и схватил чурку, которая служила вместо табуретки, намереваясь ее пустить в дело, т.е. долбануть ею кого-нибудь. Но я загородил собой Павлова с чуркой в руках и тогда он бросил ее на пол.

На нарах лежали рабочие спецконтингента (гости) и плотники (работавшие у нас по договору), и старатели (вольнонаемные). Среди плотников был и их бригадир Михайлов – пожилой обросший мужчина.

Кстати, на нарах и на полу было немало блевотины, а лежащий на нарах Михайлов в это время мочился себе в штаны.

Тут в избушку зашел Кузнецов, о котором я уже упоминал. Павлов схватил пьяного Кузнецова за шиворот и повел его из избушки в магазин. Следом за ними в магазин зашел и

я. Следом за мной в магазин вошли Ипполитов И. И. и Михалёв, прибывший на Кочулюкан в очередную командировку. Кузнецову указали сесть на чурку, стоящую у стены магазина, и стали спрашивать: «Где брали спирт? Кто вас угощал спиртом? Откуда взялся спирт?». Пьяный Кузнецов прямого ответа на эти вопросы не давал, а мутно глядя на нас, бормотал: «Да, я пил, деньги не платил, но могу уплатить» – и хлопал себя по карманам брюк.

В это время в магазин завалился охранник Баженов с карабином в руках. Баженова мы выгнали и он ушел.

Тут я вышел из магазина и зашел в свою избушку. Пробыл там всего минуту или две, и затем, сняв скипевший чайник с печки и подкинув дров, а также поручив одному из находившихся здесь посетителей быть здесь за хозяина, пока сами хозяева отсутствуют, пошел туда, где должен быть Павлов, Ипполитов и Михалёв. Магазин оказался на замке, и я отправился дальше по пути к избушке плотников и охранников, посмотреть, не там ли Павлов и другие.

Склад находился метрах в 60-ти от избушки плотников.

В это время, когда я уже почти миновал магазин, передо мной явилась следующая картина: метрах в 10 от избушки плотников лицом ко мне стоит Кузнецов, широко расставив ноги, а подскочивший к нему метра на 2 охранник Баженов стреляет ему из пехотного карабина в голову. После выстрела Кузнецов еще, шатаясь, стоит, а Баженов делает выпад и толкает рукой в плечо Кузнецова со словами: «Не будешь продавать!»

Кузнецов падает, а Баженов, увидев меня, передергивает затвор и направляет ствол в меня. Ствол раскачивается, я в это время успеваю отскочить в сторону. Раздается выстрел и пуля летит в пространство. Я прячусь за стену магазина и, выглянув, вижу, что Баженов, спотыкаясь с карабином в руках и крича: «сейчас убью Павлова!» – бежит к складу. Выждав всего несколько секунд, я тоже направляюсь к складу. У склада двери-ворота распахнуты и Баженов, переступив порог, с карабином в руках останавливается. Я встаю за спиной у Баженова. В переходе между штабелями кулей и ящиков, напротив дверного проема возле двух бочек со спиртом стоят Павлов, Ипполитов и Михалёв. Баженов меня не видит и, размахивая карабином, кричит: Сейчас я одному выбил зубы, а теперь буду бить вам!»

Я даю знак Павлову и тем двоим, и хватаюсь сзади за ствол карабина. Карабин выстрелил, и пуля влетела в штабель с кулями муки.

Подскочили Павлов и Михалёв. Баженова свалили, скрутили ему руки, отвязали под сумки с патронами, а карабин я взял, вынул затвор и отдал карабин Павлову, а затвор положил в складе, спрятав между мешками.

Поддав немного Баженову, мы выволокли его из склада и бросили на снег. Баженов остался лежать, а мы пошли к месту, где лежал Кузнецов. Оказалось, что Кузнецова уже подняли и понесли к нам в избушку группа рабочих.

Там мы подставили скамейку и грудью положили Кузнецова поперек скамейки.

Все присутствующие находились в потрясении и никто не знал, что нужно делать дальше. Все молчали.

Тогда я взял аптечку и подобрался к Кузнецову. При слабом свете копилки мы разглядели, что у Кузнецова пуля пробила левую щеку, разбила скулу и осталась в теле. Из рта вываливалась кровь, сукровица и осколки зубов. Кузнецов тяжело дышал с тяжелым хрипом. Ватой, смоченной в воде, я попытался обтереть сукровицу, но она продолжалась. Тут мне помогли, и мы обвязали голову Кузнецова бинтами, а затем белой тряпкой. В этот момент в избушку зашел Баженов и, постояв среди полутора десятков людей, стоявших в полном молчании, не произнеся ни слова, скрылся за дверь. Казалось, что он был совершенно трезв.

После этого только мы стали соображать, что делать.

На Ипполитова эта история так подействовала, что он замер и никаких действий не производил, хотя он тут был старшим на участке. Потом, когда я ему сказал, что надо принимать меры, только тогда он мне сказал:

– Давай, двоих отправляй с Кузнецовым в Аллах-Юнь.

Я выбрал самых крупных ростом рабочих, Стеблова и Палкина, а конюха послал запрягать лучшего из наших коней по кличке «Черко», хотя сам этот конь был вовсе не вороной.

Стали говорить, что Баженова надо поймать и связать. Но тут кто-то из вошедших сказал, что Баженов уже удрал.

Далее дело было так: Кузнецова положили в сани, закутали его потеплее сеном и дерюгами. Стеблову с Палкиным дали ружье с патронами и сказав им несколько напутственных слов, отправили в Аллах-Юнь.

По дороге они нагнали Баженова, остановили его, и поверхностно обыскав и ничего серьезного не найдя, приказали идти впереди коня. Баженов никакого сопротивления не оказывал.

Так они добрались до зимовья «Кресты». Но вот в зимовье «Кресты» Баженов пытался пустить в ход нож, который у него был запрятан при себе и который Стеблов с Палкиным у него не обнаружили при обыске.

Попытка Баженова пустить в ход свой нож провалилась. Стеблов с Палкиным оказались тут на высоте. Нож отняли, а самого Баженова скрутили веревками и привязали к столбу в зимовье.

На другой день они добрались до Аллах-Юня. Баженова сдали в милицию, а Кузнецова в больницу. У Кузнецова оказалась пробита гортань, и вскоре он умер в больнице.

Меня вызвали в суд по делу Баженова в качестве свидетеля. Суд заседал примерно 1 час и вынес приговор Баженову: 10 лет лишения свободы. Баженов был не молод – более 45 лет, и к тому же больной. Погибший Кузнецов был примерно в этом же возрасте, если не старше.

В конце апреля к нам на участок прибыл еще один «артист» по фамилии Афанасьев. Его отправили к нам в качестве пробного мастера, в котором мы остро нуждались.

Но Афанасьев (а приехал он с женой) работать не собирался. Подружился он с завмагом Павловым, а тот по дружбе отпуская ему спирт.

Афанасьев каждый вечер заходил к нам в избушку и, остановившись в 1,5-2-х метрах от порога, начинал свои рассказы. Рассказы эти были чудовищно переплетены нецензурными словами и блатным жаргоном.

В общем-то, Афанасьев только что прибыл из Колымы, где он отбывал 10 лет лишения свободы. Из его рассказов никакого определенного смысла составить было невозможно. Слушать нам его было хотя и противно, но все же весело. Мы ведь были совсем почти оторваны от мира. Ни радио, ни кино, ни газет, ни книг, ни музыки – ничего.

Не было даже стекла, извести, досок. Все, что было сделано на Кочулюкане – все было из-под топора и двуручной поперечной пилы.

Письма нам доставляли те из кочулюканцев, кто по каким-то причинам побывал в Аллах-Юне.

Так что Афанасьев со своими рассказами был для нас своего рода находкой. Но его пришлось убраться с Кочулюкана.

Дело в том, что Афанасьев порученную работу не выполнял. А когда перед ним поставили вопрос: или он будет работать, или его уволят – он стал угрожать. Это мне передали рабочие. А вскоре один из рабочих мне сказал, что он видел Афанасьева в лесу недалеко от дороги, и Афанасьев там стрелял из револьвера.

Я об этом рассказал старшему мастеру Ипполитову. Но Ипполитов был не тем человеком, который бы правильно оценивал обстановку, и к моему сообщению никакого внимания не проявил.

Тогда я сам, без ведома Ипполитова, написал письма в два адреса. Одно – в адрес начальника Аллах-Юньского отделения милиции Пушкарева; второе – в адрес директора Евканджинского прииска Сирина. Письма отправил с попутным и надежным человеком (из рабочих) и наказал ему, чтоб он принес на письма ответ.

Ответа ждать пришлось недолго.

С этим же человеком пришло письмо на имя Ипполитова от директора прииска, в котором заключалось требование отправить Афанасьева вместе с женой и вещами в Аллах-Юнь в такой-то день, в такой-то час и по такой-то дороге.

Требование было выполнено точно. Афанасьева отвозил наш коновозчик на трех лошадях вьючно.

По возвращении этот возчик мне рассказал, что когда до Аллах-Юня оставалось км 10 или 12, на дороге их встретила милицейская засада. Обыскали вещи и нашли револьвер у Афанасьева. После этого Афанасьеву надели наручники и доставили в отдел милиции. Позже уже я узнал, что Афанасьева вновь осудили на 5 лет лишения свободы.

Были на Кочулюкане и другие случаи.

Однажды – где-то в июне 1947г. – некий Костенко из спецконтингента забрался в избушку, где жили рабочие тоже спецконтингента и украл у них краюху хлеба. Такого у нас на Кочулюкане еще не было. Надо сказать, что Костенко был слабоумным до некоторой степени.

Вернувшись домой, рабочие обнаружили пропажу хлеба и стали искать того, кто украл. Им кто-то из людей сказал, что возле избушки толкался Костенко.

Тогда они разыскали Костенко, крепенько прижали его и он сознался в краже. Затем Костенко привели к нам в избушку и заявили: «Или уберите его с Кочулюкана, или мы его убьем!»

Ипполитова на Кочулюкане в это время не было. Он находился в Аллах-Юне. В избушке в это время жили только я и взрывник Янтер Карл Иванович.

Рабочим я сказал, что мы его (Костенко) уберем, а вы его больше не трогайте, и тут же сказал Костенко, чтоб он завтра утром пришел сюда.

Потом, посоветовавшись с Янтером К.И., что делать, мы пришли к выводу, что Костенко с Кочулюкана надо убирать.

На другой день я отправил Костенко в Аллах-Юнь к директору с запечатанным письмом. Директор перевел его на другой ключ.

Вернувшийся из Аллах-Юня Ипполитов предъявил мне претензию, что я занимаюсь самоуправством. В ответ на это я ему объяснил, что в таких делах, как случай с Костенко, нельзя шутить. Иначе недалеко и до беды. И тут же напомнил Ипполитову про дело с Афанасьевым, где он тоже проявил равнодушие.

Тогда Ипполитов еще более рассердился и наговорил мне грубостей. На это я ему ответил, чтобы он хвост на меня не подымал и что я ценю ему, Ипполитову, знаю. На этом примерно разговор у нас с ним закончился.

На Кочулюкане в июне месяце уже кончилась промывка выгруженных песков, но предполагаемого от промывки золота не оказалось.

Прииск оказался по Кочулюкану в ущербе. Намытого золота кое-как хватило расплатиться с банком. Создалась напряженная обстановка.

На Кочулюкан прибыла комиссия разбираться, почему оказалась мало сданного от промывки металла. В составе комиссии были оперумолноченный КГБ Флусов, оперумолноченный МВД Филимонов и представитель из РК партии.

Первые два дня они разножили по баракам и по нашим документам, а на третий день они приступили к опросу меня.

Вопрос их был ко мне такой: «Почему оказался разрыв между расчетным количеством металла в выгруженных песках и фактически сданным от промывки металлом?»

Вопрос не из легких. А времена тогда были такие, что веселого мало. Я им объяснил примерно в следующем порядке:

Первое. Я нахожусь на Кочулюкане с февраля месяца 1947 г. Выгрузка песков производилась с октября 1946 г. и до середины апреля 1947 г.

Акты процентов для авансирования старателей до 23 февраля 1947 г. я не подписывал. Таким образом, за выгруженные пески с октября по 23 февраля я не отвечаю. Как до меня производилось апробирование и производилось ли оно вообще, и как определялся объем выгруженных песков, мне это неизвестно.

Второе. О россыпи, о ее пластах, о ее характеристике никому ничего не известно. Так как россыпь еще только разведывается, и как производить отбор проб, и как подсчитывать среднее содержание золота на кубометр песков – никто еще не знает. Правильный или нет был наш способ апробирования и подсчетов – это тоже пока неизвестно.

Третье. Я предложил комиссии провести контрольную промывку с их непосредственным участием и надзором, а потом уже обвинять и наказывать кого-то, если будет на то основание.

Один из членов комиссии, оперумолномоченный МВД Филимонов, имел небольшое представление о горных работах – он года два работал старателем.

Этот Филимонов посоветовал другим членам комиссии провести контрольную промывку.

Такая промывка была произведена и показала, что практика отбора и подсчета запасов по тому способу, по которому мы проводили, является неприемлемой к условиям данной россыпи. А какой способ апробирования и подсчета должен быть, никто, безусловно, в то время понятия не имел.

После этого комиссия уехала.

Летом 1947 г. начались лесные пожары. Отчего они возникали – неизвестно. Ближние пожары, т.е. на ближних сопках, возможно, что возникали из-за неосторожности – небрежности людей с огнем в лесу.

Но лес горел везде. Пожары эти, конечно, никто не тушил. Пришлось нам тушить пожар, который надвигался на складик ВВ (взрывчатых веществ) на левой стороне кл. Кочулюкан. Склад ВВ спасли.

Из бумаг, поступивших к нам с Аллаха-Юня, ни разу не упоминалось о лесных пожарах и о мерах их ликвидации.

Один раз только за период проживания на Кочулюкане нам довелось из овощей отведать только одну культуру – лук зеленый. Его нам привезли вьючно несколько мешков.

Десны сочились кровью почти у всех.

Я приспособился на Кочулюкане жарить траву съедобную, причем очень кислую. Называется она щавель.

Из-за недостатка витаминов и недостатка питания вообще у меня, да и у всех, ощущалось недомогание. Рано наступала усталость, вялость.

В первые месяцы я всего этого не ощущал. Вместе с этим меня ожидал еще сюрприз.

В августе месяце 1947 г. пришел приказ перевести меня на должность мастера по опробованию горных выработок.

Предварительно на эту тему со мной никто не разговаривал. Никаких взысканий я не имел. Вот только предлагаемый мне заём 1947 г. на 1500 р. я подписал всего на 500 р. На эту тему со мной тоже никто не разговаривал.

В общем, со мной решили не разговаривать, а просто понизили меня в должности. Вот и все.

Тогда я решил обдумать свое положение, вспомнил все: и как нас встречали, и как с нами не изволили даже побеседовать, дать наставление, подсказать; и в какие условия поставили, и какие шпильки мне преподносили.

И я твердо решил покинуть этот Богом забытый край и это постылое мое окружение. Жаль только было покидать эту страну (местность). Ведь эти места, где я находился, хоть и являлись дикими, почти пустынными со слабой растительностью – край вечной мерзлоты. Но в этом крае много и замечательных достоинств. Только не сразу и не каждый это поймет и разглядит.

Во-первых, местность гористая, но гористость эта очень живописная. Горы представлены и сопками, и горами, какие мы привыкли видеть в других местностях, и обнаженными скалами, уходящими в поднебесье своими белыми шапками и гребнями.

Во-вторых, огромная масса распадков и долин с ручейками, ручьями, родниками, ключами. Вода в этих водоемах очень чистая и вкусная. Ведь эти речки и ключи никто никогда не гадил.

В-третьих, если вершины гор и сопок и стоят голые, поросшие только мхом, а во многих местах прикрытые только очень тонким слоем белого мха – ягеля, то нижние части склонов, а тем более распадки, здесь богато поросшие растительностью – лесом и кустарником. Более всего преобладает, конечно, лиственль. Но много есть и тополя, и осины, и елей. Немало и березы, и ивняка. Много тут грибов, ягод и стланикового ореха. Очень много шиповника на вершинах сопок. Весной травы расцветают, все вокруг становится нарядным и прекрасным.

Кое-кто, конечно, может возразить, что ценность местности не в ее цветочках и ключиках.

Нужно и еще кое-что.

Безусловно, я с этим согласен. Здесь нужно много тепла. А его здесь мало. Здесь желательнее поменьше морозов. А их здесь много. Здесь нужны дороги, а их нет и в помине, если не считать зимники по руслу рек. Этот край не назовешь краем сельскохозяйственного изобилия – его здесь нет, этого сельского хозяйства.

Что тут могут дать недра – никто не знает. И для того, чтоб узнать, нужно вбить очень много сил и средств. Для того чтоб здесь взять то малое – золото, разбросанное горстями по долинам ключей и речек, сюда засылают спецконтингент з/к, на котором далеко не уедешь.

Пожалуй, от них здесь больше вреда и хлопот, чем пользы. (По своей воле сюда приезжают немногие, а в основном те, которых предприятия и организации не терпели и выжили). А таких как я, т.е. откомандированных сюда на работу после окончания учебных заведений, таких здесь совсем мало.

Прикинув все «за» и «против», я решаю, что здешние места не для меня, и что мне необходимо отсюда смотаться.

В том же августе месяце 1947 г. я написал заявление в два адреса: управляющему трестом «Джугджурзолото» т. Собко и директору Евканджинского прииска т. Сирину с просьбой уволить меня, а если это невозможно, то перевести на прииск Ыныкчан в Нижне-Ыныкчанский госмехразрез.

В своем заявлении я изложил, что жить здесь, в Якутии, я не намерен и работать тем более, особенно в Евканджинском прииске и что, если мне администрация не позволит отсюда уехать, тогда я оставляю здесь свою трудовую книжку – она меня не задержит.

8 сентября 1947 г. на Кочулюкан пришел приказ: «Ожигова А.М., горного техника, с 9 сентября 1947 г. перевести на Ыныкчанский прииск. Основание – рд. (радиограмма) управляющего трестом Собко». (Тогда трест уже находился в Якутске).

На другой же день с попутным коновозчиком мы на трех лошадях верхом и вьюком добрались до Аллах-Юня, а 10 сентября я рассчитался с Евканджинским прииском и поехал направление на прииск Ыныкчанский.

Оставалась проблема – как добраться до Ыныкчана».

По официальной информации, Ыныкчан – это посёлок городского типа в Усть-Майском улусе Якутии. Находился в 175 км от районного центра на правом берегу р. Ыныкчан, в 278 км к востоку от улусного центра п. Усть-Мая... Возник в 1940 г. в связи с началом разработки месторождения золота. Отнесён к категории рабочих посёлков в 1940 году. В 1957 году трест «Джугджурзолото» ликвидируется и образуется прииск Ыныкчан в составе Якутского совнархоза, в который входят 5 участков. Расформирован в 2008 году.¹⁰ Таким образом, на сегодняшний день такого поселка больше не существует. Его история связана с активной добычей золота во время войны, этот труд был, по истине, героический.

«В 1942 году проводятся структурные преобразования приисковых управлений. Так Евканджинское, Баатыльское и Светлинское управления объединяются в Евканджинский прииск... В результате образовались следующие прииски: Бурхалинский, Евканджинский, Минорский, Ыныкчанский, Юдомский, Верхне-Майский.

Тогда в старательских бригадах работало 4000 человек, в том числе более 800 женщин» [9].

Источник из национального архива республики Саха сообщает: «На приисках Аллах-Юня работали 708 женщин. Многие из женщин хорошо освоили профессии забойщика, бурильщика, откатчика, отвального, а также возчика, конюха, лесоруба и т.д. Прииск «Ыныкчан» Дальстроя, дважды завоевывал переходящее красное знамя Государственного комитета обороны. Трест «Джугджурзолото» досрочно выполнил годовую программу и организовал сверхплановую добычу золота в фонд Красной Армии. В летние сезоны горняки самоотверженно работали без выходных дней. Оба треста за годы войны перевыполнили планы, сдав государству до 90 тонн золота в сезон добычи. Большая доля добытого золота принадлежала заключенным Дальстроя, одного из подразделений ГУЛАГа на территории Якутии».¹¹

«Но в 1943 г. проводилась первая массовая мобилизация и на фронт ушли 806 человек. Всего из подразделений Джугджурзолото за годы войны было призвано 1300 человек. Рабочее время продлили до 12 часов, отменили отпуска, выходные и праздничные дни. Ушедших на войну заменили женщины и подростки. Все работали под девизом: «Каждый грамм золота – смерть фашисту!». Несмотря на призыв рабочих и специалистов в действующую армию, с каждым годом росла добыча золота. В 1943 г. Джугджурзолото трест выполнил годовой план и начал работать за счет будущего года. Прииски Юдома и Ыныкчан в годы войны дважды завоевывали Переходящее Красное знамя Государственного Комитета Обороны. В годы Великой Отечественной войны трест Джугджурзолото» (Аллах-Юнь) стране дал 23,0 т золота, «Якутзолото» (Алдан) – 15,6 тонн. В приисках катастрофически не хватало продуктов питания» [7, с. 18].

¹⁰ «Достояние республики»: Летопись золотодобычи Алдана: офиц. информ. ресурс / БЕЗФОРМАТА. URL: <https://yakutsk.bezformata.com/listnews/respubliki-letopis-zolotodobichi-aldana/56200783/> (дата обращения 15.01.2020).

¹¹ Развитие Алданской золотой промышленности: информ. портал // Национальный архив республики Саха (Якутия). URL: http://archivesakha.ru/?page_id=5942 (дата обращения: 16.02.2020).

«Ыныкчан расположен на левом притоке р. Аллах-Юнь, в 250 км ниже по течению от поселка и районного центра Аллах-Юнь.

Аллах-Юнь – это не судоходная река, хотя бывает и многоводна в дни паводков. Река эта страшна своими перекатами, лесными заламами, подводными и надводными глыбами и очень быстрым течением.

Аллах-Юнь немало поглотила людей, которые по ней пробирались на плотах и лодках.

Надо было найти, на чем и с кем плыть.

И мне повезло. На 12 сентября намечалось отправить две почтовые лодки с лоцманом и почтой. Но в этот день лодки не пошли. Пошли они 13 сентября часов в 12 дня.

Стать пассажиром я договоривался только с самим лоцманом. С его руководителями разговаривать было бесполезно.

Этот старик в разговоре мне сказал, что брать он больше никого не намерен, так как уже набрал людей. Но когда я ему сказал, что у него на лодках некому грести, так как пассажиры его не такие, каких надо (а это действительно был сброд, для него неподходящий), то за 100 руб. он согласился меня взять с условием, что я буду грести веслами так, как надо.

Лодки плоскодонки нормальной грузоподъемности по 500-600 кг каждая. Но на них смело можно было грузить и тонну по нормальной реке.

Лоцман посадил меня во вторую лодку.

При этом путешествии я по-настоящему узнал, что такое река Аллах-Юнь. Узнал я и про Шаманский пережат, о котором до этого пользовался только слухами. Шаманский пережат находится в 18 км от Аллах-Юня вниз по течению. Здесь река узким ущельем пересекает отроги хребта.

Когда до Шаманского пережата оставалось примерно 3 км, лоцман причалил лодки к правому берегу реки и сделал небольшую остановку.

Во время этой остановки он сказал: «Вот, до сюда мы добрались целы, а переберемся ли целы через Шаманский пережат – один Бог знает».

Кто-то предложил, что может быть по пережату лодки провести на веревках, а самим пройти по берегу.

На это лоцман ответил, что эти разговоры пустые. Потом он сказал: «Сейчас мы будем плыть, держась близко правого берега, а где река поворачивает влево, надо пересекать реку и прибаваться к левой стороне реки. И если сумеем, то тогда проскочим чистую струю между двумя камнями. А не попадем в струю – поминай как звали».

Тут же он добавил, что вторая лодка должна все время идти за первой. А потом распорядился одну женщину пересадить с первой лодки на вторую, а одного из мужчин с нашей лодки взял к себе на лодку. Женщин предупредил, чтоб не шевелились и не кричали, и не брались руками за борта.

Все это на нас на всех подействовало тревожно. Но делать было нечего. Успокаивало немного только то, что мы знали, что этот старик здесь проплывал много раз.

И вот поехали. Когда проплыли с километр, то услышали шум воды, который стал нарастать, а берега обступили реку, зажав ее почти отвесными скалами.

Шум нарастал, но наш лоцман внешне вел себя спокойно. Но вот подошло время, когда этот старик повернулся к нашей лодке и прокричал: «Нажимайте на весла и за мной!»

Передняя лодка круто развернула нос влево и пошла на пересечение реки. Но видно гребцы этой лодки делали не очень сильные взмахи – лоцман грубо закричал на них: «Гребите сильнее или сейчас нам каюк!»

На нашу лодку он не оглядывался, но мы уже понимали, что к чему, и делали все, что в наших силах. Лодки мчались с большой скоростью и нам, гребцам, было не до разглядывания, а сильный шум становился еще сильнее. Но вот лодки повернули вдоль реки и наш рулевой мужик облегченно произнес: «Ну, теперь, значит, еще поживем». Я оглянулся и увидел,

что передняя лодка прошла точно по струе между двумя камнями, на которых бесилась и клокотала вода, а через 3 или 4 секунды по ее следу пролетела наша лодка. Я оглядел реку и только тогда почувствовал, какой мы подвергались опасности.

Если бы мы не сумели выгрести вовремя к этому проходу между глыбами (а ширина прохода не более 15 метров), лодки бы моментально разбило бы в щепы о камни, где ревели, клокотала, пенилась и неистововала река.

Дальше лодки шли нормально, если не считать, что нам несколько раз приходилось таскать их волоком на перекатах, которых здесь в малую воду предостаточно.

На ночевке лоцман нам рассказывал, сколько здесь, на реке, было известных ему трагедий и с плотами, и с лодками, и с глассерами, и с лошадьми, тянувшими на веревках лодки с продовольствием и другими грузами вверх по Аллах-Юню. Рассказал он и об имевшихся случаях нападения бандитов, которые в основном нападали на людей во время ночевки на берегу реки.

Наше прибытие на устье ключа Ыныкчан совпало с приходом туда с Эльдикана двух глассеров, которые привезли нового директора Ыныкчанского прииска Синютинина с его семьей и Красноярских артистов.

Здесь мне опять повезло. Я взобрался в кузов одного из двух грузовиков, приехавших за Синютинным и артистами, и таким образом доехал до прииска, до которого было еще 14 км.

На прииске я сразу же зашел в контору управления. Директора не оказалось на месте, но был его заместитель – некий Лычалов. Он, взглянув на мое направление и не сказав ни слова, написал на направлении «О.К. направить горным мастером на разрез» и тут же занялся с другим посетителем.

Я пошел в О.К. (отдел кадров) и там при оформлении спросил: «Где же мне ночевать?». В О.К. мне сказали, что иди к зам. директора. Я опять к Лычалову. Он сказал, что жилья у нас нет, походи-поспрашивай, может кто и пустит, хотя бы на время – и тут же снова занялся с посетителями, которые у него сидели в кабинете.

Я понял, в какое гадкое положение я снова попал и, сжав зубы, вышел из конторы на крыльцо, чтоб немного остынуть и поразмыслить. Тут уже опять и уже совсем твердо решил – нет, долго я здесь не буду.

Я снова зашел в О.К. и сказал: «Заберите свою бумажку и отдайте мне трудовую книжку». Мне ответили: «Не имеем права». На это я ответил: «А издеваться над людьми вы имеете право? Где я буду ночевать с вашей бумажкой?»

Тут что-то человеческое шевельнулось в душе у этих козявок из О.К. Один из них позвонил в разрез и, сказав в трубку несколько слов, передал трубку мне. На проводе оказался начальник разреза (фамилию его не помню). Я ему объяснил, что прибыл переводом в Ыныкчан, мне дали направление в разрез сменным мастером, а про жилье заявили, что жилья нет и, в общем, мне негде даже ночевать. Начальник разреза мне порекомендовал пройти в избушку, где живут два холостяка и подождать их, когда они придут с работы, а он с ними сам договорится и примерно назвал место, где избушка находится, а также назвал фамилии этих холостяков. Затем добавил, чтоб я явился завтра в седьмом часу утра в разрез. Я вздохнул с облегчением.

Избушку я разыскал, подождал когда придут хозяева. Хозяева пришли и, хоть и хмуро, пустили меня к себе, сказав: «Живи, но не больше недели».

Утром я пришел в разрез. Там предъявил направление из О.К. Начальник разреза без всяких предисловий сказал: «Вот мастер Уваров. Он тебе поможет расставить з/к¹² на

¹² з/к – заключённый (ЗК, «ЗеКа», «зек») человек, лишённый свободы по приговору суда и отбывающий наказание в специальном учреждении колонии, следственном изоляторе, тюрьме и т. п. Слово «зэк» возникло из сокращения «з/к» (зэка) заключенный каналармеец. Беломорско-Балтийский канал им. Сталина соединил Белое море с Онежским озером.

рукаве». С Уваровым мы вышли из конторки и тут нам представилась картина, которую до той поры видеть не приходилось. По дороге двигалась колонна з/к, а затем, свернув с дороги, направилась на спуск в разрез.

Уваров мне сказал: «Вот, смотри – это теперь твои работнички. Я уже от них отделался».

Уваров мне помог разоставить з/к по забоям, а потом дал мне свою тесемную рулетку и ушел. Уходя он меня предупредил: «Смотри, не останься без зарплаты из-за перемера».

При расстановке з/к я понял, что они распределены по нескольким бригадам и в каждой бригаде есть бригадир з/к. Кстати, эти бригадиры и принимали участие в расстановке. Работа з/к заключалась в погрузке песков в тачки и доставке их на ленточные транспортеры (конвейеры).

Каждый з/к требовал себе отдельное место (забой) и только некоторые объединялись по 2-3 человека.

Какой вид был у этих з/к – писать, конечно, не стану. Не стану я писать и про все другое, с ними связанное».

За 5 лет до Алескея Ожигова, в самый разгар войны, на Ыныкчане оказался другой молодой специалист – горный инженер Алескей Чагин. В историческом очерке, написанном по его воспоминаниям, говорится: «Прииск "Ыныкчан" оказался лагерем – 5,5 тыс. заключенных обеспечивали воюющую страну золотом. В колонии их жизнь напрямую зависела от "пайки". Выработывал норму – получал рацион, позволяющий выжить. Полнормы – "полпайки". Выбился из сил – умирай с голоду. Лагерный люд делился на работяг, доходяг и огоньков. Работягами называли тех, кто справлялся с нормой. Когда здоровье сдавало, он попадал в разряд доходяг. Доходяге норма была уже не по силам, но страх заставлял работать с надрывом, и вскоре истощенный человек уже не мог подняться с нар. А значит, ты уже огонек, дни которого сочтены. О медицинской помощи не могло быть и речи – обессилевших охрана травила волкодавами. Наивная попытка Чагина заступиться за несчастных вызвала ужас у начальства – за подобное можно было запросто пересесть на нары.

За промывочный сезон в "Ыныкчане" добывали около 5 тонн золота. "Громоздкая лагерная система дать больше не могла", – вспоминает Алексей Алексеевич Чагин. В этом он убедился, получив в 1943 году назначение на прииск "Юдомский", где 300 профессиональных старателей добывали в сезон до 7 тонн золота. Правда, россыпи здесь были богаче, но решающую роль все же играла иная организация труда, где к человеку относились по-человечески.

В "Ыныкчане" Чагин сильно тяготился тем, что его обязали вести учет выработки нормы заключенными. С одной стороны – умоляющие глаза эков, с другой – жесткий контроль особистов. Позже, освоив азбуку лагерных отношений, Чагин уже позволял себе "собачиться" с начальством. На прииске "Курун-Урях" он не только угощал полученной по карточке махоркой (сам не курил) осужденных, но и "подтягивал" в шахте до нормы тех, кому она была не под силу. Подозрительному начальнику мог бросить: «А ты пойдешь туда и проверь!» Те в шахту спускаться боялись – были случаи, когда оттуда не возвращались» [8].

«В общем, я в первую же минуту пребывания в разрезе понял, что отсюда надо тикать, и чем быстрее, тем лучше.

И снова мне повезло. Уваров сказал, что освобождается прирубчик к той избушке, где он живет, так как та семья переходит в свою избушку, которую они построили. Этот прирубчик мне удалось занять. Но его требовалось отапливать. Я обратился в коммунальный отдел. Там мне сказали, что сейчас дороги нет и дрова не возят. Будут возить зимой и заявление мое на выпуску дров не приняли.

Ыныкчан не Колючукан. Если на Колючукане дрова тут же – сухостой и знай, только пили, то Ыныкчан окружен голыми сопками и горами, где лес уже вырублен и остался

только кустарник. В общем, топить печь было почти нечем, несмотря даже на то, что я каждый день промышлял дрова и носил их на себе.

Наступили первые числа октября 1947 г. В забоях разреза из-за холодов образовалась мерзлота. Кайла уже не способна была отбивать породу. З/К перестали водить в разрез. Тогда меня направили на вскрышу, где работали экскаваторы типа драйлайн, перелопачиванием вскрывавшие пласт. В разрезе работало два паровых экскаватора Костромского завода по 0,7 м³ и два паровых экскаватора американских «Морион» емкостью 1,25 м³. Рассказывать я про них не стану. Скажу лишь некоторое. На экскаваторе отечественном в одну смену обслуга составляла:

Машинист – 1;

Помощник – 1;

Кочегар – 1;

Нижник – 1;

Подвозчиков воды – 2 чел.;

Подвозчиков дров – 2 чел.;

Распиловщиков дров – 3 чел.

Итого: 11 человек.

Сам же этот экскаватор, если перелопачивал когда 50-100 м за смену, то это считалось высокой выработкой. В основном эти экскаваторы стояли на различных ремонтах и авариях.

Экскаваторы «Морион» – новые отличные экскаваторы, хотя и много требовали воды и дров, но работали они почти безостановочно и без всяких аварий».

По свидетельству Топоркова, «в послевоенные годы произошло снижение уровня золотодобычи, в связи с этим возникла необходимость технического перевооружения золотодобывающих предприятий района. Была введена механизация добычи и отработки песков, появились экскаваторы, ленточные транспортеры, скрепера; была запущена первая 50-литровая драга в Ыныкчане» [9]. Но это будет уже позже.

«В конце сентября 1947 г. я написал в Бодайбо к матери письмо, в котором подробно описал, как мне тут живется и выразил свои намерения уехать отсюда, из треста «Джугджурзолото».

Перегнали экскаваторы на ремонт. Работы в разрезе подходили к концу. Надвигалась перестановка работ на зимние условия. И вот 15 ноября мне сообщили, что мне пришел перевод в трест «Лензолото». Я снова пришел к директору прииска. Его снова не окзалось, но был на месте тот же Лычалов.

Лычалов подтвердил, что есть такая радиограмма от Собко о переводе в трест «Лензолото». Вот тут-то он меня и спросил, почему я добивался перевода? Почему не захотел работать в тресте «Джугджурзолото»? На это я ему ответил: «Тов. Лычалов, вы тут работаете на Джугджуре. Вам тут дали квартиру, дали дрова и прочее. Вы и работайте. Мне тут ничего не дали».

Итак, мы вновь [3] видим практически полное фактологическое совпадение рассматриваемых мемуарных материалов имеющимся официальным историческим источникам. Однако резкий эмоционально-субъективный тон воспоминаний придает эмоционально отрицательный окрас условиям работы в послевоенный период на золотых шахтах Якутии. 1947 год, когда ушло напряжение военного времени, но страна еще не вышла из разрухи, характеризуется тяжелыми условиями труда, низким уровнем механизации и квалификации работников, значительную часть которых составляют заключенные и спецконтингент. Попавший добровольно-принудительно в эти обстоятельства 20-летний юноша смог закалить свой характер, подтвердить квалификацию и просто выжить и остаться человеком.

Список литературы

1. Антонов, Е. П. (2002). *Промышленное освоение Якутии в 1920-1930-е гг.* // Сибирская заимка. Т. 2002. С. 1. URL: <http://zaimka.ru/antonov-yakutia/> (дата обращения: 23.01.2021).
2. Бушина, Н. А. (2006). *Влияние золотопромышленности на экономику региона в освещении сибирской печати второй половины XIX в.* // Историко-экономические исследования. Т. 7, № 2. С. 79-90.
3. Грушина, О. В. (2018). *История экономического развития северных территорий: открытие мараканской золотой россыпи в 1950 г. глазами очевидца* // История: факты и символы. № 3 (16). С. 29-44. URL: <http://historic-journal.ru/archive/archive2018/issue3/>.
4. Ищенко, Р. В. (2020). *Индустриализация Сибири: замысел, реализация, последствия* // Иркутский историко-экономический ежегодник. С. 242-258.
5. Лысков, В. М. (2014). *Органы управления и контроля государственной и старательской золотопромышленностью в России/СССР (1917-1991 гг.)* // Историко-экономические исследования. Т. 15. № 1. С. 195-214.
6. Округин, А. В. (2002). *Золото Западной Якутии* // Наука и техника Якутии. № 2(3). С. 28-31.
7. Павлов, А. А. (2016). *Аллах-Юньские грузоперевозчики в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.* // Молодой ученый. № 29.1. С. 18-20. URL: <https://moluch.ru/archive/133/37208/> (дата обращения: 23.01.2021).
8. Сас, И. (2021). *Как добывалось золото Победы (исторический очерк)*. URL: <https://libmonster.ru/m/articles/view/> (дата обращения: 16.02.2021).
9. Топорков, В. (2005). *А началось все с предположений геолога Эрмана* // ИЛИН. № 3 (44). URL: <http://ilin-yakutsk.narod.ru/2005-3/31.htm> / (дата обращения 1.02.2021).
10. Хатылаев, М. М. (1997). *Золото Восточной Сибири в стратегии форсированной индустриализации 1926-1937 гг.* Якутск: Изд-во Якут. гос. ун-та им. М. К. Аммосова. 296 с.

References

1. Antonov, E. P. (2002). *Promyshlennoe osvoenie Jakutii v 1920-1930-e gg.* [Industrial development of Yakutia in the 1920s-1930s] in *Sibirskaja zaimka*, t. 2002. URL: <http://zaimka.ru/antonov-yakutia/> (date accessed: 23.01.2021). (in Russian).
2. Bushina, N. A. (2006). *Vlijanie zolotopromyshlennosti na jekonomiku regiona v osveshhenii sibirskoj pechati vtoroj poloviny XIX v.* [The influence of the gold industry on the economy of the region in the coverage of the Siberian press of the second half of the XIX century] in *Istoriko-jekonomicheskie issledovanija*, vol. 7, 2, 79-90. (in Russian).
3. Grushina, O. V. (2018). *Istorija jekonomicheskogo razvitija severnyh territorij: otkrytie marakanskoj zolotoj rossypi v 1950 g. glazami ochevidca* [History of the economic development of the northern territories: the discovery of the Marakan gold placer in 1950 through the eyes of an eyewitness] in *Istorija: fakty i simvoly*, 3 (16), 29-44. (in Russian).
4. Ishhenko, R. V., Skrashhuk, V. V., Ljustrickij, D. G. (2020). *Industrializacija Sibiri: zamysel, realizacija, posledstvija* [Lustrini Industrialization of Siberia: conception, implementation, implications] in *Irkutskij istoriko-jekonomicheskij ezhegodnik*, 242-258. (in Russian).
5. Lyskov, V. M. (2014). *Organy upravlenija i kontrolja gosudarstvennoj i staratel'skoj zolotopromyshlennost'ju v Rossii/SSSR (1917-1991 gg.)* [Organs of management and control of the state and prospector gold industry in Russia / USSR (1917-1991)] in *Istoriko-jekonomicheskie issledovanija*, vol. 15, 1. 195-214. (in Russian).
6. Okrugin, A. V. (2002). *Zoloto Zapadnoj Jakutii* [Gold of Western Yakutia] in *Nauka i tehnika Jakutii*, 2(3), 28-31. (in Russian).

7. Pavlov, A. A. (2016). *Allah-Jun'skie gruzoperevozchiki v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.* [Allahu-Yun cargo carriers in the years of the Great Patriotic War of 1941-1945] in *Molodoj ucheny*, 29.1, 18-20. URL: <https://moluch.ru/archive/133/37208/> (date accessed: 23.01.2021). (in Russian).

8. Sas, I. (2021). *Kak dobyvalos' zoloto Pobedy (istoricheskij ocherk)* [How the gold of Victory was extracted (historical essay)]. Moscow, Russkij Libmonstr. URL: <https://libmonster.ru/m/articles/view/> (date accessed: 16.02.2021). (in Russian).

9. Toporkov, V. (2005). *A nachalos' vse s predpolozhenij geologa Jermana* [And it all started with assumptions geologist Hermann] in *ILIN*, 3 (44). URL: <http://ilin-yakutsk.narod.ru/2005-3/31.htm> / (date accessed: 1.02.2021). (in Russian).

10. Hatylaev, M. M. (1997). *Zoloto Vostochnoj Sibiri v strategii forsirovannoj industrializacii 1926-1937 gg.* [Gold of Eastern Siberia in the strategy of forced industrialization 1926-1937 gg]. Yakutsk, Publishing house of the Yakut State University named after M. K. Ammosov. (in Russian).

Невежин В. А.
(Москва)

УДК 433.94

**«БАНКЕТНАЯ ХРОНИКА» А. Я. ВЫШИНСКОГО:
ИЗ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ СОВЕТСКИХ ДИПЛОМАТОВ
В КУЙБЫШЕВЕ (1941-1942 гг.)**

В статье рассматривается эпизод из повседневной жизни советских дипломатов периода Великой Отечественной войны. Анализируются отчеты одного из руководителей Народного комиссариата иностранных дел СССР Андрея Вышинского о дипломатических приемах ноября 1941-1942 гг. Эти приемы имели место в Куйбышеве, куда временно были эвакуированы сотрудники во главе с Вышинским. Отчеты о них сохранились в Архиве внешней политики Российской Федерации и впервые вводятся в научный оборот. Они отсылались Вышинским в Москву на имя Сталина и Молотова. Выявленные автором статьи источники, в совокупности с мемуарной литературой, позволяют раскрыть различные аспекты культуры повседневности советских дипломатов, временно находившихся в Куйбышеве. Во-первых, они дают представление об участии сотрудников НКВД в праздничных коммеморациях (годовщинах Октябрьской революции), являвшихся одной из составных частей церемониала репрезентации власти. Во-вторых, записи бесед Вышинского, отраженные в его отчетах, содержат важную информацию о настроениях представителей дипломатического корпуса, в частности, послов и посланников государств-членов антигитлеровской коалиции. Она использовалась советским руководством при решении внешнеполитических задач в наиболее тяжелый период войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, антигитлеровская коалиция, культура повседневности, Вышинский А. Я., Куйбышев, дипломатические приемы.

The article examines an episode from the everyday life of Soviet diplomats during the Great Patriotic War. The reports of one of the leaders of the People's Commissariat of Foreign Affairs of the USSR Andrei Vyshinsky on diplomatic receptions in November 1941-1942 are analyzed. These receptions took place in Kuibyshev, where employees of the People's Commissariat for Foreign Affairs, headed by Vyshinsky, were temporarily evacuated. Reports on them have been preserved in the Foreign Policy Archive of the Russian Federation and are being introduced into scientific circulation for the first time. They were sent by Vyshinsky to Moscow in the name of Stalin and Molotov. The sources identified by the author of the article, together with memoirs, make it possible to reveal various aspects of the culture of everyday life of Soviet diplomats who were temporarily in Kuibyshev. First, they give an idea of the participation of the People's Commissariat for Foreign Affairs in festive commemorations (anniversaries of the October Revolution), which were one of the components of the ceremony for the representation of power. Secondly, the recordings of Vyshinsky's conversations, reflected in his reports, contain important information about the moods of representatives of the diplomatic corps, in particular, ambassadors and envoys of the member states of the anti-Hitler coalition. It was used by the Soviet leadership in solving foreign policy tasks during the most difficult period of the war.

Keywords: The Great Patriotic War, anti-Hitler coalition, culture of everyday life, Vyshinsky A. Ya., Kuibyshev, diplomatic events.,

DOI: 10.24888/2410-4205-2021-28-3-34-44

Культура повседневности советских дипломатов периода Великой Отечественной войны остается слабо разработанной проблемой. Немногочисленные публикации, затрагивающие данную тематику, не закрывают всех лакун, поэтому она требует новых исследований.

В предлагаемой статье основное внимание уделено фигуре А. Я. Вышинского, который занимал руководящую должность в Народном комиссариате иностранных дел. После переезда дипломатического корпуса и большей части сотрудников НКВД в Куйбышев в октябре 1941 г. Вышинский, вплоть до возвращения их в Москву летом 1943 г., играл видную роль в деятельности внешнеполитического ведомства СССР по поддержанию связей с иностранными послами и посланниками. Это было особенно актуально в условиях существования антигитлеровской коалиции, в составе которой Советский Союз вел войну против Германии и ее сателлитов.

Одним из традиционных способов налаживания и развития непосредственных межличностных контактов между дипломатами разных стран являются приемы (банкеты). Они устраиваются по разным поводам (в связи с государственными праздниками, памяtnыми годовщинами, прибытием официальных делегаций, подписанием важных межправительственных соглашений).

Информативным источником об участии А. Я. Вышинского и других сотрудников НКВД в дипломатических приемах, имевших место в Куйбышеве в 1941-1942 гг., являются письменные отчеты первого заместителя наркома иностранных дел, систематически отсылавшиеся в Москву на имя И. В. Сталина и В. М. Молотова. Наибольшую ценность представляет содержание бесед Вышинского с иностранными дипломатами. Эти материалы хранятся в Архиве внешней политики Российской Федерации и впервые вводятся в научный оборот.

Опираясь на них, а также на ранее опубликованные документы и мемуарную литературу, автор статьи ставил перед собой задачу проанализировать информацию об участии А. Я. Вышинского в дипломатических приемах, имевших место в Куйбышеве в ноябре 1941 - ноябре 1942 гг., в самую тяжелую военную пору.

Биография Андрея Януарьевича Вышинского (1883-1954) вплоть до назначения его в 1940 г. первым заместителем народного комиссара иностранных дел не предвещала ему карьеру видного советского дипломата. По своему социальному происхождению Вышинский явно «не подходил» для подобной карьеры, поскольку его отец (провизор по профессии) принадлежал к старинному польскому шляхетскому роду. Детство и юношеские годы А. Я. Вышинский провел в Баку, где окончил первую мужскую классическую гимназию (1900 г.). В 1901 г. он поступил на юридический факультет Киевского университета, но за участие в студенческих беспорядках в 1902 г. был отчислен. В 1903 г. А. Я. Вышинский стал членом меньшевистской организации РСДРП. Позднее попал в поле зрения полиции, а в 1908 г. подвергся тюремному заключению за публичные «противоправительственные речи». Судьба свела его с И. В. Джугашвили (Сталиным): оба отбывали срок как политически «неблагонадежные» в Бакинской (так называемой Баиловской) тюрьме.

После этого А. Я. Вышинский отошел от «противоправительственной» деятельности. В 1913 г. ему все-таки удалось окончить Киевский университет. Затем он преподавал в частной гимназии в Баку; в 1915-1917 гг. служил помощником у присяжного поверенного Московской судебной палаты.

После Октябрьской революции 1917 г. Вышинский вышел из меньшевистской партии, а в 1920 г. вступил в РКП(б).

В течение полутора десятилетий (с 1925 по 1940 гг.) А. Я. Вышинский находился на должностях, связанных с прокурорской деятельностью. По служебной лестнице он дошел до поста прокурора СССР (март 1935 - май 1939 гг.). Громкую (и, а на деле – дурную) славу А. Я. Вышинский получил после того, как выступил в качестве государственного обвинителя на Московских политических процессах 1936-1938 гг. [4].

В 1937-1950 гг. Вышинский избирался депутатом Верховного Совета СССР. 28 января 1939 г. стал академиком АН СССР по отделению общественных наук (право). С 22 марта 1939 по 15 октября 1946 гг. Вышинский являлся членом ЦК ВКП(б); с 31 мая 1939 по 15 мая 1944 гг. – заместителем Председателя Совета народных комиссаров СССР.

В 1940 г. в карьере Вышинского произошел неожиданный поворот, предопределивший его дальнейшую жизнь и деятельность вплоть до кончины. В июне-августе в качестве уполномоченного ЦК ВКП(б) по Латвии он участвовал в демаркации новых государственных границ. 6 сентября последовало назначение А. Я. Вышинского первым заместителем Народного комиссара иностранных дел В. М. Молотова. Вышинский занимал этот пост до марта 1946 г. В 1949-1953 гг. он был министром иностранных дел СССР.

А. Я. Вышинский принадлежал к когорте тех «дипломатов поневоле», которая постепенно заполняла структурные подразделения НКВД после отставки М. М. Литвинова в мае 1939 г. и начавшейся коренной перестройки деятельности внешнеполитического ведомства СССР, когда во главе его встал В. М. Молотов.

С первых месяцев пребывания в новой для него должности А. Я. Вышинский проявил большую активность. Он вел важные беседы и переговоры с дипломатическими представителями Великобритании, США, Германии, Венгрии, Греции, Китая, Румынии, Турции, Финляндии, Франции, Югославии [11-13]

А. Я. Вышинский присутствовал при подписании важных межгосударственных договоров СССР с Югославией (5 апреля) и Японией (13 апреля 1941 г.). Именно через него британский посол Ст. Криппс передал личное послание У. Черчилля от 19 апреля 1941 г., адресованное И.В. Сталину [13, с. 829, прим. 239].

На высокой руководящей должности в НКВД А. Я. Вышинский проявил себя как знаток международного права, жесткий в отстаивании государственных интересов СССР. Ему был присущ особый стиль работы с подчиненными, который получил название «прокурорского» (очевидно, в связи с его прокурорским прошлым). Позднее, уже в военные годы, не без влияния А. Я. Вышинского в НКВД установилась железная дисциплина.

С началом Великой Отечественной войны, в условиях формирования антигитлеровской коалиции, Вышинскому, обладавшему высоким государственным статусом, довелось встречаться и вести беседы с дипломатическими представителями этого антифашистского союза, представлявшими Великобританию и США, а также находившихся в изгнании в Лондоне правительств Польши и Чехословакии, которые подписали с СССР соглашения о совместной борьбе против Германии. Не оставлял он без внимания и послов тех государств, которые не вступили в войну: Болгарии, Турции, Японии [14, док. № 39, с. 55-56; док. № 70. С. 98-99].

12 июля 1941 г. А. Я. Вышинский присутствовал при подписании соглашения между СССР и Великобританией о совместных действиях в войне против Германии. Он являлся участником первой Московской межсоюзнической конференции (29 сентября -1 октября 1941 г.).

В связи с ухудшением военной обстановки на Западном фронте и угрозой захвата Москвы 16 октября 1941 г. М. И. Калинин, формально занимавший пост главы государства, а также некоторые партийные и советские руководители высшего ранга (А. А. Андреев, Н. А. Вознесенский, Г. М. Димитров, М. М. Каганович, В. Н. Меркулов, Н. А. Михайлов, М. Г. Первухин, Н. М. Шверник, М. Ф. Шкирятов) выехали в Куйбышев. В «запасную столицу СССР» направился также основной состав сотрудников Наркоминдела во главе А. Я. Вышинским. В. М. Молотов и небольшая группа его помощников остались в Москве.

С 19 по 20 октября 1941 г. в Куйбышев прибыли также сотрудники 12-ти иностранных посольств и шести дипмиссий. В их числе были дипломаты, представлявшие главных союзников СССР по антигитлеровской коалиции (Великобританию, Китай, США). В «запасной столице» СССР находились и дипломатические представители примкнувших к антифашистскому союзу правительств в изгнании (Греции, Норвегии, Польши, Чехословакии, Югославия). Наконец, в Куйбышев из Москвы прибыли послы и посланники не воюющих стран (Афганистана, Болгарии, Ирана, МНР, Тувы, Турции, Японии). Всего здесь временно находилось около 300 иностранных граждан, включая членов их семей [23, с. 185].

Таким образом, И. В. Сталин и В. М. Молотов доверили А. Я. Вышинскому важный участок внешнеполитической деятельности. В 1941-1942 гг., находясь в Куйбышеве, Вышинский продолжал свои беседы с дипломатическими представителями государств-членов антигитлеровской коалиции: Великобритании, США, Бельгии, Греции, Норвегии, Польши, Национального Комитета сражающейся Франции (возглавлявшегося Ш. де Голлем политического движения, с которым СССР установил дипломатические отношения), Чехословакии, Югославии. Он имел контакты и с послами стран «оси», вступившими к тому времени в войну против союзников СССР, но продолжавшими поддерживать дипломатические отношения с ним (Болгарии и Японии). Наконец, на беседы к А. Я. Вышинскому приходили дипломаты тех государств, которые оставались вне войны (Афганистана, Ирана, Турции), и формально соблюдавших нейтралитет (Швеция) [15, 16].

Помимо прочих обязанностей, на плечи А. Я. Вышинского легли заботы по организации в Куйбышеве праздничных Октябрьских торжеств.

Годовщина Великой Октябрьской социалистической революции являлась в СССР одним из основных официальных праздников. Она отмечалась ежегодно 7 ноября. 7 и 8 ноября были нерабочими днями.

К началу Великой Отечественной войны сложилась своеобразная традиция празднования Октябрьской годовщины. В Москве, которая подавала в этом деле своеобразный пример другим крупным городам СССР, оно состояло из трех составных частей, которые можно условно назвать «митинговой», «парадной» и «банкетной».

«Митинговая» часть заключалась в проведении торжественного собрания в Большом театре вечером 6 ноября. На нем присутствовали члены Политбюро ЦК ВКП(б) и Советского правительства во главе с И. В. Сталиным. В качестве гостей на торжественное собрание, посвященное Октябрьской годовщине, приглашались представители общественности Москвы, деятели литературы и искусства, иностранные дипломаты. С большой речью на нем выступал глава Советского правительства В. М. Молотов.

«Парадная» часть празднования годовщины Великой Октябрьской социалистической революции включала в себя грандиозный праздничный военный парад на Красной площади 7 ноября. Перед началом парада народный комиссар обороны (К. Е. Ворошилов, а с 7 мая 1940 г. – С. К. Тимошенко) выступал с краткой речью.

За парадом следовала демонстрация трудящихся, продолжавшаяся в течение нескольких часов. Члены Политбюро ЦК ВКП(б) во главе со Сталиным, представители высшего руководства СССР, находясь на трибуне Мавзолея В. И. Ленина, наблюдали за военным парадом и торжественным шествием.

Завершала коммеморацию «банкетная» часть. Вечером 7 ноября глава Советского правительства В. М. Молотов устраивал пышный дипломатический прием (банкет) в Доме приемов НКВД (ул. Спиридоновка, 17), на котором присутствовали члены Советского правительства, деятели литературы и искусства, послы и посланники зарубежных государств.

На другой день, 8 ноября (также вечером) в Екатерининском зале Большого Кремлевского дворца в присутствии И. В. Сталина проходил многолюдный прием (ужин) в честь участников военного парада на Красной площади. Большие кремлевские приемы являлись составной частью церемониала репрезентации сталинской власти, были призваны продемонстрировать ее величие и основательность [18].

На все перечисленные выше праздничные мероприятия приглашались представители руководящего состава и сотрудники Народного комиссариата иностранных дел, в том числе – А. Я. Вышинский.

Начавшаяся с нападения Германии на СССР 22 июня 1941 г. Великая Отечественная война внесла коррективы в празднование Октябрьской годовщины, однако само оно не было отменено. В Москве, которая находилась на осадном положении, 6 ноября 1941 г. состоялось традиционное торжественное собрание, но не в Большом театре, а на станции метро глубокого залегания «Маяковская». На торжественном собрании, посвященном 24-

летней годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, с большим докладом выступил И. В. Сталин.

Утром 7 ноября на Красной площади был устроен военный парад, участники которого прямо из парадных рядов направились на фронт. В осажденной столице СССР парад был призван показать мощь и волю к сопротивлению врагу. Тем самым правящий режим показал, что в и военное время продолжает следовать «логике знаменательных дат», отмеченных в советском календаре [21, с. 329].

По объективным причинам «банкетная» часть октябрьских торжеств в Москве была отменена. Традиция организации дипломатических приемов на Спиридоновке была возобновлена лишь в 1943 г. Праздничные военные парады на Красной площади в честь Октябрьской годовщины в 1942-1944 гг. не проводились.

После переезда А. Я. Вышинского в Куйбышев осенью 1941 г. Сталин и Молотов, по сути, отдали на откуп ему организацию праздничных мероприятий, связанных с годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции.

7 ноября 1941 г. во Дворце культуры им. В. В. Куйбышева, одновременно с московским, проходило торжественное заседание партийного, государственного и профсоюзного актива г. Куйбышева, посвященное очередной годовщине Октябрьской революции. В президиуме заседания находились М. И. Калинин, А. А. Андреев, Н. М. Шверник, Е. М. Ярославский и М. Г. Первухин. Доклад на нем сделал первый секретарь Куйбышевского обкома ВКП(б) М. Я. Канунников [17, 1941, 8 ноября].

7 ноября в «запасной столице СССР», на центральной городской площади им. В. В. Куйбышева, также одновременно с Москвой был устроен военный парад. К 10.00 на гостевых трибунах заняли свои места представители центральных и областных партийных и советских организаций, командный и политический состав частей и подразделений Красной армии и Военно-Морского Флота, «чины дипломатического корпуса», а также представители союзнической британской военной миссии.

На центральной трибуне находились, наряду с М. И. Калинин, члены Советского правительства А. А. Андреев и Н. А. Вознесенский. Руководство НКВД представляли А. Я. Вышинский и С. А. Лозовский (заместитель народного комиссара иностранных дел). Присутствовал также М. Я. Канунников.

Вслед за парадом прошла демонстрация трудящихся. Два часа длилось это праздничное шествие. В колоннах прошли около 200 тысяч «бойцов советского тыла» [17, 9 ноября].

Вечером того же дня А. Я. Вышинский устроил дипломатический прием по случаю Октябрьской годовщины, отчет о котором переслал в Москву И. В. Сталину и В. М. Молотову. Вышинский писал: «7 ноября [1941 г.] от 17 часов до 20 часов 30 минут в зале Облисполкома состоялся прием дипломатического корпуса. Присутствовали все послы, посланники, руководители военных миссий Великобритании, Чехословакии, Польши, военные атташе, иностранные журналисты и ряд советских гостей [...]» [1, л. 42-43].

Шведский посол В. Ассарсон отмечал в своих мемуарах: «Вечером [7 ноября 1941 г.] заместитель наркома иностранных дел устроил большой прием для дипломатического корпуса, высокопоставленных советских чиновников и ряда артистов оперы и балета. На приеме не было недостатка в еде и напитках – всё было в старом русском стиле» [9, с. 145]. Упоминание Ассарсоном о присутствии на дипломатическом приеме «артистов оперы и балета» не случайно. Вместе с членами Советского правительства и дипломатического корпуса в Куйбышев была эвакуирована из Москвы и труппа Большого театра.

Таким образом, праздничные торжества, которые были устроены 6-7 ноября 1941 г. в Куйбышеве, проходили «по полной программе», т.е. включали «митинговую», «парадную» и «банкетную» составляющие.

Следующая октябрьская коммеморация имела место в Куйбышеве в 1942 г. К этому времени Болгария и Япония уже находились в состоянии войны с Великобританией и США.

Произошла смена руководителей посольств основных союзных СССР стран. В Куйбышеве на место Л. Штейнгардта, посла США, прибыл У. Стэндли, а А. К. Керр сменил на должности британского посла Ст. Криппса.

Очередная, 25-я годовщина Октябрьской революции, была ознаменована в Куйбышеве приемом дипломатического корпуса, который устроил А. Я. Вышинский. Иностранные представители заранее были оповещены об этом приеме. Так, бельгийский посланник Р. Ван де Кершов во время беседы с первым заместителем наркоминдела (5 ноября 1942 г.) счел необходимым поздравить его с наступающим праздником. В записи этой беседы, направленной А. Я. Вышинским И. В. Сталину и В. М. Молотову, отмечалось: «Я поблагодарил [бельгийского посланника] и выразил надежду встретиться с ним на приеме» [16, док. №414. С. 342].

9 ноября 1942 г. А. Я. Вышинский зафиксировал в своем служебном дневнике, что банкет с приглашением дипломатического корпуса состоялся 7 ноября (с 19.00 до 24.00). «На приеме, – писал Вышинский, – присутствовал весь наличный состав дипкорпуса, а также ответственные работники НКВД, НКО, НКВМФ, НКВД и НКВТ, представители местных властей и общественности». По окончании приема гостям были показаны: документальная лента «День войны» и художественный фильм «Ленин в Октябре». По словам А. Я. Вышинского, оба фильма «сопровождались шумными аплодисментами» членов дипломатического корпуса, «особенно при появлении на экране т.т. Ленина [sic – В.Н.], Сталина и Молотова».

«В течение вечера, – подчеркивал А. Я. Вышинский, – я разговаривал почти со всеми послами и посланниками, обмениваясь тостами и приветствиями». Из служебного дневника первого заместителя наркома иностранных дел следовало, что «весьма приветливо» вели себя на приеме послы Японии, Турции, Афганистана, правительств в изгнании Норвегии, Польши, Чехословакии. В то же время А. К. Керр, явно чувствовал себя «не в своей тарелке», «держался сдержанно и даже сухо».

8 ноября 1942 г. в театре г. Куйбышева прошла премьера оперы Д. Россини «Вильгельм Телль», на которой присутствовали главы иностранных посольств и миссий. В антракте спектакля японский посол Н. Сато заявил А. Я. Вышинскому, что «он давно уже так хорошо себя не чувствовал, как в знаменательный день 25 годовщины Советской власти» [9, л. 67-68]. Подобное заявление, скорее всего, было призвано продемонстрировать дипломатическую вежливость.

Помимо официальных праздничных торжеств по случаю Октябрьской годовщины, проходивших в Куйбышеве, советские дипломаты присутствовали также на обедах, которые устраивались иностранными представителями по торжественным случаям. 27 мая 1942 г. в афганском посольстве состоялся прием в связи с 23-летней годовщиной независимости Афганистана.

В отчете отмечалось, что на нем были замечены все представители дипломатического корпуса, «кроме, конечно, японцев и болгар». Народный комиссариат иностранных дел, помимо А. Я. Вышинского, представляли заместитель наркоминдела С. И. Кавтарадзе, а также Ф. Ф. Молочков и Г. И. Фомин. «Во время приема, – писал А. Я. Вышинский И. В. Сталину и В. М. Молотову, – ко мне подходили и беседовали на разные темы большинство послов и посланников» [4, л.72-73].

14 июля 1942 г. полномочный министр Национального комитета Сражающейся Франции Р. Гарро устроил в гостинице «Гранд-отель» прием (фуршет) в честь национального праздника – Дня взятия Бастилии. Вышинский сообщал Сталину и Молотову, что на прием прибыл «весь дипкорпус, за исключением, разумеется, дипломатов стран, воюющих с союзниками», т.е. Болгарии и Японии. На фуршете от НКВД СССР помимо А.Я. Вышинского присутствовали Ф. Ф. Молочков, П. Д. Орлов, Г. И. Фомин и другие [6, л. 38].

Дипломатические приемы устраивались в Куйбышеве и по случаю визитов представителей союзных стран. 17 сентября американский посол У. Стэндли, а 19 сентября

1942 г. – А. Я. Вышинский и С. А. Лозовский выступали в роли хозяев на обедах, устроенных в честь У. Уилки, личного представителя президента США Ф. Д. Рузвельта [22, док №127, с. 290; 24, р. 637-638, 639-647].

Помимо дипломатических приемов, связанных с коммеморациями и официальными визитами, в Куйбышеве периодически устраивали по собственной инициативе банкеты послы и посланники иностранных государств, придерживаясь при этом установленных традиций дипломатического этикета.

А. Я. Вышинский еще в предвоенный период приобрел опыт участия в такого рода дипломатических приемах «в узком кругу. Подобная практика «отчетности» о посещении банкетов в иностранных посольствах в предвоенный и военный период была обязательной для представителей руководства внешнеполитического ведомства (заместителей наркома иностранных дел, заведующих отделами).

При отборе сотрудников НКВД и представителей художественной интеллигенции, которые согласно приглашениям должны были вместе с ним посещать тот или иной прием в иностранном посольстве или миссии, А. Я. Вышинский строго придерживался указаний на сей счет, полученных из Москвы [20, с. 75].

Участие советских дипломатов и деятелей культуры в Октябрьских торжествах являлось свидетельством той важной роли, которая отводилась им как участникам церемониала репрезентации власти. Посещение приемов (банкетов и фуршетов), которые устраивали послы и посланники иностранных государств по случаю их национальных праздников, а также по другим поводам, было призвано продемонстрировать приверженность советской стороны общепринятым протокольным нормам, установленным для членов дипломатического корпуса.

При этом руководящие сотрудники НКВД, принимая участие в коммеморациях, выполняли еще одну, особую функцию: сбора информации о настроениях членов дипломатического корпуса, об оценке ими военных событий, об отношении к внешней и внутренней политике советского руководства. В полной мере это относится к А. Я. Вышинскому.

Основное внимание он акцентировал на содержании своих бесед с представителями иностранных государств. Его письменные отчеты были краткими по содержанию, составляя не больше полутора машинописных страниц. Пожалуй, единственным исключением являлась запись в служебном дневнике А. Я. Вышинского от 21 сентября, в которой была зафиксирована запись его беседы с У. Уилки на приеме 19 сентября 1942 г.: она заняла более пяти машинописных страниц [7, л. 4-9].

Как подчеркивал А. Я. Вышинский в своем отчете на имя И. В. Сталина и В. М. Молотова, в ходе банкета 7 ноября 1941 г. он имел «ряд бесед с послами и посланниками», причем наибольший интерес представляли разговоры со Ст. Криппсом, Л. Штейнгардтом (США), М. Саедом (Иран), Ст. Котом (Польское правительство в изгнании) и А. Х. Актаем (Турция) [1, л. 42-43].

По свидетельству Ассарсона, Вышинский во время банкета 7 ноября 1941 г. «ходил среди гостей и прилежно чокался с ними». При этом он постоянно цитировал отрывки из речи Сталина, произнесенной на параде на Красной площади (о том, что столица СССР не перейдет в руки врага; о единстве советского народа; о неисчерпаемости ресурсов Советского Союза и о неизбежности его победы на Германией) [9, с. 145-146].

Сам А. Я. Вышинский утверждал, что дипломатические представители Греции, Польши, США, Чехословакии, Югославии, с которыми ему пришлось беседовать во время дипломатического приема 7 ноября 1941 г., «подчеркивали громадное впечатление от доклада тов. Сталина и очень хвалили куйбышевский парад, которым они, видимо, остались действительно довольны» [1, л. 42-43].

Однако, из отчета Вышинского неясно, какой именно сталинский доклад он имел в виду: произнесенный 6 или 7 ноября 1941 г.? В то же время из воспоминаний В. Ассарсона следует, что не все иностранные дипломаты разделяли мнение А. Я. Вышинского о содер-

жании сталинских высказываний. Так, Ст. Криппс, получив текст перевода речей И. В. Сталина на Октябрьских торжествах в Москве, высказал в беседе со шведским посланником недовольство тем, что И. В. Сталин, говоря о необходимости открытия второго фронта в Европе, не упомянул о помощи СССР, которая поступала из Англии и США. А. Х. Актаю, буквально накануне, во время дипломатического приема рассыпавшемуся в комплиментах относительно военных усилий Советского Союза, пришлось не по нраву сталинские суждения о судьбе малых государств в условиях войны [9, с. 146].

Что касается оценки иностранными дипломатами военного парада, который прошел в Куйбышеве 7 ноября 1941 г., то, несомненно, его проведение оказалось полной неожиданностью. Этот парад имел большое пропагандистское значение и был призван продемонстрировать наличие в тылу сильной группировки частей Красной армии. Особенно поражало то, что в параде участвовали боевые самолеты, которые отсутствовали даже во время московского парада.

В период Великой Отечественной войны на первом плане у руководства НКВД стояли взаимоотношения с главными союзниками по антигитлеровской коалиции – Великобританией и США. Не случайно Вышинский в своих отчетах о дипломатических приемах в Куйбышеве особое внимание уделял изложению бесед, даже кратких и незначительных, с британским и американским послами.

А. Я. Вышинский, в частности, отметил, что Ст. Криппс в разговоре с ним на приеме 7 ноября 1941 г. говорил о наличии «ряда весьма важных вопросов по торговой линии» и просил согласия отправиться на пару дней в Москву для встречи с В. М. Молотовым и А. И. Микояном. Против этого абзаца отчета Вышинского слева на полях сделана вертикальная карандашная помета, скорее всего, рукой В. М. Молотова.

Что касается Л. Штейнгардта, то он «многословно рассказывал» заместителю наркома иностранных дел СССР о намерении по возвращении в США посвятить себя «делу обеспечения СССР товарами и материалами». Американский посол хотел ускорить «отлет из Куйбышева в Багдад или хотя бы в Тегеран, откуда он на американском самолете может в течение 8-10 дней добраться до Вашингтона».

«Штейнгардт просил, – сообщал Вышинский в Москву, – передать тов. Сталину просьбу послать свой фотографический портрет Рузвельту, а другой портрет дать ему, Штейнгардту, лично». В экземпляре отчета о приеме 7 ноября 1941 г., полученном В.М. Молотовым, цитируемое предложение было подчеркнуто карандашом [1, л. 42].

Однако не всегда беседы А. Я. Вышинского с представителями главных союзных держав были по содержанию столь благодными, как упомянутый разговор со Штейнгардтом.

Например, острая полемика возникла между А. Я. Вышинским и У. Уилки на приеме 19 сентября 1941 г. На сей раз у Вышинского вызвали резкие возражения американского политика, который утверждал, что США и Советский Союз неизбежно пойдут на сближение в разнообразных областях, несмотря на различия их социальных систем (спустя десятилетия этот процесс был назван «конвергенцией») [20, с. 78].

Осенью 1941 г. у советского руководства вызывало беспокойство соседней с СССР Турции, которая продолжала занимать выжидательную позицию в вопросе о присоединении к той или иной воюющей стороне. Это сказывалось на контактах НКВД с А. Х. Актаем. Очевидно, поэтому А. Я. Вышинский внимательно следил за поведением турецкого посла.

В отчете о дипломатическом приеме 7 ноября 1941 г. он, в частности, сообщал об одном любопытном эпизоде. Ближе к завершению банкета «сильно подвыпивший» Актай подошел к первому заместителю народного комиссара иностранных дел и неожиданно стал рассыпаться в любезностях и заверениях в дружественных чувствах Турции к СССР. Затем А. Х. Актай подозвал М. Саеда и афганского посла Султана Ахмед хана и, указывая на них, заявил: «Вот представители трех государств – искренних друзей СССР. Они никогда не подведут». Послы Афганистана и Ирана «горячо поддержали» это заявление Актая. Позже

Саед и Султан Ахмед хан еще два или три раза подходили к Вышинскому, повторяя «свои дружественные заверения в самой решительной форме» [1, л. 43].

Судя по всему, А. Я. Вышинский, несмотря на имевшиеся у него недостатки (грубость с подчиненными, подбострастие перед И. В. Сталиным и В. М. Молотовым) обладал одним важным для дипломата качеством: во время приемов (банкетов) он употреблял алкогольные напитки в меру. Во всяком случае, и после многочасового застолья он «держал всё под контролем». Сотрудник НКВД В. Н. Новиков, прибывший (с большими дорожными трудностями) из Москвы в Куйбышев 7 ноября 1941 г. и просто не успевший на упомянутый праздничный банкет, свидетельствовал: «Поздно вечером, а вернее, уже ночью я повидался [...] с Вышинским, вернувшимся в свой кабинет после торжественного приема для дипкорпуса. Вопреки обыкновению, на этот раз он держался со мной не сухо, даже участливо расспросил о моих дорожных злоключениях. Но основной темой разговора были, конечно, дела. Вышинский потребовал, чтобы я с самого утра включился в работу Четвертого Европейского отдела» [19, с. 101-102].

Из этого свидетельства следует, что А. Я. Вышинский после продолжительного банкета, на котором ему пришлось неоднократно «чокаться» с гостями, членами дипломатического корпуса, оставался, как говорится, в ясном уме и твердой памяти.

Дипломатический корпус пробыл в Куйбышеве до лета 1943 г. К концу 1943 г. в Москву возвратились все иностранные послы и посланники, а также сотрудники НКВД.

Таким образом, присутствие советских дипломатов на праздничных мероприятиях в Куйбышеве в 1941-1942 гг. можно рассматривать с различных точек зрения. С одной стороны, они были вовлечены в церемониал репрезентации власти. С другой стороны, принимая приглашения от посланников и послов иностранных государств на приемы по случаю знаменательных дат, сотрудники НКВД демонстрировали приверженность существующим нормам дипломатического протокола.

Участвуя в праздничных мероприятиях и дипломатических приемах в Куйбышеве в 1941-1942 гг., А. Я. Вышинский играл особую роль. Он тщательно фиксировал наиболее важные, с его точки зрения, высказывания иностранных дипломатов (как представителей союзных СССР государств, так и не воюющих стран), а затем передавали их содержание в Москву И. В. Сталину и В. М. Молотову. Тем самым высшее советское руководство получало дополнительную информацию, которая использовалась при принятии решений по внешнеполитическим вопросам.

ПРИЛОЖЕНИЕ¹

Дипломатические приемы в Куйбышеве 1941-1942 гг., на которых присутствовал А. Я. Вышинский

№ п/п	Дата проведения	Вид приема	Кто устраивал
1	7.11.1941	Прием дипломатического корпуса в честь Октябрьской годовщины	А. Я. Вышинский
2	7.12.1941	Прием дипломатического корпуса	Ст. Кот
3	5.01.1942	Прием в британском посольстве	Ст. Криппс
4	2.05.1942	Обед для дипломатического корпуса	А. Я. Вышинский
5	16.05.1942	Обед в честь американского посла У. Стэндли	А. Я. Вышинский

¹ В список включены дипломатические приемы с участием А. Я. Вышинского, выявленные автором данной статьи. Не исключено, что в ходе дальнейших исследований он может пополниться новыми данными.

6	27.05.1942	Прием дипломатического корпуса по случаю 23-й годовщины независимости Афганистана	Султан Ахмед хан
7	01.06.1942	Прием (завтрак) в честь иранского посла Саеда	А. Я. Вышинский
8	11.06.1942	Прием (обед) у британского посла	А.К. Керр
9	29.06.1942	Прием в чехословацкой миссии	Зд. Фирлингер
10	14.07.1942	Прием (фуршет) дипломатического корпуса в честь национального праздника Франции	Р. Гарро
11	31.07.1942	Прием (обед) в норвежском посольстве	Р. Анворт
12	17.09.1942	Прием в честь У. Уилки в американском посольстве	У. Стэндли
13	19.09.1942	Прием в честь У. Уилки	А. Я. Вышинский, С. А. Лозовский
14	09.11.1942	Прием дипломатического корпуса в честь Октябрьской годовщины	А. Я. Вышинский

Список литературы

1. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 06. Оп. ЗАВТО. П. 4. Д. 31.
2. АВП РФ. Ф. 06. Оп. ЗАВТО. П. 4. Д. 32.
3. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 2. Д. 22.
4. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 2. Д. 25.
5. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 2. Д. 26.
6. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 2. Д. 27.
7. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 2. Д. 28.
8. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 3. Д. 28.
9. Ассарсон, В. (1992). *1941 год. Московский дипломатический корпус в эвакуации* // *Международная жизнь*. № 1. С. 143-149.
10. Ваксберг, А. И. (1992). *Царица доказательств. Вышинский и его жертвы*. М.: А/О «Книга и бизнес». 349 с.
11. Документы внешней политики (ДВП). 1940 - 22 июня 1941. Т. XXIII. В 2 кн. Кн. 1. 1 января -31 октября 1940. М.: Международные отношения, 1995. 752 с.
12. ДВП. Т. XXIII. Кн. 2(1). 1 ноября 1940 - 1 марта 1941. М.: Международные отношения, 1998. 448 с.
13. ДВП. Кн. 2(2). 2 марта 1941 - 22 июня 1941. М.: Международные отношения, 1998. 448 с.
14. ДВП. 22 июня 1941 - 1 января 1941. Т. XXIV. М.: Международные отношения, 2000. 632 с.
15. ДВП. 1942. Т. XXV. В 2 кн. Кн. 1. Январь-июнь. Тула: ЗАО «Гриф и К», 2010. 524 с.
16. ДВП. Т. XXV. Кн. 2. Июль-декабрь. Тула: ЗАО «Гриф и К», 2010. 568 с.
17. Известия. 1941.
18. Небезин, В. А. (2020). *Застолья Иосифа Сталина. Кн. 3. Дипломатические приемы 1939-1945 гг.* М.: АИРО—XXI. 560 с.
19. Новиков, Н. В. *Воспоминания дипломата: записки о 1938-1947 годах*. М.: Политиздат, 1989. 399 с.

20. Печатнов, В. О. (2006) *Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: документальные очерки*. М.: Терра-Книжный клуб. 749 с.
21. Рольф, М. (2009). *Советские массовые праздники*. Перевод с немецкого В. Т. Алтухова. М.: РОССПЭН. 430 с.
22. Советско-американские отношения. 1939-1945 / Отв. сост. Б. И. Жилиев, В. И. Савченко. М.: МФД, 2004. 791 с.
23. Чернявский, С. И. (2020). *О работе Наркомата иностранных дел СССР в Куйбышеве (1941-1943)* // Вестник МГИМО-Университета. № 13(4). С. 178-198.
24. Foreign relations of the United States: diplomatic papers, 1943. The British Commonwealth. Eastern Europe, The Far East. Vol. I / Ed. W.M. Franklin, E.R. Perkins; Preface E.R. Perkins. United States Government Printing Office. Washington, 1963. VI, 1191 p.

References

1. Assarson, V. (1992). *1941 god. Moskovskiy diplomaticheskii korpus v evakuatsii* [1941. The Moscow Diplomatic Corps is being evacuated] in *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 1, 143-149. (in Russian).
2. Vaksberg, A. I. (1992). *Tsaritsa dokazatel'stv. Vyshinskiy i yego zhertvy* [The Queen of Evidence. Vyshinsky and his victims]. Moscow, Kniga i Business Publ. (in Russian).
3. Nevezhin V. A. (2019). *Zastol'ya Iosifa Stalina. Kn. 3. Diplomatische priyemy 1939-1945* [Feasts of Joseph Stalin. Book 3. Diplomatic events of 1939-1945]. Moscow, AIRO—XXI Publ. (in Russian).
4. Pechatnov V. O. (2006). *Stalin, Ruzvel't, Trumen. SSSR i SSHA v 1940-kh gg.: dokumental'nyye ocherki* [Stalin, Roosevelt, Truman. USSR and USA in 1940s: documentary essays]. Moscow, Terra-Knizhnyy klub Publ. (in Russian).
5. Rol'f M. (2009). *Sovetskiye massovyie prazdniki* [Soviet mass holidays]. Perevod s nemetskogo V. T. Altukhova. Moscow, ROSSPEN Publ. (in Russian).
6. Chernyavsky, S. I. (2020). *O rabote Narkomata inostrannykh del SSSR v Kuybysheve (1941-1943)* [The People's Commissariat of Foreign Affairs (NKID) of the USSR in the City of Kuibyshev (1941-1943)] in *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 13(4), 178-198. (in Russian).

АРХЕОЛОГИЯ И ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Разуваев Ю. Д.,
Меркулов А. Н.,
Неретина Ю. А.
(Воронеж)

УДК 902/904

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ МАЛОГО СТОРОЖЕВОГО
ГОРОДИЩА СКИФСКОЙ ЭПОХИ*

В статье представлены результаты первых исследований оборонительной линии городища, расположенного на мысу правого берега р. Дон около с. 1-ое Сторожевое в Воронежской области. На участке площадью 124 кв. м были раскопаны вал, ров и прилегающая к ним территория. Обнаружены керамические фрагменты, оставшиеся от неукрепленного поселения бронзового века. В насыпи вала открыты четыре сарматских погребения I-II вв. н.э. Сами же фортификации по характерным керамическим материалам начала скифской эпохи датированы второй половиной VI – началом V вв. до н.э. На раннем этапе они, видимо, состояли из наземной постройки, имевшей оборонительное и жилое назначение. На некотором удалении от постройки размещалась еще и внешняя стена. Эти сооружения прослежены по трем углубленным в материковую глину параллельным канавкам. После уничтожившего строения пожара на поселении были возведены вал и ров. В современном состоянии насыпь вала имеет по основанию ширину порядка 6 м, высоту над материком – более 0,7 м. Она состоит преимущественно из темно-серого суглинки, включавшего комки красной глины и обожженной почвы. Ров, сейчас почти полностью заплывший, имеет ширину 1,5-1,9 м, глубину до 0,8 м.

Ключевые слова: Лесостепное Подонье, скифская эпоха, городище, фортификации, Малое Сторожевое.

The article presents the results of the first studies of the defensive line of the hillfort located on the cape of the right bank of the river Don near the village 1st Storozhevoe in the Voronezh region. On a plot of 124 sq. m, a rampart, a moat and the adjacent territory were researched. Ceramic fragments were discovered that remained from an unfortified settlement of the Bronze Age. In the embankment of the rampart, four Sarmatian burials of the 1st - 2nd centuries AD were discovered. The fortifications themselves, according to the characteristic ceramic materials of the beginning of the Scythian era, are dated to the second half of the 6th - beginning of the 5th centuries BC. At an early stage, they apparently consisted of a ground structure that had a defensive and residential purpose. At some distance from the building, there was also an outer wall. These structures are traced along three parallel grooves deepened into the clay. After the fire destroyed the structure, a rampart and a moat were erected in the settlement. In its present state, the embankment of the rampart has a width of about 6 m at the base, and a height above the mainland - more than 0.7 m. It consists mainly of dark gray loam, including lumps of red clay and burnt soil. The moat, now almost completely flooded by ground, is 1.5-1.9 m wide and up to 0.8 m deep.

Keywords: Forest-steppe Don region, Scythian era, ancient settlement, fortifications, Maloye

DOI: 10.24888/2410-4205-2021-28-3-45-51

* Исследование подготовлено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20–39–70001.

Неподалеку от восточной окраины с. Сторожевое 1-е Острогожского р-на Воронежской обл. на правом берегу Дона располагаются два городища. Одно из них, именуемое Большое, занимает мыс площадью порядка 70000 кв. м и хорошо заметно благодаря своим рельефным фортификациям. Оно неоднократно исследовалось раскопками и известно, прежде всего, как одно из наиболее крупных укрепленных поселений среднедонской скифоидной культуры [1-3; 5-7; 12]. Другое городище – Малое – относительно этого памятника находится, можно сказать, в «тени» как в прямом, так и в переносном смысле слова.

Дело в том, что оно размещается рядом, севернее через овраг, на оконечности гораздо более низкого мыса, возвышающейся над поймой примерно на 30 м (рис. 1). Городищенская площадка, от плато отделенная узким наклонным перешейком, имеет овальные очертания, длину – 156 м, а максимальную ширину – 65 м, таким образом, немногим превышает 9600 кв. м. Вдоль ее края со стороны перешейка имеется едва просматривающийся вал, перед ним – небольшое углубление над почти полностью заплывшим рвом. Длина оборонительной линии составляет около 20 м, ширина – не менее 12 м. Ограниченная укреплениями территория задернована, на ней есть перекопы периода Великой Отечественной войны, через вал проходит грунтовая дорога.

После открытия П. Д. Либеровым в 1957 г., а также обследования А. И. Пузиковой в 1984 г., Малое Сторожевое городище числилось среди памятников скифского времени. Однако более точная культурно-хронологическая атрибуция не была проведена. Это обстоятельство и побудило авторов статьи приступить к исследованию городища. Руководимые ими отряды экспедиции Воронежского государственного педагогического университета в 2019 и 2020 гг. двумя раскопами вскрыли на нем на площадь 124 кв. м.

Цель заключалась, прежде всего, в изучении оборонительных сооружений. В связи с этим, линия укреплений была дважды разрезана траншеями двухметровой ширины, в дополнение к тому раскопан протяженный участок вала (рис. 2). В процессе работ найдена керамика воронежской культуры (немногим менее 400 фрагментов), показывающая, что на месте городища существовало поселение эпохи средней бронзы. В количестве четырех открыты сарматские погребения I-II вв. н.э., впущенные в насыпь более древнего вала. Они составляют бескурганый могильник, предположительно, имевший отношение к Большому Сторожевому городищу, слой которого содержит предметы и этого времени. Получены были и материалы скифской эпохи, позволяющие сформулировать предварительное суждение о датировке городища и облике его фортификаций.

В современном состоянии насыпь вала имеет по основанию ширину порядка 6 м, высоту над материком – более 0,7 м. Верх ее состоял из дерна и темно-серого суглинка. Ниже залегал слой мешаного темно-серого суглинка, включавшего комки красной глины и обожженной почвы. В насыпи повсеместно встречались отдельные фрагменты керамики бронзового века и скифской эпохи. Некоторые из них имели следы вторичного обжига – результат воздействия огня, уничтожившего фортификационные сооружения.

Погребенная почва под валом отсутствовала. Материковое основание составляли слои глины, на разной глубине имевшие желто-коричневый, красно-коричневый либо темно-серый цвет, а кое-где и включавшие меловую крошку. В материке вдоль края городищенской площадки были отрыты ров и три канавки, в которых в свое время размещались деревянные стены.

Две фактически параллельные канавки располагались под внутренней поллой вала на расстоянии 1,3 м одна от другой. Между канавками и непосредственно перед ними, т.е. с напольной стороны, над материком залегала прослойка сильно обожженной глины, достигавшая толщины 0,1 м и включавшая отдельные меловые камни. Несомненно, ее образование также связано с разрушительным пожаром. В этой прослойке в районе внешней канавки были найдены два венчика и две стенки сосудов скифского времени, десять черепков эпохи бронзы и обломок кости животного.

Канавка 1 имела ширину по верху 0,40–0,42 м, глубину в материке от 0,10 до 0,18 м. У нее были покатые стенки и слегка вогнутое дно. Заполнение составлял гумусированный суглинок, включавший комки обожженной глины, отдельные угли. Находки отсутствовали.

Канавка 2 имела ширину по верху от 0,20 до 0,55 м, глубину в материке от 0,10 до 0,26–0,30 м. У канавки были покатые стенки и практически плоское дно. Заполнял ее гумусированный суглинок, обожженная глина с отдельными угольками. В канавке найдены черепки эпохи бронзы и фрагмент венчика сосуда скифского времени.

Ров располагался перед валом, на уровне материка имел ширину 1,5–1,9 м, глубину до 0,8 м. его внешняя стенка была довольно крутой, внутренняя – более пологой, на ней имелся уступ. Дно плоское, шириной 0,6–0,7 м. Заполнение рва было довольно однородным, состояло из суглинка темно-серого цвета. На отдельных участках вдоль внутренней стенки оно включало комочки обожженной почвы, а вдоль внешней – меловую крошку. Во рву, преимущественно в его верхней части, были найдены 19 черепков эпохи бронзы, венчик и 4 стенки скифской эпохи.

Канавка 3 находилась с внешней стороны рва, отстоя от него примерно на 2 м. Она имела ширину 0,20–0,30 м, глубину в материке от 0,16 до 0,20 м. У канавки были вертикальные или наклонные стенки и плоское дно. Заполнял ее гумусированный суглинок, включавший меловую крошку. В канавке найдено 5 фрагментов керамики скифского времени.

Такие канавки характерны для оборонительных систем скифского времени. Судя по стратиграфии, именно они остались от первых укреплений на Малом Сторожевом городище. Нет сомнений, что канавки 1 и 2 не только были одновременны, но и относились к одному деревоземляному сооружению. Вполне возможно, что это была так называемая «жилая стена» – длинная наземная постройка фортификационно-жилого назначения, однотипная тем, что уже выявлены на целом ряде городищ лесостепного Подонья [4, с. 83; 8, с. 80; 9, с. 93–96; 10].

Строение это сгорело, как и во многих других случаях. Глина, которой были обмазаны его деревянные стенки, рухнула вниз и образовала пласт обожженной почвы, перекрывающий канавки, пространство между и перед ними. Среди комков прокалившейся до состояния красно-коричневого кирпича глины встречались и такие, что остались, судя по виду одной из сторон с характерным заплывом, от обмазки стены в месте стыка составлявших ее плах или досок (рис. 3, 8).

Не исключено, что вместе с данной постройкой на городище существовала еще и стена, от которой осталась канавка 3, отстоявшая от 2-ой на 10 м. На такой вывод наводят и схожий облик, и одинаковая направленность всех трех канавок. Была ли то внешняя линия обороны, или стена имела иное назначения – сказать пока затруднительно. Но примечательно, что рядом с ней наблюдалась некоторая концентрация керамики скифской эпохи.

Ров был открыт после пожара. На это указывает незначительное количество в заполнении комочков обожженной почвы. Те, что имелись, явно заплыли сверху из насыпи вала. Да и от внутренних канавок ров удален метров на пять и потому едва ли входил с систему ранних укреплений. К тому же, в нем отсутствовали и керамические обломки скифского времени, попавшие лишь в верхнюю часть заполнения.

Рядом со рвом появился вал, для которого была использована почва как выброшенная из рва, так и накопанная на прилегающей территории. Из-за этого, видимо, насыпь в структурном отношении неоднородна. Она состоит из мешаного грунта, включающего и гумусированный суглинок, и материковую глину, и обожженные фракции почвы.

Датировка обоих этапов фортификационного строительства проистекает из результатов анализа найденных в процессе раскопок керамических материалов. Явно переотложенные, да еще и вторично обожженные черепки эпохи бронзы доказывают, что для сооружения деревоземляных укреплений использовался слой более древнего поселения. Керамика скифского времени представлена всего 88 фрагментами. Такое относительно небольшое количество свидетельствует, пожалуй, о не слишком продолжительном периоде функционирования поселка этой эпохи. Сам же облик керамики довольно выразителен в хронологиче-

ском отношении. Дело в том, что черепков с хорошо заглаженной внешней поверхностью, характерных для скифоидной культуры и встречающихся, в частности, на Большом Сторожевом городище [5], найдено немного. Таковыми, например, являются найденные в насыпи вала два венчика от горшков, украшенных по шейке несквозными наколами, нанесенными круглой палочкой с внутренней стороны (рис. 3, 1, 2). Такой «жемчужный» орнамент на Среднем Дону известен на посуде, датирующейся временем не позднее V в. до н.э. [4, с. 42]. В принципе, к этому столетию и можно было бы отнести рассматриваемые укрепления. Тем более что и на соседнем Большом Сторожевом городище первоначальные фортификации составляли три углубленные в материковые канавки деревянные стены, уничтоженные огнем [3, с. 10; 7, с. 46]; и датированы они по радиоуглероду второй половиной V в. до н.э. [12, с. 144]. Однако вряд ли упомянутые два венчика показательны. Основной массив керамических материалов указывает на более древнюю дату.

Подавляющее большинство найденных черепков принадлежали горшкам, украшенным вдавленными палочки, нанесенными по верхнему срезу венчика и/или по плечикам (рис. 3, 3-7). Для них характерна грубая отделка внешней поверхности, наличие крупной дресвы в глиняном тесте. В Подонье подобная посуда в массовом количестве была встречена лишь на городищах Пекшево на р. Воронеж [4, с. 67-70] и Верхнее Казачье на р. Дон [9, с. 99]. Второе из названных датировано, в том числе и по радиоуглероду, в рамках второй половины VI – начала V вв. до н.э. [11, с. 211-212]. Кстати сказать, на обоих городищах древнейшие фортификации представляли собой «жилую стену», были уничтожены пожаром и восстанавливались. Даже в конфигурации мысов, занимаемых городищами Малое Сторожевое и Верхнее Казачье, просматривается сходство в виде соединяющего их с плато узкого перешейка.

В свете сказанного, есть веские основания публикуемое городище считать более древним, нежели Большое Сторожевое, и связывать с той, еще загадочной, группой населения, что не слишком удачно осваивала донскую лесостепь в начале скифской эпохи.

Список литературы

1. Белая, Н. Н. (2011). *Новые исследования городища Большое Сторожевое на Среднем Дону* // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж: Воронежский госпединститут. Вып. 14. С. 196-201.
2. Воропаева, Н. Н. (2011). *Культовые комплексы городища Большое Сторожевое на Среднем Дону* // Археология, этнография и антропология Евразии. № 1 (45). С. 102-106.
3. Либеров, П. Д. (1965). *Памятники скифского времени на Среднем Дону*. М.: Наука. 110 с.
4. Медведев, А. П. (1999). *Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э.* М.: Наука, 160 с.
5. Меркулов, А. Н. (2018). *Керамический комплекс скифского времени городища Большое Сторожевое (раскопки 1987-1988 гг.)* // Известия Воронежского государственного педагогического университета. № 2 (279). С. 94-96.
6. Меркулов, А. Н. (2018). *Материалы скифского времени городища Большое Сторожевое из раскопок 1987-1988 гг.* // История: факты и символы. № 4. С. 17-29.
7. Пузикова, А. И. (1969). *Поселения Среднего Дона* // Население Среднего Дона в скифское время. Москва: Наука. С. 41-81.
8. Разуваев, Ю. Д. (2016). *Городище V века до н.э. у с. Петино на Верхнем Дону* // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. № 1. С. 77-82.
9. Разуваев, Ю. Д. (2018). *Новые поселенческие материалы начала раннего железного века на Верхнем Дону* // Российская археология. № 1. С. 93-104.
10. Разуваев, Ю. Д. (2019). *Городище скифского времени у с. Дегтевое на р. Снове* // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. № 1. С. 84-90.

11. Разуваев, Ю. Д. (2020). *Городище у с. Верхнее Казачье: три среза скифской эпохи на Верхнем Дону* // Археологическое наследие. № 1 (3). С. 209-223.
12. Шевченко, А. А. (2008). Городище скифского времени Большое Сторожевое на Среднем Дону (реконструкция и хронология оборонительных сооружений) // Проблемы археологии Восточной Европы. К 85-летию Бориса Александровича Шрамко / Отв. ред. С. И. Посохов. Харьков: Курсор. С. 142-145.

References

1. Belaja, N. N. (2011). *Novye issledovaniya gorodishha Bol'shoe Storozhevoe na Srednem Donu* [New research of the Bolshoe Storozhevoe hillfort on the Middle Don] in *Arheologicheskie pamjatniki Vostochnoj Evropy*. Voronezh, Voronezhskij gospeduniversitet Publ., vyp. 14, 196-201. (in Russian).
2. Voropaeva, N. N. (2011). *Kul'tovye komplekсы gorodishha Bol'shoe Storozhevoe na Srednem Donu* [Cult complexes of the Bolshoe Storozhevoe hillfort on the Middle Don] in *Arheologija, jetnografija i antropologija Evrazii*, 1 (45), 102-106. (in Russian).
3. Liberov, P. D. (1965). *Pamjatniki skifskogo vremeni na Srednem Donu* [Monuments of the Scythian time on the Middle Don]. Moscow, Nauka. (in Russian).
4. Medvedev, A. P. (1999). *Rannij zheleznyj vek lesostepnogo Podon'ja. Arheologija i jetnokul'turnaja istorija I tysjacheletija do n.je.* [The Early Iron Age of the forest-steppe Don. Archeology and ethnocultural history of the first millennium BC]. Moscow, Nauka. (in Russian).
5. Merkulov, A. N. (2018). *Keramicheskij kompleks skifskogo vremeni gorodishha Bol'shoe Storozhevoe (raskopki 1987-1988 gg.)* [Ceramic complex of the Scythian period of the Bolshoe Storozhevoe hillfort (excavations 1987-1988)] in *Izvestija Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2 (279), 94-96. (in Russian).
6. Merkulov, A. N. (2018). *Materialy skifskogo vremeni gorodishha Bol'shoe Storozhevoe iz raskopok 1987-1988 gg.* [Materials of the Scythian time of the Bolshoe Storozhevoe hillfort from the excavations of 1987-1988] in *Istorija: fakty i simvolj*, 4, 17-29. (in Russian).
7. Puzikova, A. I. (1969). *Poselenija Srednego Dona* [Settlements of the Middle Don] in *Naselenie Srednego Dona v skifskoe vremja*. Moscow, Nauka, 41-81. (in Russian).
8. Разуваев, Ю. Д. (2016). *Gorodishhe V veka do n.je. u s. Petino na Verhnem Donu* [The hillfort of the V century BC near the village of Petino on the Upper Don] in *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija. Politologija. Sociologija*, 1, 77-82. (in Russian).
9. Разуваев, Ю. Д. (2018). *Novye poselencheskie materialy nachala rannego zheleznogo veka na Verhnem Donu* [New settlement materials from the beginning of the Early Iron Age on the Upper Don] in *Rossijskaja arheologija*, 1, 93-104. (in Russian).
10. Разуваев, Ю. Д. (2019). *Gorodishhe skifskogo vremeni u s. Degtevoe na r. Snove* [The hillfort of the Scythian time near the village of Degtevoe on the Snov River] in *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija. Politologija. Sociologija*, 1, 84-90. (in Russian).
11. Разуваев, Ю. Д. (2020). *Gorodishhe u s. Verhnee Kazach'e: tri sreza skifskoj jepohi na Verhnem Donu* [The hillfort near the village of Verkhneye Kazachye: three sections of the Scythian era on the Upper Don] in *Arheologicheskoe nasledie*, 1 (3), 209-223. (in Russian).
12. Shevchenko, A. A. (2008). *Gorodishhe skifskogo vremeni Bol'shoe Storozhevoe na Srednem Donu (rekonstrukcija i hronologija oboronitel'nyh sooruzhenij)* [The hillfort of the Scythian time Bolshoe Storozhevoe on the Middle Don (reconstruction and chronology of defensive structures)] in *Problemy arheologii Vostochnoj Evropy. K 85-letiju Borisa Aleksandrovicha Shramko*, redactor S. I. Posohov. Kharkiv, Kursor, 142-145. (in Russian).

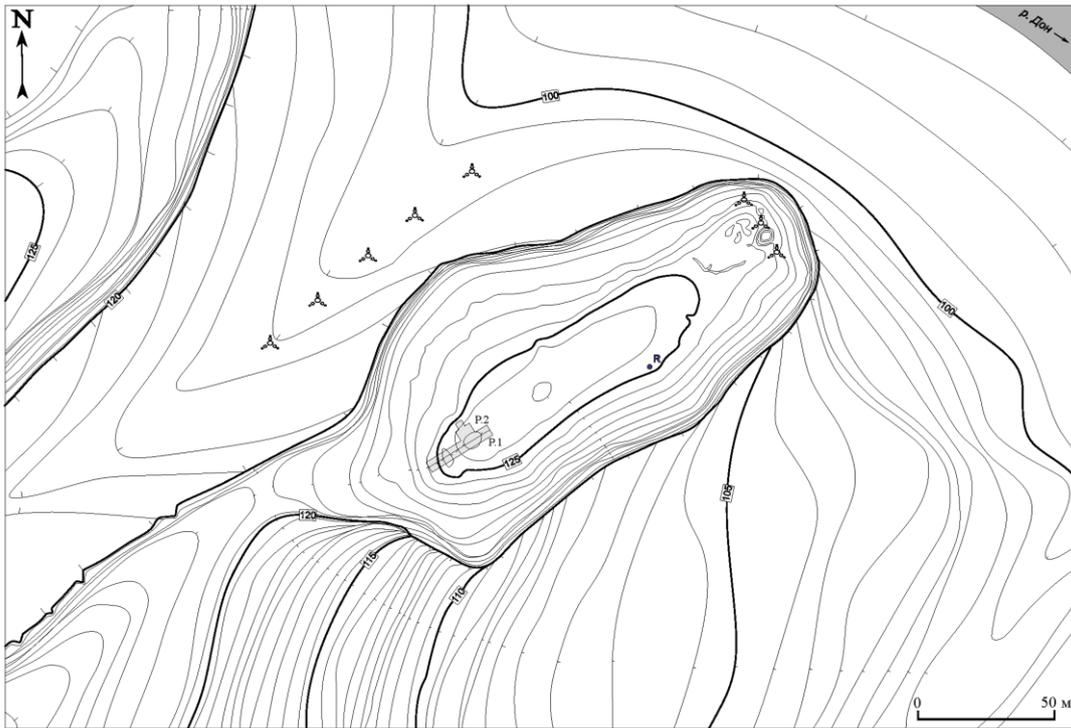

Рис. 1. План Малого Сторожевого городища

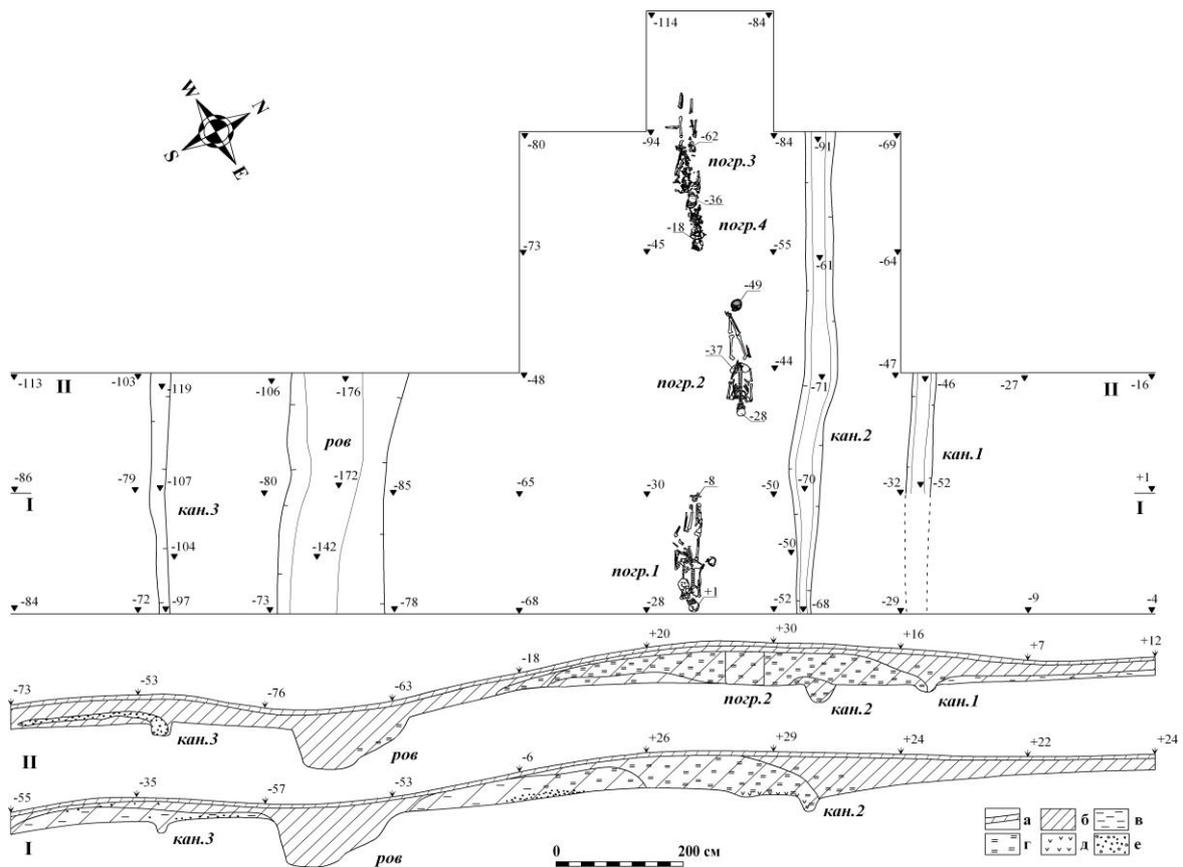

Рис. 2. План и профили раскопанного участка укреплений.

а – дерн, б – гумусированный суглинок, в – глина, г – обожженная почва,
д – уголь, е – меловая крошка

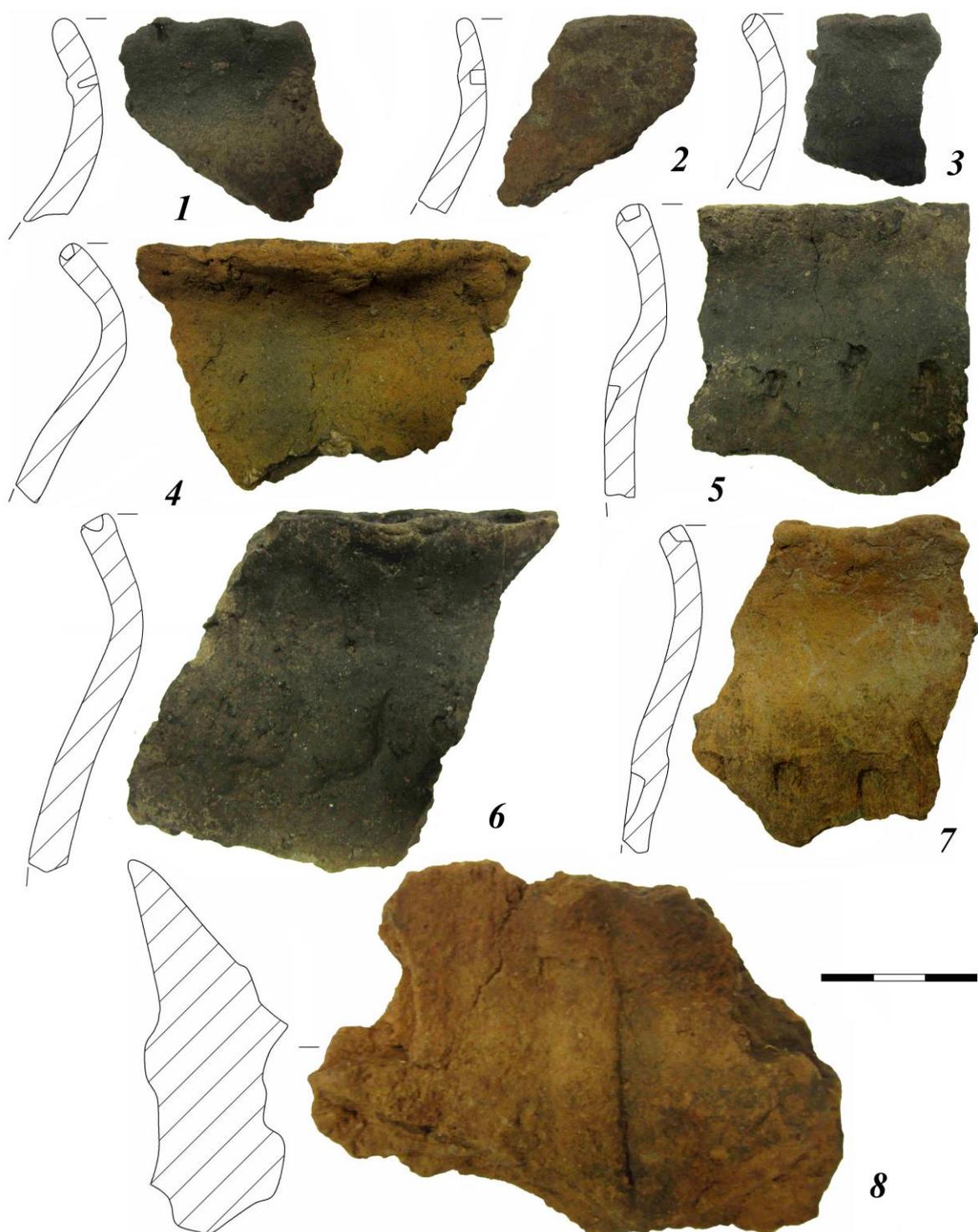

Рис. 3. Фрагменты глиняной посуды (1-7) и обмазки (8) скифской эпохи.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Акимченков В. В.
(Москва)

УДК 930.253

**«ИЗВЕДАЛ ВСЕ ПРЕЛЕСТИ РУССКИХ ТЮРЕМ»:
ПИНЕЖСКАЯ ССЫЛКА МОИСЕЯ ГИНЦБУРГА**

На сегодняшний день в отечественной и зарубежной историографии отсутствуют исследования, которые бы объективно освещали отдельные этапы биографии российского и советского философа, историка и публициста Моисея Исааковича Гинцбурга (Даяна) (1877-1940). По-прежнему остается не вовлеченным в исследовательское поле значительный массив его научного наследия, которое представлено наработками по истории евреев, изучению археологических памятников Крыма и вопросам музейного дела в СССР, что актуализирует тему данного исследования. В статье детально проанализирован начальный период биографии М. И. Гинцбурга, связанный с революционной деятельностью в начале XX в. На основе анализа нового корпуса архивных источников из фондов Государственного архива Архангельской области восстановлен период пребывания М. И. Гинцбурга в ссылке на территории Архангельской губернии в 1903-1905 гг. В синтезе с документами, которые были выявлены нами в фондах Российского государственного архива литературы и искусства, удалось охарактеризовать период его политической и революционной деятельности в рядах Всеобщего еврейского рабочего союза в Литве, Польше и России (Бунд). Классификация полученных данных позволила восстановить представления о политических взглядах М. И. Гинцбурга в контексте назревающей революционной ситуации в Российской империи. Обнаруженные и вовлеченные в исследовательское поле новые архивные документы, а также дескрипция описанных выше процессов и явлений, способствуют пополнению и интерпретации нового корпуса информативного материала по истории ключевых исторических процессов на территории Российской империи в период революционных потрясений начала XX в.

Ключевые слова: Архангельская губерния, архивные материалы, М. И. Гинцбург, Государственный архив Архангельской области, г. Пинега, пинежская ссылка.

To date, there are no studies in Russian and foreign historiography that would objectively cover the individual stages of the biography of the Russian and Soviet philosopher, historian and publicist Moisei Isaakovich Gintsburg (Dayan) (1877-1940). A significant body of his scientific heritage remains not involved in the research field, which is represented by developments on the history of the Jews, the study of the archaeological monuments of the Crimea and the issues of museum affairs in the USSR, which actualizes the topic of this study. The article analyzes in detail the initial period of biography M. I. Gintsburg, associated with revolutionary activities in the early twentieth century. Based on the analysis of a new corpus of archival sources from the funds of the State Archive of the Arkhangelsk Region, the period of M. I. Gintsburg's stay in exile in the territory of the Arkhangelsk province in 1903-1905 is restored. In synthesis with the documents that we have identified in the collections of the Russian State Archive of Literature and Art, we were able to characterize the period of his political and revolutionary activity in the ranks of the General Jewish Workers Union in Lithuania, Poland and Russia (Bund). The classification of the obtained data allowed us to restore the ideas about the political views of M. I. Gintsburg in the context of the brewing revolutionary situation in the Russian Empire. The new archival documents discovered and involved in the research field, as well as the description of the processes and phenomena

described above, made it possible to supplement and interpret a new body of informative material on the history of key historical processes in the territory of the Russian Empire during the revolutionary upheavals of the early twentieth century.

Keywords: Arkhangelsk province, archival materials, M. I. Gintsburg, State Archive of the Arkhangelsk region, Pinega, Pinega exile.

DOI: 10.24888/2410-4205-2021-28-3-52-61

Малоизвестной составляющей в биографии российского философа, критика и публициста Моисея Исааковича Гинцбурга (1877-1940) является период ссылки в Архангельскую губернию в начале XX в. Пора его революционной деятельности, охватывающая два первых десятилетия XX в., на сегодняшний день уже получила общие начертания в отечественной историографии [1], а эволюция идейно-политических взглядов М. И. Гинцбурга стала объектом самостоятельного анализа [2]. Однако каждый из этапов этого сложного процесса пестрит значительными лакунами, содержит ошибки и расхождения. Первостепенный интерес представляет изучение становления революционных взглядов М. И. Гинцбурга, время его пинежской ссылки. Долгие годы данная страница биографии Моисея Исааковича ограничивалась шестью строками в кратком библиографическом словаре «Политическая ссылка на Европейском Севере в конце XIX – начале XX вв.» [24, с. 48]. Вопросам политической ссылки евреев на европейский север Российской империи посвящены работы старшего научного сотрудника Сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, кандидата исторических наук Максима Викторовича Пулькина [18-21]. Данные публикации раскрывают особенности нахождения еврейского населения и способы их адаптации в условиях ссылки, очерчивают опыт социального конструирования на рубеже XIX-XX вв., а также наглядно демонстрируют динамику создания еврейских общин и процесс развития иудаизма на севере России и в Сибири.

Значительный интерес представляет публикация ведущего архивиста отдела использования и публикации документов Государственного архива Витебской области Светланы Мясоедовой. Ей удалось выявить, атрибутировать и опубликовать на страницах международного еврейского журнала «Мишпоха» текст автобиографии племянника М. И. Гинцбурга, доктора биологических наук, профессора Семёна Максимилиановича Дионесова-Левинсона (1901-1984) [23]. Этот документ позволил сделать выводы о причинах формирования революционных взглядов в семье Гинцбургов.

На сегодняшний день обстоятельного исследования, посвященного биографии М. И. Гинцбурга, не существует. Большинство архивных материалов, освещающих данную тему исследования, остаются неизвестными и малодоступными для исследователей. Предпринятая нами попытка вовлечения в исследовательское поле новых архивных документов из фондов Государственного архива Архангельской области (далее – ГААО) разрешила устоявшуюся путаницу в революционной деятельности и многочисленных псевдонимах братьев Гинцбургов – Рауля¹, Моисея и Иосифа², позволила идентифицировать каждого из них. Ра-

¹ Гинцбург Рауль Исаакович (1882-1961) (псевд. – Гиринис Сергей Владимирович) – Родился 10 апреля 1882 г. в с. Приселье Рославльского уезда Смоленской губернии. Обучался в Петербургской консерватории, откуда был исключен. В 1901 г. уехал из России в Швейцарию, где под влиянием Г. В. Плеханова примкнул к социал-демократическому движению. Член РСДРП с 1901 г., а с 1916 г. член группы объединенных социал-демократов интернационалистов. Являлся членом кружка земского врача М. А. Ривкина («Рославльская группа интеллигентов»). В 1918 г. примкнул к группе интернационалистов от РСДРП.

² Гинцбург Иосиф Исаакович (1884-?) – Родился в г. Нежин Черниговской губернии. За принадлежность к революционной организации в г. Рославль выслан в Восточную Сибирь, откуда успешно бежал. В марте 1904 г. арестован в г. Вильно и выслан на шесть лет в Архангельскую губернию. В сентябре 1904 г. освобожден согласно манифесту 11 августа 1904 г.

нее малоизвестные биографические материалы ф. 1 («Канцелярия Архангельского губернатора») и ф. 1323 («Архангельское губернское жандармское управление») предоставили возможность реконструировать период пребывания ссыльного М. И. Гинцбурга в Архангельской губернии.

Особый интерес в данном контексте представляет дело Архангельского губернского жандармского управления о пребывании под гласным надзором полиции М. И. Гинцбурга. Оно содержит весьма информативную переписку между архангельским губернатором и губернским жандармским управлением, донесения полицмейстера, пинежского уездного исправника и группу документов, характеризующую период пребывания Гинцбурга в Пинеге. Информативная база данных источников впервые в полном объеме вводится в исследовательское поле, раскрывая ранее неизвестные обстоятельства пинежской ссылки М. И. Гинцбурга.

М. И. Гинцбург родился 1 сентября 1877 г. в г. Нежин Черниговской губернии в семье рославльского купца I гильдии Исаака Симоновича Гинцбурга, руководившего производством на стекольном заводе купца Леви Зельмановича Гуревича [15]. Мать, Ревекка Зельмановна Гинцбург, проживала с детьми в Москве, где в юношеском возрасте у них окрепли революционные идеи. В 1901 г. М. И. Гинцбург примкнул к Всеобщему еврейскому рабочему союзу в Литве, Польше и России (Бунд). Будучи студентом Императорского Харьковского университета, принимал участие в демонстрациях студентов и в агитационно-пропагандистских акциях [3, с. 19]. До 1904 г. официально числился управляющим лесопромышленным товариществом, зарабатывая себе тем самым средства к существованию.

Племянник М. И. Гинцбурга Семён Максимилианович Дионесов-Левинсон в автобиографии так охарактеризовал сложившуюся ситуацию в своей семье: «<...>. Мать же [Евгения Исааковна Гинцбург]³, в силу семейных причин, была настроена совершенно иначе. Это женщина, тоже нового типа, вечно занятая чтением, далёкая от деловых операций отца и, должно быть, поэтому её классовое чувство было сильно притуплено. Её отношение к революционному движению было, безусловно, положительным, в революции она видела с одной стороны красивый и яркий жест, раскрепощение человеческой личности как таковой (к марксизму, как направлению и учению не идеалистическому она относилась отрицательно), с другой стороны она происходила из революционной семьи и революция для неё – это освобождение из тюрем и ссылки её братьев, их жен и т.д. (один её брат – Р. И. Гинцбург (Тюнин) был известен как с[оциалист]-р.[еволюционер] максималист (Рославль и Смоленск); был ещё в отроческом возрасте исключен из [Санкт-Петербургской] консерватории (учен.[ик] [Н. А.] Римского-Корсакова), и с тех пор работал в Смоленске, Вильне, впоследствии создал интернацион.[альную] с[оциал]-д.[емократическую] организацию в 1918 г. В Литве (оккупирован.[ной]) был уже как член РКП[б], – Наркомтруда Литвы и Белоруссии, потом членом межкома при ВЧК, второй брат был видным работником Петерб.[ургского] Сов.[ета] раб.[очих] деп.[утатов]. В 1905 г. («Гриневский», впоследствии) был сослан; в 1914 году вернулся из ссылки и, уйдя с револ.[юционного] движ.[ения], уехал в Швецию; третий брат М. И. Гинцбург («Владимир») работал как бундовец и **изведал все прелести русских тюрем** (выделено нами – В. А.) (одно время под фамилией «Надеждин»), ныне ре-

³ Гинцбург Евгения Исааковна (1887-1971) – Родилась 21 июня 1887 г. в семье рославльского купца И. С. Гинцбурга. Врач-фтизиатр. Первый муж – крупный витебский предприниматель, купец первой гильдии Моисей Григорьевич Левинсон, один из учредителей витебского «Общества призрения бедных, престарелых и сирот-евреев». Второй муж – революционер Аарон Яковлевич Магидсон (1883–1958), в годы Первой русской революции командовавший группой дружинников из отряда самообороны от погромов. В годы Гражданской войны Е. И. Гинцбург находилась на фронте в частях Красной Армии. Умерла в 1971 г. в Куйбышеве.

дактор Изв.[естий] Феодосийского ревкома (литер.[атурный] псевд.[оним] «Даген» [Даян]⁴). Полагаю, что именно вышеизложенные причины, главным образом, и содействовали тому отношению к революц.[ионной] борьбе, которое существовало у матери <...> [23].

С лета 1903 г. по Российской империи прокатилась волна массовых арестов бундистов. С 7 февраля 1903 г. Моисей Исаакович находился в бегах. Однако вскоре был арестован и заключен в Смоленскую, а затем Калужскую тюрьму. 4 октября 1903 г. за «государственное преступление» приговорен к четырехлетнему гласному надзору и высылке из Смоленской губернии в Иркутск. Однако 27 января 1904 г. разразилась русско-японская война. Решением Департамента полиции Министерства внутренних дел от 11 марта 1904 г., в связи с началом военных действий, первоначальное место отбывания наказания было заменено на г. Пинега Архангельской губернии.

В начале марта М. И. Гинцбурга этапировали в Самару. Так, из письма самарского губернатора Александра Семёновича Брянчанинова архангельскому губернатору мы узнаем, что «<...> содержащиеся под стражей в Самарской тюрьме, пересыльные арестанты, мещане Зальман Якобсон⁵, Семен Вайнштейн⁶, Овший Зубатый⁷, крестьянин Алексей Панфилов⁸, сын купца Рудольф Финкельштейн⁹, потомственная почетная гражданка Мария Манасевич¹⁰ и сын купца Моисей Шлиома Исааков Гинцбург, подлежащие высылке под гласный надзор полиции на определенные им сроки, взамен Восточной Сибири, в Архангельскую губернию. <...>. При этом препровождаем на распоряжение Вашего Превосходительства прошение отца ссыльного Гинцбург Исаака Гинцбург» [7, л. 1-1об.].

Прошение И. С. Гинцбурга, датированное 9 марта 1904 г., имело следующее содержание: «Сын мой ссыльный в Иркутск Моисей Гинцбург вследствие недавнего распоряжения приостановить во время войны ссылку в Восточную Сибирь содержится ныне в тюрьме в Самаре и как слышно должен быть отправлен по назначению Вашего Превосходительства в Вологодскую или Архангельскую губернию, почему и осмеливаюсь обратиться к Вашему

⁴ В годы активной революционной, публицистической и журналистской деятельности у М. И. Гинцбурга устоялось ряд псевдонимов: Владимир; Г-г, М.; Даян (в различных вариациях: Г. Даян, М. И. Даян, Даген, Даиан); И-ч, М.; Миг-ъ; Надеждин М.; Г. Присельский.

⁵ Якобсон Залман Хононович (ок. 1883-?) – Родился в Дисменском уезде Виленской губернии. За революционную агитацию среди населения Житомира и хранение тиража воззваний «Волынской группы РСДРП» выслан на 3 года из Волынской губернии. Ссылку отбывал в с. Койнас Мезенского уезда и г. Пинега Архангельской губернии [13].

⁶ Вайнштейн Семен Лазаревич (1879-1923) – Стоял у истоков создания Харьковского комитета РСДРП. 27 ноября 1902 г. арестован и после тюремного заключения выслан на 5 лет. Ссылку отбывал в с. Усть-Цильма Печорского уезда Архангельской губернии. Был одним из руководителей печорских ссыльных. После Февральской революции – член Иркутского комитета РСДРП. Участник Первого Всероссийского съезда Советов, член бюро первого ВЦИК, член Временного совета Российской империи (Предпарламента). Выступал против большевиков. В начале 1923 г. выслан за границу [6].

⁷ Зубатов (Зубатый) Овший (Овин) Пинхасович (Пинсахович) (ок. 1832-?) – Родился в д. Рыжевка Уманского уезда Киевской губернии. За принадлежность к Южной революционной группе РСДРП выслан в Самарскую губернию на 4 года. Ссылку отбывал в д. Олема Мезенского уезда Архангельской губернии [9].

⁸ Панфилов Алексей Александрович (1875-?) – Родился в д. Саково Костромского уезда Костромской губернии. За принадлежность к Полтавской группе РСДРП выслан на 5 лет из Костромской губернии. Ссылку отбывал в с. Ижма и с. Усть-Цильма Печорского уезда Архангельской губернии и в г. Архангельск [11].

⁹ Финкельштейн Рудольф Константинович (1873-?) – Родился в г. Херсон. Обучался в Казанском университете. Ссылку отбывал в г. Пинега Архангельской губернии [12].

¹⁰ Манасевич (Глекель) Мария Вульфовна (1883-?) – Родилась в г. Черкассы Киевской губернии. За принадлежность к Московскому комитету РСДРП выслана на 3 года в г. Самару. Ссылку отбывала в Архангельске. В ссылке была замечена в распространении социал-демократической литературы [8].

Превосходительству с покорнейшей просьбой, при назначении сыну моему места ссылки приняв во внимание следующее обстоятельство, что он давно страдает головной и глазной болезнями «и глаза его требуют большого внимания в виду угрожающей опасности полной потери зрения», это подлинные слова всемирного авторитетного профессора [Л. Л.] Гиршмана из Харькова, в свидетельстве своем он 22 ноября 1898 года, копия которого при сем имеет честь прилагать вместе с копиями свидетельств местного городского врача и уездного врача с заключением Смоленского врачебного отделения из последнего видно, что заключенный «кроме того перенес недавно острое воспаление бронхов и всякое волнение и прилив крови в голову могут влиять на зрение и вызвать полную слепоту». Почему Ваше Превосходительство окажет ему и нам большую милость и великую справедливость если назначите ему место, где климатические условия более благоприятны, а главное не в деревню, а в такую местность, где бы он мог беспрепятственно состоять под наблюдением врача.

На случай если выбор города в означенных губерниях зависит от совместного соглашения Вашего Превосходительства с Их Превосходительствами г.г. Вологодского и Архангельского Губернаторов, то имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство при отправке сына при его бумагах препроводить и медицинские свидетельства с милостивой Вашей Превосходительства заметкой об оказании ему снисхождения при выборе места назначения» [7, л. 2-2 об.].

Прошение было сопровождено копиями медицинских документов (заключения офтальмологической клиники Императорского Харьковского университета и рославльского уездного врача), которые имели все необходимые нотариальные заверения [7, л. 3-4 об.]. Аналогичный по содержанию пакет документов был направлен И. С. Гинцбургом 20 апреля 1904 г. архангельскому губернатору [7, л. 5-7 об.].

Находясь в архангельском тюремном замке, 6 мая 1904 г. М. И. Гинцбург направил прошение архангельскому губернатору следующего содержания: «Страдая глазной болью, особенно усилившейся за последнее время, сопровождающейся приливом крови к голове, я имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство оставить меня в городе Архангельске для лечения» [7, л. 14]. Однако заключенному в прошении было отказано [7, л. 14 об.].

О решении определить местом ссылки для М. И. Гинцбурга г. Пинега архангельский губернатор, контр-адмирал Николай Александрович Римский-Корсаков уведомил отдельным письмом начальника архангельского губернского жандармского управления Александра Александровича Вейтбрехта [14, л. 1]. В свою очередь, из сообщения архангельского полицмейстера мы узнаём, что 11 мая 1904 г. М. И. Гинцбург был отправлен по этапу из Архангельска к месту дальнейшего пребывания [14, л. 2]. А уже 28 мая 1904 г. А. А. Вейтбрехт был уведомлен пинежским уездным исправником о прибытии М. И. Гинцбурга в Пинегу [14, л. 6].

С середины XIX в. этот город превратился в центр политической ссылки, и, в сравнении с селами этого же уезда, считался благоприятным местом отбывания наказания, поскольку имел несколько торговых лавок и многочисленную колонию политических заключенных [4]. Моисей Исаакович относился к числу ссыльных, имевших возможность выписывать партийные газеты на русском и еврейском языках. Таким образом, пользуясь послаблениями, не порывал с революционной деятельностью даже в период ссылки. К 1904 г. пинежская ссылка насчитывала 40-45 человек. В материалах Архангельского жандармского управления, хранящихся в фондах ГААО, содержатся сведения о случаях бегства политических ссыльных. Так, местный уездный исправник неоднократно извещал архангельского губернатора о сложностях, которые возникают в связи с ростом числа среди ссыльных лиц еврейского происхождения. Часть из них, приобретая фальшивые документы, беспрепятственно покидала места отбывания ссылки. В этой связи к 1904 г. назрела необходимость формирования системы постоянного наблюдения за контактами, перепиской и перемещением политически ссыльных евреев. Однако специалистов в среде жандармского корпуса,

которые бы в достаточной мере владели бы «еврейскими языками» не оказалось. Это вынудило губернское начальство прибегать к помощи лояльных ссыльных [5, л. 16].

Часть пинежских ссыльных, в число которых входили дети привилегированных сословий, имела более благоприятное положение. Им, в случае необходимости, разрешали отправляться на лечение в губернии с менее суровым климатом [18]. В июне 1904 г. М. И. Гинцбург направил заявление пинежскому уездному исправнику о желании получать ежемесячные пособия в размере 12 руб., как лицо, принадлежащее к привилегированному сословию [7, л. 11], поскольку отец М. И. Гинцбурга, по сообщениям смоленского вице-губернатора Болеслава Павловича Цехановецкого, не изъявил желания обеспечивать существование сына в ссылке [7, л. 12]. Однако по сведениям пинежского уездного исправника «<...> в подведомственном мне полицейском управлении заявления отца Гинцбурга об отказе ему в высылке денег не поступало и никаких запросов он не делал; насколько всем здесь известно, Гинцбург человек состоятельный и постоянно при деньгах, что отчасти подтверждается тем, что перед побегом пересыльного Крохмаля¹¹, он дал последнему из собственных 25 рублей» [7, л. 37-37 об.]. По сведениям гласного надзора, осуществлявшегося унтер-офицером Ильей Суховым, за первые месяцы пинежской ссылки М. И. Гинцбург знакомств среди политических ссыльных не завел. «<...>. Жизнь ведет трезвую <...> никто из посторонних не посещает, переписки не имеет», указывалось в донесениях [14, л. 7-9].

6 ноября 1904 г. архангельский губернатор, гофмейстер Высочайшего двора Николай Георгиевич фон-Бюнтинг, опираясь на положения Манифеста от 11 августа 1904 г., изданного Николаем II в честь крещения цесаревича Алексея, сократил М. И. Гинцбургу срок гласного надзора на одну треть [14, л. 10]. В это же время отец ссыльного обратился с просьбой к фон-Бюнтингу, чтобы тот, при возможности, ходатайствовал перед министром внутренних дел Петром Даниловичем Святополком-Мирским о возможности отбывать оставшийся срок наказания в родном городе Рославле [7, л. 33-34]. Однако, «<...> Товарищ Министр Внутренних Дел, заведующий Полицией, отклонив ходатайство <...>, изволил признать возможным, в случае если помянутый поднадзорный нуждается в осмотре врача-окулиста и лечении, разрешить ему временно отлучку в г. Архангельск, а при отсутствии там хорошего окулиста – в г. Ярославль» [7, л. 35].

19 декабря 1904 г. М. И. Гинцбургу была разрешена временная отлучка из Пинеги в Архангельск. Местом своего пребывания в городе избрал Троицкую гостиницу Федосова, куда прибыл 22 декабря и где за ним был продолжен гласный надзор [14, л. 12-13]. 29 декабря М. И. Гинцбург из Архангельска направил письмо губернатору, текст которого приводим полностью: «Министерством вн. [утренних] дел мне разрешено прибыть в г. Ярославль, но я принужден оставаться в г. Архангельск впредь до удовлетворения Вами обращенной мною к Вам еще из Пинеги просьбы о выдаче мне дополнительного пособия.

Я получил с 22 мая по 6 р. 90 коп. в месяц, между тем, как я должен был получать по 12 р., как принадлежащий к привилегированному сословию.

Если Вы находите, что состоятельность моего отца дает Вам право произвольно сокращать получаемое пособие, то почему же сокращать, когда последовательнее совсем прекратить выдачу и 6-ти рублевого пособия?

Полагаю, что причина неполной выдачи мне пособия кроется в произошедшей ошибке (что я был у вас первоначально назван мещанином).

Теперь, когда эта ошибка поправлена, я рассчитываю, что существует какое-либо подобие закона на этот счет и что, руководствуясь им, Вы сочтете за нужное распорядиться

¹¹ Крохмаль Виктор Николаевич (1877-1933) – Член ЦК РСДРП. В 1899 г. арестован и выслан в Уфимскую губернию. В 1900 г. в Уфе встречался с В. И. Лениным. Агент «Искры» в Киеве. Делегат II съезда РСДРП. По возвращении в Россию был арестован и выслан на 8 лет в Архангельскую губернию. Бежал с этапа 20 сентября 1904 г. из Пинеги в Пустозерск. В 1917 г. был членом Временного совета Российской империи (Предпарламента) [10].

о выдаче мне недополученных денег, как кормов.[ых] и кварт.[ирных], так и на летнюю и зимнюю одежду, о чем я своевременно заявил г-ну Пинежскому исправнику.

У Вас имеется ответ моего отца на обращенный к нему вопрос «будет ли он мне посылать денег?». Два раза я Вам писал, но не получил и отказа. Теперь пишу Вам в последний раз.

3-го января я приду в вашу канцелярию за ответом.

Только получение положенных мне денег дает мне возможность расплатиться с долгами и уехать в Ярославль, где я, по всей видимости, совсем не буду получать пособия.

Состояние же моих глаз требует немедленного, безотлагательного лечения у специалиста по глазным болезням и каждый день промедления приносит с собой заметное ухудшение» [7, л. 41-41 об.].

Не дождавшись, в очередной раз, положительного ответа по вышеуказанному вопросу, 5 января 1905 г. М. И. Гинцбург направил губернатору следующее прошение: «Вследствие того, что здесь нет специалиста по глазным болезням, в Ярославле он имеется и окулист и лечебница для лечения глаз, я желаю воспользоваться предоставленным мне министерством правом выбора и намереваюсь завтра уехать в Ярославль.

Прошу Вас сделать надлежащее распоряжение.

Ответ на мое прошение, к Вам обращенное в мае, сентября и декабре прошлого 1904 года, прошу направить в г. Ярославль» [7, л. 44].

7 января 1905 г. Моисей Исаакович выехал в Ярославль, куда прибыл 10 января [14, л. 16, 20]. 13 января начальник архангельского губернского жандармского управления А. А. Вейтбрехт направил письмо архангельскому губернатору с просьбой уведомить, по какой причине политический ссыльный Гинцбург покинул Архангельск и направился в Ярославль [14, л. 21].

Ответ губернатора Н. Г. фон-Бюнтинг носил следующее содержание: «Департамент Полиции <...> уведомил меня, что Товарищ Министр Внутренних Дел, Заведующий Полицией, отклонив ходатайство отца гласно-поднадзорного Моисея-Шлиомы Исаакова Гинцбурга о дозволении последнему отбыть остающийся срок на родине в г. Рославле, изволил признать возможным, в случае если помянутый поднадзорный нуждается в осмотре врача-окулиста и лечении, разрешить ему временно отлучку в город Архангельск, а при отсутствии там хорошего окулиста в г. Ярославль.

В виду того, что в Архангельске нет хорошего окулиста, Гинцбург подал мне заявление о желании воспользоваться временной для лечения отлучкой в Ярославль; вследствие чего мною предложено Архангельскому Полицмейстеру выдать Гинцбургу установленное проходное свидетельство для следования в г. Ярославль <...>» [14, л. 24-24 об.].

Период пребывания Моисея Исааковича в Ярославле сопряжен с массовыми выступлениями учащихся духовной семинарии, студентов Демидовского лицея и местной мужской гимназии. В начале января 1905 г. город был полностью охвачен народными волнениями. Воспользовавшись сложившейся ситуацией Гинцбург принял активное участие в пропагандистской поддержке летучих митингов и деятельности расширенных собраний рабочих кружков, где обсуждалась ситуация в Петербурге. К февралю 1905 г. к забастовке присоединились ярославские железнодорожные мастерские и предприятия.

4 февраля 1905 г. М. И. Гинцбург вернулся в Архангельск, однако уже 7 февраля, воспользовавшись сложной общественно-политической обстановкой в стране, скрылся из-под надзора полиции [14, л. 26, 29]. Дальнейший период его революционной деятельности проходил в подполье. Продолжая вести агитацию в ряде городов Российской империи, принял участие в вооруженном восстании на Донбассе в 1905 г. Но уже в 1906 г. был повторно арестован и выслан на три года в Восточную Сибирь [22, л. 1].

Таким образом, пинежский период политической ссылки М. И. Гинцбурга явился первым и ключевым испытанием в процессе утверждения его отношения к революционной борьбе. Окончательно окрепла поддержка идей, декларируемых Бундом: национально-

культурная автономия для восточноевропейского еврейства, создание светской системы просвещения, развитие культуры на языке идиш и т.д. Его дальнейшая революционная и политическая деятельность является неотъемлемой частью истории общественно-политического движения в России [16-17]. Обнаружение и вовлечение в исследовательское поле нового корпуса источников позволит детально реконструировать яркие эпизоды биографической канвы М. И. Гинцбурга. Его богатое рукописное наследие, сохранившееся в архивах Москвы и Санкт-Петербурга, представляет большой научный интерес, и, к сожалению, остается слабо изученным. Дальнейшая публикация новых источников позволит ввести в научный оборот информативный материал по истории ключевых исторических процессов на территории Российской империи в период революционных потрясений и социальных катаклизмов первой трети XX в.

Список литературы

1. Акимченков, В. В. (2017). *«Прямая обязанность советских историков и археологов вскрыть обман “жрецов” буржуазной историографии»*: Статья профессора М. И. Даяна. 1939 г. // Исторический архив. М.: РОССПЭН. № 4(145). С. 160-171.
2. Акимченков, В. В. (2016). *«С некоторых пор я состою президентом Херсонесской демократической республики»*: Крым в биографии профессора Даяна // Альманах Пространство и Время. Т. 12. Вып. 1: Крымоведение: пространство и время Крыма. URL: 2227-9490e-arprov_e-ast12-1.2016.22.
3. Алфавитный список студентов и посторонних слушателей Императорского Харьковского университета за 1900-1901 академич. год. Харьков: [Типография Императорского Харьковского университета], 1900. 108 с.
4. Берлинраут, Л. Я., Раскин, М. С. (1911). *Еврейское население города Вологды. Опыт статистического обследования экономического, правового и культурного состояния еврейского населения внутренних губерний России*. М.: О-во распространения правил. сведений о евреях и еврействе. 58 с.
5. Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 50.
6. ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 3. Д. 773.
7. ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 3. Д. 865.
8. ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 3. Д. 867.
9. ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 3. Д. 922.
10. ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 3. Д. 974.
11. ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 3. Д. 1052.
12. ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 3. Д. 1144.
13. ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 3. Д. 1196.
14. ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 1230.
15. Ильюхов, А., Колб, Е. (1993). *Предприниматели Смоленщины* // Край Смоленский. № 9/10.
16. Непомнящий, А. А. (2018). *Академик С. Ф. Платонов и крымоведение* / Институт истории им. Ш. Марджани, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского. Белгород: Константа. 216 с. (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 27).
17. Непомнящий, А. А. (2012). *Профессор Николай Эрнст: Страницы истории крымского краеведения*. Киев: Стилос. 464 с. (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 15).
18. Пулькин, М. [В.] (2008). *Еврейское население Европейского Севера: проблемы социального конструирования (конец XIX – начало XX в.)* // Антропологический форум. № 9. С. 279-298.

19. Пулькин, М. [В.] (2010). *Формирование еврейских религиозных общин на Европейском Севере России (XIX – начало XX в.)* // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 13. С. 319-337.
20. Пулькин, М. В. (2009). *Евреи на Европейском Севере России: проблема адаптации (конец XIX – начало XX в.)* // Российская история. № 3. С. 240-247.
21. Пулькин, М. В. (2011). *Иудаизм на Европейском Севере России и в Сибири (конец XIX – начало XX в.)* // Религиоведение. № 2. С. 26-34.
22. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 681. Оп. 1. Д. 705.
23. Семён Максимилианович Дионесов-Левинсон. *Автобиография*. [Подг. к публ. С. Мясоедова] // Международный еврейский журнал «Мишпоха». URL: <http://mishpocha.org/arkhivarius/44-semjon-maksimilianovich-dionesov-levinson-avtobiografiya> (дата обращения: 05. 04. 2021).
24. Супрун, М. Н., Косухкин, С. Я. (1989). *Политическая ссылка на Европейском Севере в конце XIX – начале XX вв.: краткий библиографический словарь*. Вологда. Вып. 1. 184 с.

References

1. Akimchenkov, V. V. (2017). "Pryamaya obyazannost' sovetskih istorikov i arheologov vskryt' obman "zhrecov" burzhuaznoj istoriografii»: Stat'ya professora M. I. Dayana. 1939 g. ["The direct duty of Soviet historians and archaeologists to uncover the deception of the "priests" of bourgeois historiography": Article by Professor M. I. Dayan. 1939] in Istoricheskij arhiv. Moscow, ROSSPEN Publ., 4 (145), 160-171. (in Russian).
2. Akimchenkov, V. V. (2016). «S nekotoryh por ya sostoyu prezidentom Hersonesskoj demokraticheskoj respubliki»: Krym v biografii professora Dayana ["For some time now I have been the president of the Chersonesos Democratic Republic": Crimea in the biography of Professor Dayan] in Al'manah Prostranstvo i Vremya, vol. 12, issue 1: Krymovedenie: prostranstvo i vremya Kryma. URL: 2227-9490e-aprov_r_e-ast12-1.2016.22. (in Russian).
3. Berlinet, L. J., Raskin, M. S. (1911). *Evrejskoe naselenie goroda Vologdy. Opyt statisticheskogo obsledovaniya ekonomicheskogo, pravovogo i kul'turnogo sostoyaniya evrejskogo naseleniya vnutrennih gubernij Rossii* [Jewish population of the city of Vologda. Experience of statistical survey of economic, legal and cultural condition of the Jewish population of internal provinces of Russia]. Moscow. (in Russian).
4. Plyukhov, A., Kolb, E. (1993). *Predprinimateli Smolenshchiny* [Entrepreneurs of Smolensk Region] in Kraj Smolenskij, 9/10. (in Russian).
5. Nepomnyashchy, A. A. (2018). *Akademik S. F. Platonov i krymovedenie* [Academician S. F. Platonov and krymovedenie] / Sh. Marjani Institute of History, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Belgorod, Constant publ. (Series: "Biobibliography of Crimean studies"; issue 27). (in Russian).
6. Nepomnyashchy, A. A. (2012). *Professor Nikolaj Ernst: Stranicy istorii krymskogo kraevedeniya* [Professor Nikolai Ernst: Pages of the history of Crimean local lore], Kiev, Stilos publ. (Series: "Biobibliography of Crimean studies"; issue 15). (in Russian).
7. Pulkin, M. V. (2008). *Evrejskoe naselenie Evropejskogo Severa: problemy social'nogo konstruirovaniya (konec XIX – nachalo XX v.)* [Jewish population of the European North: problems of social construction (late XIX – early XX century)] in Antropologicheskij forum, 9, 279-298. (in Russian).
8. Pulkin, M. [V.] (2010). *Formirovanie evrejskih religioznyh obshchin na Evropejskom Severe Rossii (XIX – nachalo XX v.)* [Formation of Jewish religious communities in the European North of Russia (XIX – early XX century)] in Slavyanskaya tradicionnaya kul'tura i sovremennij mir, 13, 319-337. (in Russian).

9. Pulkin, M. V. (2009). *Evrei na Evropejskom Severe Rossii: problema adaptacii (konec XIX – nachalo XX v.)* [Jews in the European North of Russia: the problem of adaptation (late XIX – early XX century)] in *Rossijskaya istoriya*, 3, 240-247. (in Russian).

10. Pulkin, M. V. (2011). *Iudaizm na Evropejskom Severe Rossii i v Sibiri (konec XIX – nachalo XX v.)* [Judaism in the European North of Russia and in Siberia (late XIX – early XX century)] in *Religiovedenie*, 2, 26-34. (in Russian).

11. *Semyon Maksimilianovich Dionesov-Levinson. Avtobiografiya*. [Simon Maksimilianovich of Dionisou-Levinson. Autobiography], Publ. S. Myasoedova in *Mezhdunarodnyj evrejskij zhurnal «Mishpoha»*. URL: <http://mishpoha.org/arkhivarius/44-semjon-maksimilianovich-dionesov-levinson-avtobiografiya> (date accessed: 05.04.2021). (in Russian).

12. Suprun, M. N., Kashkin, S. Y. (1989). *Politicheskaya ssylka na Evropejskom Severe v konce XIX – nachale XX vv.: kratkij biobibliograficheskij slovar'* [Political exile in the European North at the end of XIX – early XX centuries: a brief bio-bibliographic dictionary]. Vologda, issue 1. (in Russian).

Махрачев Г. С.
(Тамбов)

УДК 93/94

РАЗВИТИЕ КРУЖЕВНОГО ПРОМЫСЛА В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

В статье рассматривается эволюция кружевного промысла в Тамбовской губернии в пореформенное время и период нэпа. Центром кружевоплетения в Тамбовской губернии, как в период царской России, так и во время нэпа, были Ищенская, Краснинская, Троекуровская и Черепанская волости Лебедянского (а после административной реорганизации губернии – Липецкого) уезда. Главной проблемой, с которой приходилось сталкиваться кружевницам, была деструктивная деятельность скупщиков. Монополизировав рынок, они вынуждали мастериц работать себе в убыток. В дореволюционной России кустаркам оказывалась поддержка на разных уровнях. На государственном уровне были организованы две Всероссийские кустарные выставки. Тамбовское земство также провело ряд выставок, учредило кружевные школы, открыло кустарный склад. Большой вклад в развитие промысла внесли местные меценаты. Однако, несмотря на значительную поддержку, решить проблемы местных кружевниц не удалось.

После прихода большевиков к власти наблюдалось полное исчезновение кустарного производства кружев на период военного коммунизма и возрождение его только в период нэпа. Деятельность скупщиков по-прежнему оказывала негативное значение на развитие кружевоплетения. Взятый на кооперирование кустарей курс, который должен был решить эту проблему, в конечном итоге провалился, не принеся должного результата. Не принесла успеха и организованная в 1923 г. Всероссийская сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка, поскольку к этому моменту промысел еще не успел восстановиться, и показывать было практически нечего. Отрицательно на возрождении промысла сказывались гонения на тамбовских помещиц, занимавшихся меценатством. В итоге, и большевистскому руководству не удалось решить проблемы, тормозившие кустарную промышленность.

Ключевые слова: пореформенный период, нэп, кустарные промыслы, промысловая кооперация, кружево, Тамбовская губерния.

Evolution of the lace craft in Tambov Province in post-reform time and the period of the New Economic Policy is considered in the article. The centres of lacemaking in Tambov Province, both during the Tsarist Russia and the New Economic Policy period, were Ishchenskaya, Krasninskaya, Troekurovskaya and Cherepanskaya volosts of Lebedyansky (and after administrative reorganization of the province - Lipetsky) district. The main problem faced by lacemakers was the destructive activity of buyers. During monopolising the market, they were forcing needlewomen to operate at a loss. In pre-revolutionary Russia artisans were supported at different levels. Two all-Russian homemade exhibitions were organised at the state level. Tambov zemstvo held a number of exhibitions, established lace schools and opened a craft store. A great contribution to the development of the craft was made by local patrons of the arts. However, despite considerable support, problems of local lacemakers could not be solved.

When the Bolsheviks came to power it was observed that the artisanal lace production completely disappeared during the period of war communism, and only revived during the New Economic Policy period. The activities of buyers still had a negative impact on the development of lacemaking. The course taken to cooperate with artisans, which was supposed to solve this problem, ultimately failed, without achieving the desired result. The All-Russia agricultural and trade show, organized in 1923, was not a success either, since the handicrafts industry had not yet been able to recover and there was almost nothing to show. The revival of the craft was adversely af-

fected by the persecution of the Tambov landowners who were engaged in patronage of the arts. In the end, the Bolshevik leadership also failed to solve the problems that were hindering the handicraft industry.

Keywords: post-reform period, New Economic Policy, handicrafts, trade cooperation, lace, Tambov Province.

DOI: 10.24888/2410-4205-2021-28-3-62-71

Изучение особенностей развития кустарной промышленности является важнейшей задачей сразу для нескольких областей знания – исторической, этнографической, экономической, лингвистической. С одной стороны, актуальность темы определяется необходимостью сохранения национального самосознания и нравственных ориентиров, которые могут быть разрушены в результате стирания государственных границ и слияния культур. С другой стороны, одним из ведущих направлений государственной политики по развитию экономики России на современном этапе является поддержка мелких предприятий и семейных производств, которые не только способствуют реализации предпринимательских способностей населения, но и снимают социальную напряженность в кризисные для крупных компаний времена. Работа по поддержке малого бизнеса проводится как на федеральном, так и на региональном уровнях. Для объективной оценки современных реалий и выработки максимально грамотной стратегии необходимо учитывать опыт прежних поколений.

Царствование императора Александра II стало переломным моментом в российской истории, ознаменовавшим переход от феодальных отношений к капиталистическим. Реформы, затронувшие все сферы общественной жизни, дали толчок к модернизации и демократизации общества. Однако этого было мало для решения огромного числа социально-экономических проблем, долгое время назревавших в государстве. Аграрный сектор, остававшийся ведущим в экономике страны, находился в глубоком кризисе. Демографический взрыв во второй половине XIX в. привел к земельной недостаточности, что для крестьянства усугублялось тяжелыми природно-климатическими условиями, и, следовательно, недородами и неурожаями, а также общей технической отсталостью сельского хозяйства. Поиск новых источников доходов, а также становление капиталистических отношений привели к стремительному развитию кустарной промышленности.

Следующим переломным этапом в истории Российского государства и, в частности, в развитии кустарной промышленности стала Октябрьская революция 1917 г. Большевики, пришедшие к власти, начали проводить политику национализации частной собственности и свертывания капиталистических отношений, что в условиях Первой мировой и гражданской войн нанесло серьезнейший удар по кустарной промышленности. 14 марта 1921 г. на X съезде РКП(б) было принято решение о переходе от «военного коммунизма» к нэпу. Вместе с восстановлением капиталистических отношений началось и возрождение кустарной промышленности. Более того, большевистское руководство начало оказывать целенаправленную поддержку кустарям.

Одним из самых распространенных кустарных промыслов на территории России было кружевоплетение. В то же время он был одним из интереснейших примеров декоративно-прикладного искусства, узорчатая составляющая которого сильно варьировалась в зависимости от региона. Кружево использовалось для оформления одежды и домашнего интерьера: постельного белья, скатертей, салфеток и т.д. Несмотря на то, что кружевоплетение считалось тонким и кропотливым занятием, его практиковало множество женщин. На примере этого промысла мы постараемся выявить отличительные черты развития кустарной промышленности в двух кардинально отличных эпохах: царской и нэповской.

Рассматриваемая тема лежит на стыке истории, этнографии и искусствоведения, а потому историография отражает результаты исследований сразу нескольких областей науки. Начало изучения кружевного промысла традиционно связывают с именем С. А. Давы-

довой. В своей фундаментальной работе «Русское кружево и русские кружевницы» С. А. Давыдова раскрыла историю кружевоплетения, проанализировала статистические данные промысловой активности, рассмотрела экономические особенности кустарной деятельности [6].

В советский период изучению кружевоплетения было уделено большее внимание, чем в дореволюционное время. К крупным работам можно отнести монографию В. А. Фалеевой «Русское плетеное кружево», в которой отражена история развития этого промысла с XVII до середины XX в., а также выявлены центры кружевоплетения [38]. Ряд работ о художественной специфике кружевоплетения в разных регионах России принадлежит перу И. П. Работновой [25-27]. Искусствоведческий характер имеет также труд Л. В. Ефимовой и Р. М. Белогорской «Русская вышивка и кружево. Собрание Государственного Исторического музея» [8]. Интересно обратить внимание на труд краеведа М. В. Рехачева «Вологодские кружева», в котором, несмотря на некоторые ошибки, предпринимается попытка восстановить историю этого промысла и выявить характерные узоры, создаваемые местными мастерами [28].

В послесоветской историографии также наблюдается повышенный интерес к рассматриваемой теме. Художественные особенности кружевоплетения были проанализированы в диссертациях на соискание ученой степени кандидата искусствоведения М. А. Сорокиной [32] и Н. Н. Бертяевой [1]. Важным дополнением являются материалы периодической печати в виде научных статей В. А. Григоровой [5], М. В. Карташовой [13-14], О. В. Тулиновой [35] и др. В них приводится ассортимент производившейся продукции, выявляются экономические проблемы развития промысла, анализируется государственная политика по поддержке кустарей. Однако комплексного исследования, раскрывающего особенности развития кружевного промысла в Тамбовской губернии во второй половине XIX – первой трети XX в., нет.

Как уже было отмечено выше, либеральные реформы Александра II дали значительный толчок развитию кустарной промышленности. В пореформенной Тамбовской губернии центр кружевоплетения был расположен в Ищенской, Краснинской, Троекуровской и Черепанской волостях Лебедянского уезда. Отмечалось, что все женское население этих волостей плетет кружева на продажу и приучает своих дочерей к промысловому занятию с десятилетнего возраста. Как следствие, производство здесь имело преимущественно семейный характер [17, с. 63]. Другое гнездо кружевниц располагалось в Казачинской волости Шацкого уезда, в которой было зафиксировано 50 кустарок [17, с. 542]. В остальных уездах Тамбовской губернии крестьянки крайне редко изготавливали кружево на продажу.

Проблемы, сдерживающие развитие кружевного промысла, мы рассмотрим на примере кустарок Лебедянского уезда, поскольку именно здесь этот промысел получил наибольшее распространение. В первую очередь, необходимо указать на сложности, возникавшие при реализации готовой продукции. Приобретение сырья и продажа изделий были возможны только при участии скупщиков, которые, монополизировав рынок, занижали цены на готовое кружево, а нередко осуществляли исключительно бартерный обмен кустарной продукции на сырье для дальнейшего производства [17, с. 64]. Другая проблема была связана с однообразием изготавливавшейся продукции. Кружева местных мастериц имели высокое качество, однако, отмечалось, что «дальнейшее усовершенствование производства остановилось и очень недостает новых более свежих рисунков и более усовершенствованных образцов и приемов производства, которые уже давно выработаны» [11, с. 15].

Автор уже имеет ряд статей, в которых раскрывается государственная политика стимулирования кустарной промышленности [19-20], однако, в данном случае мы сделаем акцент именно на особенностях поддержки мастериц кружевного дела. В 1902 г. в Тамбове был открыт земский склад кустарных изделий, на котором должно было храниться сырье и готовая кустарная продукция. Предполагалось, что в обход скупщиков мастера смогут приобретать необходимое для работы сырье, а затем продавать на склад готовый продукт.

Функционировать склад должен был за счет прибыли, получаемой от перепродажи накопившейся кустарной продукции. По данным на ноябрь 1902 г. среди изделий, приобретенных у кустарей, большой процент составляли кружева [12, с. 3]. Более того, руководители склада целенаправленно организовывали заказы мастерицам кружевного дела, что, как отмечалось, действовало на последних «ободдряющим образом», поскольку можно было сразу же в полном объеме получить плату за свои изделия [11, с. 14]. Но, несмотря на все старания руководства склада, в скором времени расходы на его содержание стали слишком большими. Так, уже к 1906 г. общий убыток составил 3 946 руб. [10, с. 214]. Это было связано с неудачным расположением склада – в городе, при том, что ориентирован он был исключительно на сельских жителей. В 1907 г. чрезвычайным губернским земским собранием было принято решение о ликвидации кустарного склада [10, с. 218].

Другим направлением поддержки мелкотоварного производства была организация кустарных выставок на губернском и Всероссийском уровнях. Подобные выставки позволяли определить состояние кустарной промышленности и выявить проблемы, с которыми сталкивались мастера в процессе производства своих изделий. Но, самое главное, на выставках происходило сближение производителей и потребителей, в результате чего экспоненты лучше понимали, какая продукция вызывает интерес, а посетители узнавали о разнообразии кустарной продукции. Стимулом к участию для кустарей служила возможность получить медали, похвальные листы и денежные вознаграждения, которыми отмечались лучшие изделия. Ниже на примере нескольких губернских и Всероссийских выставок мы стараемся оценить качество и разнообразие кружевных изделий.

В 1889 г. на Борисоглебской сельскохозяйственной выставке был организован кустарный отдел. Среди прочих изделий были представлены кружева шацких кустарок, которые обучались в специальной рукодельной школе, организованной А. Н. Нарышкиной, супругой знаменитого тамбовского мецената Э. Д. Нарышкина [9, с. 99]. Это был первый опыт организации кустарной выставки в губернии, и современниками он оценивался, как неудачный [9, с. 102-103].

В 1902 г. по инициативе Министерства земледелия и государственных имуществ в Санкт-Петербурге была организована первая Всероссийская кустарная выставка [23, с. 285-357]. К участию приглашались сельские и, после долгих предварительных обсуждений, городские кустари, земские управы, кустарные комитеты, учебные мастерские, общественные организации, частные лица. Выставка вызвала широкий интерес у общественности, поскольку только входных билетов было продано более 150 000 штук, а на дне открытия присутствовал даже император Николай II со своей семьей.

В «Указателе состоящей под августейшим покровительством ея императорского величества государыни императрицы Александры Федоровны Всероссийской кустарно-промышленной выставки» приводится список экспонируемых изделий с их краткой характеристикой. От Тамбовской губернии были представлены кружева мастериц Троекуровской волости Лебедянского уезда, изделия А. М. Поповой, проживавшей в г. Лебедяни, продукция учениц А. Н. Нарышкиной из Шацкого уезда. Отмечалось, что мастерицы Лебедянского уезда из-за деятельности скупщиков испытывали серьезные затруднения при сбыте своего товара, а потому желали иметь государственные заказы. Была раскрыта специфика функционирования нарышкинской школы рукоделия. Обучение охватывало около 300 крестьянок. Часто занятия проводила лично А. Н. Нарышкина. Основную часть изделий крестьянки производили на дому. Готовая продукция продавалась по предварительному заказу частным лицам, на кустарные склады, а иногда – за границу. За зимний период работы взрослые крестьянки зарабатывали до 100 руб., дети – до 30 руб. [36, с. 211, 214-215]. По результатам первой Всероссийской кустарной выставки А. Н. Нарышкина была награждена почетным дипломом [23, с. 319].

Вторая Всероссийская кустарная выставка, организованная Главным управлением землеустройства и земледелия в Санкт-Петербурге в 1913 г., также вызвала широкий инте-

рес у населения [24, с. 483-549]. Общее число посетителей практически достигло 200 000 человек. Присутствовали, в том числе, и царские особы. Отмечалось, что вторая выставка смогла отразить положительные результаты слаженной работы государственных и земских учреждений по поддержке мелкотоварного производства.

Во второй Всероссийской кустарной выставке большую активность проявили тамбовские меценатки. Были представлены кружева мастериц Кадомской школы, основанной М. Ю. Авиновой в Темниковском уезде. Отмечалось, что обучение там проходили около 900 крестьянок. Продукция сбывалась в Лондон, Санкт-Петербург, Москву, Киев и другие города, а также по частным заказам. Годовой доход составлял 17 000 – 18 000 руб. Отличались разнообразием изделия воспитанниц Н. Д. Бланк из Липецкого уезда. В организованной Н. Д. Бланк школе рукоделия обучалось 110 кустарок. Готовые изделия продавались по всей стране и даже за рубежом – в Калифорнии. Годовой доход постоянно рос: с 100 руб. в 1910 г. до 1 500 в 1912 г. На выставке были также представлены работы мастериц Козловского уезда. Здесь функционировала основанная М. А. Сабуровой школа женских рукоделий, в которой обучалось около 150 девушек. Продукция сбывалась как в России, так и за рубежом. Годовой доход составлял около 3 000 руб. Как и на первой Всероссийской кустарной выставке, привлекали к себе внимание работы учениц А. Н. Нарышкиной [37, с. 327-329]. Экспертной комиссией были отмечены: А. Н. Нарышкина – почетным дипломом, М. Ю. Авинова – золотой медалью [24, с. 515].

По инициативе Тамбовского сельскохозяйственного общества в 1912 г. была организована вторая губернская сельскохозяйственная и кустарная выставка. Современники отмечали просветительную сторону выставки, поскольку именно здесь можно было познакомиться с общим уровнем экономического развития Тамбовской губернии. С одной стороны, можно было получить «более или менее теоретическое понятие о экономическом состоянии нашей губернии», поскольку была представлена обширная специализированная литература, карты, чертежи, статистические данные, отчеты деятельности земств, экономическое описание отдельных селений, коллекции полезных ископаемых. Другая часть выставки являлась «как практический вывод, как наглядный пример теории первой стороны» и была представлена преимущественно кустарной промышленностью [3, с. 1638-1640]. По результатам выставки золотая медаль была вручена Борисовской и Екатериновской кружевным школам, которые не только представили свои изделия, но и организовали мастер-классы; А. Н. Нарышкиной, за организацию специальной рукодельной школы и разнообразие представленных изделий; М. Ю. Авиновой, представившей свои кружева. Большой серебряной медалью была награждена Темниковская земско-городская кружевная школа [22, с. 83].

Таким образом, кружева нередко были представлены на кустарных выставках, в том числе среди изделий, которым присуждались медали и похвальные дипломы. Одними из наиболее частых участников выставок были ученицы А. Н. Нарышкиной, а сама она всегда положительно отмечалась экспертной комиссией как человек, сумевший организовать специализированную школу для рукодельниц, просуществовавшую несколько десятков лет. Реже встречаются упоминания о воспитанницах М. Ю. Авиновой, Н. Д. Бланк и М. А. Сабуровой. Это связано с тем, что инициированные ими школы рукоделия открылись сравнительно поздно – в середине первого десятилетия XX в. Ранее упоминавшиеся Борисовская и Екатериновская кружевные школы также принадлежали к числу частных учреждений. Эти школы были открыты по инициативе помещицы Е. Н. Половцевой в Скопинском уезде Рязанской губернии в 1895 и 1906 гг. соответственно [38, с. 295-296]. Помимо выделенного блока частных школ в дореволюционной России функционировали: 1) Мариинская практическая школа, находившаяся в государственном ведении; 2) школы, работавшие за счет средств различных общественных организаций; 3) земские школы. К числу последних можно отнести Темниковскую кружевную земско-городскую школу.

Темниковская кружевная земско-городская школа была открыта в 1907 г. В среднем в школе числилось около 300 учениц: 250 из г. Темникова и 50 из сельской местности. Для

приезжих мастериц функционировало общежитие. Обучение проходило в течение 10 месяцев: с августа по май. Готовые изделия сбывались за границу, в Санкт-Петербург, Москву, Тамбов и другие города, иногда под заказ частным лицам. Прибыль, получаемая от продаж, с каждым годом увеличивалась. В 1907 г. было продано изделий на сумму в 600 руб., в 1911 г. – на 5 000 руб. Помимо дохода от продаж, школа функционировала на ежегодные субсидии от Министерства земледелия – 1 170 руб., от Темниковской земской управы – 460 руб., от Темниковского городского общества – 300 руб. [31, с. 122-123].

В начале XX в. была попытка организовать курсы рукоделия для девочек. Для этого в городские и сельские училища приглашались женщины-ремесленницы, которые обучали девочек различным рукоделиям. Предполагалось, что таким образом воспитывалось трудолюбие, которое впоследствии могло преобразоваться в кустарное производство. Отмечалось, что по окончании образовательного учреждения девочки «выучивались кроить и шить простое белье, вязать чулки, шарфы, вязать крючком скатерти, вышивать по канве, гладью, в тамбуре, плести кружева, выделывать искусственные цветы из бумаги и проч.» [21, с. 53].

Иное направление стимулирующей государственной политики было ориентировано на повышение профессионального уровня кустарей. Этому способствовало открытие показательных учебных мастерских, приглашение видных специалистов, а также отправка местных мастеров на обучение в Санкт-Петербург и Москву. Так, Лебедянской уездной земской управой в 1903 г. было принято решение о командировке местной кустарки в Санкт-Петербург для обучения в Мариинской кружевной школе [11, с. 14].

Первая мировая война, падение старого режима, приход к власти большевиков и гражданская война навсегда изменили привычный крестьянский уклад. Оторванность крестьян от своих хозяйств, стремительные политические и экономические изменения привели к упадку аграрного сектора и, в частности, кустарной промышленности. Переход к нэпу в 1921 г. должен был оживить отечественную экономику. Более того, большевистское руководство понимало и принимало ведущую роль кустарной промышленности в сельском хозяйстве, а потому проводило стимулирующую политику. Об этом свидетельствует речь председателя СНК СССР А. И. Рыкова на открытии второго собрания уполномоченных Всероссийского союза промысловой кооперации: «Имеющиеся данные говорят, что в деревню идет всего 30 проц. продукции крупной промышленности. В последнее время мерами правительства этот процент в значительной степени увеличен. Из этого ясно, что оторванная от города и от крупной промышленности деревня своими способами, развитием своих промыслов удовлетворяет как-то свои нужды <...>. Поэтому мы должны исходить в текущей работе из того, что кустарь должен быть как органическое звено введен в общую систему нашего экономического строя. Перед промысловой кооперацией стоит задача организовать кустарную промышленность в кооперативы» [34, с. 9].

В 1917 г. из-за социальных потрясений, происходивших как в России, так и в мировом пространстве, кружевной промысел перестал практиковаться тамбовскими мастерицами. Возвращение к промысловым занятиям стало возможным только в годы нэпа. Отмечалось, что наибольшее распространение в период нэпа этот промысел получил в Краснинской волости Липецкого уезда (здесь необходимо уточнить, что с 1924 г. Лебедянский уезд находился в административно-территориальном составе Липецкого, а статистические данные, которыми оперируют авторы, датированы 1925 г., поэтому можно с уверенностью говорить, что центр кружевоплетения остался там же, где был в дореволюционное время) и Сабуро-Покровской волости Козловского уезда [2, с. 6].

Работали кружевницы по 8 часов в день в летнее время и по 6 часов – в зимнее. Деятельность их была зависима от скупщиков, которые, монополизировав рынок, предоставляли сырье и приобретали готовую продукцию. За неделю мастерицы изготавливали от 2,13 м (3 арш) до 3,55 м (5 арш) кружев, за которые могли получить от скупщиков от 40 до 60 коп.,

что было значительно ниже рыночной стоимости изделий. Сбывались кружева через скупщиков в Москву, Ростов и внутри губернии [2, с. 6-7].

О деструктивной деятельности скупщиков писали даже в губернской газете «Тамбовский крестьянин» от 24 декабря 1926 г. [30, с. 5]. Отмечалось, что значительное распространение кружевной промысел получил в Краснинской волости Липецкого уезда. Согласно автору статьи, мастерицы здесь работали по 12-14 часов в сутки. Вполне вероятно, что эти цифры были преувеличены. За свою работу кружевницы получали 20-25 коп. Здесь также следует отметить, что нет указания на количество и качество продукции, эквивалентной данной цене. Однако заключение автора: «Когда же кружевницам помогут не на словах, а на деле», – явно отражало ситуацию с кустарями, как в губернии, так и в целом по стране, поскольку в статье упоминаются волостные съезды советов, на которых обсуждалась важность оказания помощи кружевницам в создании кооперации и налаживании сбыта, но реальных действий предпринято не было.

С приходом к власти большевиков в отношении кустарной промышленности был взят курс на кооперирование. Предполагалось создать по всей стране кооперативную сеть, через которую можно было бы предоставлять мастерам сырье, реализовывать государственные заказы, вести среди населения политическую пропаганду, бороться с частниками. Но, самое главное, промысловая кооперация должна была защитить кустарей от скупщиков. Государство активно стимулировало кооперирование кустарей. Так, в Тамбовской губернии был создан организационно-инструкторский отдел Губкустпромсоюза, работники которого изучали проблемы и перспективы развития местной кустарной промышленности, организовывали мастер-классы, агитировали мастеров вступать в кооперацию и налаживали административную иерархию: губкустпромсоюз – укустпромсоюз – артель [4, д. 15. л. 1]. Более того, для кооперированных кустарей была гарантирована отсрочка по трудовой и военной мобилизации, а также предоставлялось сырье, инвентарь и государственные заказы [15, с. 459].

Государственная стимулирующая политика имела определенные успехи. К концу 1918 г. на территории Тамбовской губернии функционировала 21 промысловая артель [33, с. 113], а 1 июля 1922 г. числилось уже 218 артелей [16]. Однако объединение кустарей и, в том числе, кружевниц в кооперации происходило неравномерно. Так, с одной стороны, на 1 июля 1922 г. в губернии, а точнее, в Темниковском уезде уже действовали 4 кружевные артели. С другой стороны, в Краснинской волости Липецкого уезда, где располагалось крупнейшее в губернии гнездо кружевниц и которая уже неоднократно упоминалась ранее, артель была сформирована только в декабре 1927 г. Причем, как в дореволюционное время при активной деятельности скупщиков, так и в период нэпа и кооперирования, прибыль мастерицы получали чаще сырьем, чем деньгами [29].

Одним из направлений большевистской политики по поддержке кустарной промышленности была, как и в дореволюционное время, организация выставок. В 1923 г. на территории СССР была проведена первая крупномасштабная выставка изделий сельского и кустарного хозяйства. Предполагалось, что эта выставка будет способствовать выявлению состояния сельского хозяйства и определению дальнейшей стимулирующей политики, а также активизирует деятельность крестьян по восстановлению своих хозяйств [7]. Среди активной агитации, адресованной кустарям для участия в выставке, особо следует обратить внимание на статью «Кустарь, на выставку!», опубликованную в «Тамбовской правде» [18]. В статье наравне с продукцией, пользующейся Всесоюзной известностью, из Вятской, Московской, Нижегородской губерний упоминались изделия липецких кружевниц, которые не только распространились внутри страны, но и продавались за рубеж. Однако на Всероссийской и местных уездных выставках, организованных для отбора экспонатов, кружевные изделия тамбовских мастериц встречались редко, что, возможно, было связано с недостаточным восстановлением промысла к 1923 г.

Таким образом, центром кружевоплетения в Тамбовской губернии, как в период царской России, так и во время нэпа были Ищенская, Краснинская, Троекуровская и Черепанская волости Лебедянского (а после административной реорганизации губернии – Липецкого) уезда. Главной проблемой, с которой приходилось сталкиваться кружевницам, была деструктивная деятельность скупщиков. Монополизировав рынок, они вынуждали мастериц работать себе в убыток. В дореволюционной России кустаркам оказывалась поддержка на разных уровнях. На государственном уровне были организованы две Всероссийские кустарные выставки. Тамбовское земство провело ряд выставок, учредило кружевные школы, открыло кустарный склад. Большой вклад в развитие промысла внесли местные меценаты. Рукодельные училища, открытые М. Ю. Авиновой, Н. Д. Бланк, А. Н. Нарышкиной, М. А. Сабуровой, охватывали сотни учениц. Причем на кустарных выставках в большинстве случаев были представлены изделия именно этих мастериц. Однако, несмотря на значительную поддержку, решить проблемы местных кружевниц не удалось.

После прихода большевиков к власти наблюдалось полное исчезновение кустарного производства кружев на период военного коммунизма и возрождение его только в период нэпа. Деятельность скупщиков по-прежнему оказывала негативное влияние на развитие кружевоплетения. Взятый на кооперирование кустарей курс, который должен был решить эту проблему, в конечном итоге провалился, не принеся должного результата. Не принесла успеха и организованная в 1923 г. Всероссийская сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка, поскольку к этому моменту промысел еще не успел восстановиться, и показывать было практически нечего. Отрицательно на возрождении промысла сказывались гонения на тамбовских помещиц, занимавшихся меценатством. В итоге, и большевистскому руководству не удалось решить проблемы, тормозившие кустарную промышленность.

Список литературы

1. Бертяева, Н. Н. (2010). *Русское сценное кружево конца XVIII - начала XX вв.*: автореф. дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.04. М.: Реглет.
2. Бюллетень Тамбовского губернского статистического бюро № 8. 1 июля 1926 года. Тамбов: Издание Тамбовского Губернского Статистического Бюро, 1926. 96 с.
3. Воспитанник семинарии. 2-я губернская сельско-хозяйственная и кустарная выставка в г. Тамбове // Тамбовские епархиальные ведомости. 1912. № 38. С. 1638-1643.
4. ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. Р-887. Оп. 1. Д. 15.
5. Григорова, В. А. (2016). *Из истории развития кружевного промысла Черноземного юга России (2-я половина XIX – начало XX в.)* // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. № 4 (Т. 21). С. 109-114.
6. Давыдова, С. А. (1892). *Русское кружево и русские кружевницы*. СПб.: тип. А. С. Суворина. 166 с.
7. Ерофеев. *Смотр сельского хозяйства* // Тамбовская правда. 1922. 30 ноября.
8. Ефимова, Л. В., Белогорская, Р. М. (1985). *Русская вышивка и кружево. Собрание Государственного Исторического музея*. 2-е изд. М.: Изобразительное искусство. 256 с.
9. Журналы очередного Тамбовского губернского земского собрания, бывшего в декабре 1890 г. Тамбов: Губернская земская типография, 1891. 745 с.
10. Журналы чрезвычайного Тамбовского губернского земского собрания 10 марта 1907 года. Тамбов: Губернская земская типография, 1907. 218 с.
11. Журналы чрезвычайного Тамбовского губернского земского собрания январской сессии 1904 года. Тамбов: Губернская земская типография, 1904. 502 с.
12. Журналы чрезвычайного Тамбовского губернского земского собрания, бывшего в январе 1903 года. Тамбов: Губернская земская типография, 1903. 185 с.

13. Карташова, М. В. (2016). *Российская государственная политика по развитию профессиональной образовательной сети в среде кустарей (1883-1917 гг.) (на примере школ кружева)* // Общество: философия, история, культура. № 2. С. 58-60.
14. Карташова, М. В. (2020). *К вопросу о происхождении центров кустарных промыслов (на примере балахнинского кружевоплетения)* // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. Вып. 2 (Т. 20). С. 245-251.
15. Краткий обзор деятельности ГИК и его Президиума за 1921-22 отчетный год. Б.м., б.г. 553 с.
16. Кустарные артели в Тамбовской губернии // Тамбовская правда. 1922. 22 сентября.
17. Кустарные промыслы Тамбовской губернии. Тамбов: Губернская земская типография, 1900. 613 с.
18. Кустарь, на выставку! // Тамбовская правда. 1923. 6 апреля.
19. Махрачев, Г. С. (2018). *Деятельность земств в отношении неземледельческих промыслов крестьян Тамбовской губернии во второй половине XIX - начале XX века* // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. № 172 (Т. 23). С. 131-139.
20. Махрачев, Г. С. (2018). *Становление начального профессионального образования в Тамбовской губернии во второй половине XIX - начале XX века* // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. № 174 (Т. 23). С. 163-170.
21. Обзор Тамбовской губернии за 1905 год. Тамбов: Типография губернского правления, 1906. 79 с.
22. Отчет о деятельности Тамбовского сельскохозяйственного общества за период со 2 марта 1902 года по 1 января 1913 года. Тамбов: Типография губернского земства, 1913. 84 с.
23. Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России. Т. VIII. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1907. 411 с.
24. Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России. Т. XI. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1915. 549 с.
25. Работнова, И. П. (1956) *Русское народное кружево*. М.: КОИЗ. 112 с.
26. Работнова, И. П. (1959). *Русское кружево*. М.: КОИЗ. 24 с.
27. Работнова, И. П. (1962). *Вологодское кружево*. М.: КОИЗ. 14 с.
28. Рехачев, М. В. (1955). *Вологодские кружева*. Вологда: Областная книжная редакция. 82 с.
29. С. *Кружевницы организовались* // Тамбовская правда. 1927. 29 декабря.
30. Савинков. *Помогите кружевницам* // Тамбовский крестьянин. 1926. 24 декабря.
31. Сведения о некоторых хозяйствах и технических предприятиях Тамбовской и других губерний. Тамбов: Типография губернского земства, 1912. 124 с.
32. Сорокина, М. А. (2004). *Художественное развитие вологодского кружева в XX веке*: автореф. дис. ... канд. Искусствоведения : 17.00.04. СПб.: Фалкон Принт.
33. Тамбовское Губернское Экономическое Совещание. Отчет Тамбовского Губернского Экономического Совещания Совету Труда и Оборона за период с 1 октября 1921 г. по 1 апреля 1922 г. Тамбов: Гостипография филиал № 2, 1922. 179 с.
34. Тов. Рыков о промысловой кооперации (Речь, произнесенная на открытии 2-го собрания уполномоченных всероссийского союза промысловой кооперации) // Тамбовская правда. 1924. 13 июня.
35. Тулинова, О. В. (2016). *Елецкие кружева как объект историко-культурного наследия* // История: факты и символы. № 3. С. 28-35.
36. Указатель состоящей под августейшим покровительством ея императорского величества государыни императрицы Александры Федоровны Всероссийской кустарно-промышленной выставки. СПб.: Типография «В. С. Балашев и Ко», 1902. 431 с.
37. Указатель состоящей под августейшим покровительством ея императорского величества государыни императрицы Александры Федоровны Второй Всероссийской Кустар-

ной выставки в С.-Петербурге 1913 г., устроенной главным управлением землеустройства и земледелия. СПб.: Типография «Якорь», 1913. 788 с.

38. Фалеева, В. А. (1983). *Русское плетеное кружево*. Л.: Художник РСФСР. 324 с.

References

1. Bertyaeva, N. N. (2010). *Russkoe stsepnoe kruzhevo kontsa XVIII - nachala XX vv.* [Russian coupling lace of the late 18th - early 20th centuries] (Ph.D dissertation abstract). Moscow, Reglet. (in Russian).

2. Grigorova, V. A. (2016). *Iz istorii razvitiya kruzhevnoy promyisla Chernozemnogo yuga Rossii (2-ya polovina XIX – nachalo XX v.)* [From the History of Lace Craft in the South Black Earth Russia (2nd Half of the 19th Century - Beginning of the 20th Century)] in *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnyie otnosheniya*, 4 (21), 109-114. (in Russian).

3. Davyidova, S. A. (1892). *Russkoe kruzhevo i russkie kruzhevitsyi* [Russian Lace and Russian lace makers]. St. Petersburg, tip. A. S. Suvorina. (in Russian).

4. Efimova, L. V., Belogorskaya, R. M. (1985). *Russkaya vyshivka i kruzhevo. Sbornik Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya*. [Russian Embroidery and Lace. Collection of the State Historical Museum.]. Moscow, Izobrazitelnoe iskusstvo. (in Russian).

5. Kartashova, M. V. (2016). *Rossiyskaya gosudarstvennaya politika po razvitiyu professionalnoy obrazovatelnoy seti v srede kustarey (1883-1917 gg.) (na primere shkol kruzheva)* [Russian State Policy on the Development of Vocational Education of Craftsmen (1883-1917): Case Study of Lace Schools] in *Obschestvo: filosofiya, istoriya, kultura*, 2, 58-60. (in Russian).

6. Kartashova, M. V. (2020). *K voprosu o proishozhdenii tsentrov kustarnyih promyislov (na primere balakhninskogo kruzhevopleteniya)* [To the Question of the Origin of Handicraft Centers (on the Example of the Balakhninsk Lacemaking)] in *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Istoriya. Mezhdunarodnyie otnosheniya*, 2 (20), 245-251. (in Russian).

7. Mahrachev, G. S. (2018). *Deyatel'nost zemstv v otnoshenii nezemledelcheskih promyislov krestyan Tambovskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX - nachale XX veka* [The Functioning of Zemstvos Towards the Peasants Non-Agricultural Work of the Tambov Governorate During the End of 19th - the Beginning of the 20th Century] in *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki*, 172 (23), 131-139. (in Russian).

8. Mahrachev, G. S. (2018). *Stanovlenie nachalnogo professionalnogo obrazovaniya v Tambovskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX - nachale XX veka* [Formation of Basic Vocational Education in the Tambov Governorate in the Second Half of the 19th - the Early 20th Century] in *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnyye nauki*, 174 (23), 163-170. (in Russian).

9. Rabotnova, I. P. (1956). *Russkoe narodnoe kruzhevo*. [Russian Folk Lace]. Moscow, KOIZ. (in Russian).

10. Rabotnova, I. P. (1959). *Russkoe kruzhevo* [Russian Lace]. Moscow, KOIZ. (in Russian).

11. Rabotnova, I. P. (1962). *Vologodskoe kruzhevo* [Vologda Lace]. Moscow, KOIZ. (in Russian).

12. Rehachev, M. V. (1955). *Vologodskie kruzheva*. [Vologda Lace]. Vologda, Oblastnaya knizhnaya redaktsiya. (in Russian).

13. Sorokina, M. A. (2004). *Hudozhestvennoe razvitie vologodskogo kruzheva v XX veke*. [Artistic Development of Vologda Lace in 20th Century]. (Ph.D dissertation abstract). St. Petersburg, Falcon Print. (in Russian).

14. Tulinova, O. V. (2016). *Eletskie kruzheva kak ob'ekt istoriko-kulturnogo naslediya* [Yelets Lace as an Object of Historical and Cultural Heritage] in *Istoriya: fakty i simvoliy*, 3, 28-35. (in Russian).

15. Faleeva, V. A. (1983). *Russkoe pletenoe kruzhevo* [Russian Braided Lace]. Leningrad, Hudozhnik RSFSR. (in Russian).

Попова А. Д.
(Рязань)

УДК 94 (47)

АЛЕКСАНДРОВСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ КАК ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ВЫБОР ОБЩЕСТВА

Статья анализирует alexандровскую модернизацию с точки зрения сопоставления признаков западной и восточной цивилизаций. Автор показывает, что Россия долгое время развивалась как страна восточного типа и выделяет черты России, которые соответствуют этому типу цивилизации – деспотизм, отсутствие диалога власти и общества, патернализм в общественном сознании, правовой нигилизм. Обобщение исторических фактов о ходе alexандровской модернизации позволило автору сделать вывод, что это может рассматриваться как поворот к западной цивилизации. Реформы повысили уровень уважения к закону, сделали шаг к равенству всех перед законом и судом, начали формировать традицию диалога власти и общества, заложили эрозию неограниченной власти самодержавия и произвола власти. Однако западные новации переплетались с сохранением восточных традиций, в частности, большую роль продолжала играть община, медленно менялось общественное сознание, в котором живы были традиции и правового нигилизма, и патернализма. Автор предлагает вывод, что alexандровская модернизация смогла только частично ввести элементы западной цивилизации, но в целом общество осталось восточным.

Ключевые слова: эпоха Великих реформ, Алекса́ндровская модернизация, западная цивилизация, восточная цивилизация, демократия, диалог власти и общества, патернализм.

The article investigates the reforms introduced by Alexander II through the prism of a comparative analysis of western and eastern civilizations. The author maintains that, having long developed as eastern civilization, Russia is characterized by oriental despotism, absence of a constructive dialogue between government and society, paternalistic social consciousness, legal nihilism. The author assesses historical data on reforms implemented by Alexander II and comes to the conclusion that the reforms signified an attempt to converge with western civilization. Alexander II's reforms enhanced the importance of law, highlighted the principle of everyone's equality before the law, encouraged a constructive dialogue between government and society, and underlined the inadmissibility of plenipotentiary autocratic power and despotism. However, since it is not easy to change public mind, western innovations remained closely associated with oriental traditions, such as the importance of community, paternalism, and legal nihilism. The author concludes that though Alexander II's reforms introduced some elements of western civilization, Russian society remained essentially oriental.

Keywords: the epoch of the Great reforms, Alexander II's reforms, western civilization, oriental civilization, democracy, dialogue between government and society, paternalism.

DOI: 10.24888/2410-4205-2021-28-3-72-81

Юбилей отмены крепостного права и начало эпохи Великих реформ является замечательным поводом обратиться к актуальной для любого общества проблеме – допустимости заимствований и внедрения в свою собственную культуру зарубежных институтов и традиций. Для советской историографии было типичным рассматривать этот период в истории нашей страны с точки зрения классовой теории: реформы выступали как побочный продукт революционной ситуации, попытки остановить революционное движение, уступки правящего класса под напором праведного народного гнева. «В классовом, антагонистическом обществе прогрессивные реформы являются отступлением правительства перед натиском масс, платой за то, чтобы остаться у власти хотя бы в несколько видоизмененном, но прежнем по сути» - отмечалось в самой серьезной и солидной монографии по эпохе Великих реформ советского периода, подготовленной авторским коллективом под руководством М. В. Нечкиной [10, с. 12]. А сам итог эпохи реформ также оценивался через классовую призму и формационного подхода: «Вместо России феодальной рождалась Россия буржуазная» [5, с. 277]. Еще более яркая формулировка дана в коллективной монографии «Революционная традиция в России»: «Российская “крестьянская реформа” 1861 г. была частным, национальным эпизодом становления мирового капитализма, что, естественно, не отменяет проявления и в этом эпизоде черт российского

своеобразия (слабость революционных сил, связанных с этим самодержавно-бюрократический, полукрепостнический характер преобразований)» [8, с. 182].

С разрушением советского строя потребовались и новые методологические концепции. В этом плане большой интерес вызвала у отечественных историков теория цивилизаций, которая предполагает выделение не формаций, а цивилизаций восточного и западного типов.

Один из классиков цивилизационного подхода Тойнби очень ярко противопоставляет Россию западным странам, относя нашу страну к восточной цивилизации. Профессор МГУ имени М. В. Ломоносова Л. И. Семенникова выделяет черты восточной и западной цивилизаций. Если для первой характерны жесткая и даже деспотичная власть государства, коллективизм, община и корпоративность, то для второй – более интенсивное развитие частной собственности, а также диалог власти и общества, индивидуализм [14, с. 25]. Государство в восточном обществе имеет особое значение в жизни людей: «Государство полностью подчиняло себе людей, контролируя их деятельность, широко применяя принуждения». Кроме того, «страх перед всеилием власти сочетался с безграничной верой в ее носителей, обожествлением их». Западные и восточные цивилизации отличаются и разным отношением к личности. Как очень точно заметил И. К. Пантин: «Для русской (отчасти российской) культуры ключевым словом является не личность, как на Западе, а общество (община, «мир», народ и т.п.)» [9, с. 7]. Именно это имеет ключевое значение для понимания разницы между цивилизациями.

Использование цивилизационного подхода применительно к российской истории дает возможность для обсуждения одной важной не только научной, но и общественной проблемы: о допустимости заимствования в стране. Задумываться между выбором между своим и чужим рано или поздно приходится любому обществу. Ни одна страна в мире не может прожить в собственном коконе, отвергая чужеземный опыт. Опыт Японии, много лет проводившей политику самоизоляции и чуть не потерявшей свою независимость, ярко подчеркивает это. В современном обществе в дискуссиях на всех уровнях – от социальных сетей до научных конференций – обсуждается вопрос, насколько допустимо для нашей страны опираться на европейский опыт или надо исходить из представления, что Россия является уникальным государством и не может внедрять западные ценности.

Под влиянием целого ряда факторов, в том числе и золотоордынского ига, Московское государство получило развитие как цивилизация восточного типа и ее черты сохранились и на других этапах исторического развития. Радикальную попытку ввести элементы западной культуры сделал Петр I. Опять же вопрос стоял о существовании страны как таковой: неслучайно в Европе поговаривали о далекой Московии как потенциальной колонии. Реформы Петра имели общенациональный характер – они позволили сохранить государство, дали новый импульс к развитию. Однако в полном смысле они не сделали окончательно Россию Европой. Тойнби особо подчеркивал, что петровские преобразования были проведены в русле традиций восточного, или как выражается автор – византийской традиции, реформы «были проведены сверху вниз, волей одного человека...» [15, с. 439]. Более того, можно утверждать, что некоторые восточные черты, несмотря на напористое желание царя-реформатора сделать страну европейской, не только не исчезли, а еще более углубились. Власть главы государства стала еще более неограниченной, главным инструментом проведения реформ выступало принуждение.

К середине XIX века пришлось опять задуматься над тем же вопросом. Необходимость преобразований была очевидна. Император Николай I при всем своем консерватизме осознавал, что страна все больше погружается в омут проблем. Неслучайно свод показаний декабристов у него постоянно лежал на столе как напоминание. Однако выход император видел не в реформах, а в ужесточении мер контроля, что, кстати, само по себе является довольно типичной восточной чертой. Общество уже само начинало понимать необходимость преобразований. В салонах 1830-40-х годах обсуждали пути развития страны. Именно тогда

на повестку дня и была вынесена проблема, идти ли по пути внедрения западных институтов или искать свой путь. Сторонники реформ разделились на западников и славянофилов. Особо стоит подчеркнуть, что славянофилы не отрицали потребность реформ, ратовали за предоставление ряда свобод, в том числе свободы совести и слова [16, с. 153]. Однако они были уверены, что на российскую землю нельзя переносить западные институты управления. По мнению классика славянофильской мысли К. С. Аксакова, русский человек мечтает о свободе, но это вполне сопрягается с монархической формой правления. В частности, он был уверен, что западная демократия на общегражданских принципах не подходит русскому народу: «явственный до очевидности вывод из истории и свойства русского народа есть тот, что это народ *негосударственный*, не ищущий участия в правлении, не желающий условиями ограничивать правительственную власть, не имеющий, одним словом, в себе никакого политического элемента, следовательно, не содержащий в себе даже зерна революции или устройства конституционного» [1, с. 156]. Поэтому парламент для нашей страны не подойдет. Славянофилы предлагали вернуться к опытам Земских Соборов, которые в новом варианте будут просто одобрять или не одобрять решения царя, таким образом, подсказывая ему дальнейшие решения: «*Общественное мнение* — вот чем самостоятельно может и должен служить народ своему правительству, и вот та живая, нравственная и нисколько не политическая связь, которая может и должна быть между народом и правительством» [1, с. 162]. Западники же видели идеал в конституционной монархии.

Кризис, в котором страна оказалась после поражения в Крымской войне, заставил власть обратиться к реформам. Надо отдать должное императору Александру II: он не просто осознал необходимость приступить к решительным шагам, но и привлек общество к обсуждению реформ. Если Петр проводил реформы исключительно сверху и содержание реформаторского процесса определялось его взглядами, а иногда и вкусами, некоторые из которых просто выростали из желания копировать ради копирования (например, употребление табака), то Александр привлек общество к обсуждению путей освобождения крестьян и выбору дальнейшего реформаторского курса. Конечно, первые шаги в этом плане были более чем ограниченные: к обсуждению судьбы крестьян сами крестьяне не допускались. Однако первый шаг к эрозии восточной традиции был сделан – реформаторский курс выбирался в дискуссиях между обществом и властью.

Как известно, первое реформаторское мероприятие получило воплощение 19 февраля 1861 г.: царь подписывает Манифест об отмене крепостного права. Важно понимать, что Манифест не просто отменял крепостное право, он утверждал целый ряд актов, регулирующих огромный ряд вопросов. Нельзя было просто сказать крестьянам: крепостного права больше нет, все свободны, вы больше ничего не должны своим бывшим хозяевам. Надо было решать вопрос о земельной собственности, иначе с чего жить крестьянам, об управлении, так как помещик уже не мог выполнять эти обязанности. Согласно актам 19 февраля 1861 г., решение всех этих вопросов, так или иначе, было связано с общиной. Земля давалась общине за повинности, управление осуществлялось общиной через сельский сход. Сход обладал и судебными полномочиями: он мог исключить члена общины из своих рядов, решал вопрос о разделе имущества. Сход и решал вопросы социального плана: к его ведению относились «совещания и ходатайства об общественных нуждах, благоустройстве, призрении и обучении грамоте» [7]. В целом, именно община представляла наиболее яркий элемент восточной цивилизации. Конечно, на момент подписания Манифеста возможно и не было иного выбора, чем сохранение общины: индивидуальные хозяйства в тех условиях развивать было довольно трудно, других элементов управления (всесословный суд, всесословные органы самоуправления) пока еще не было создано, а община помогала, защищала, судила и наказывала. Пока еще не существовало других структур для решения этих вопросов.

Однако самое яркое воплощение восточной традиции заключалось в том, что власть сознательно держала курс на сохранение самобытности крестьянского сословия и даже изо-

лированного его существования от других сословий. Реформа не ставила задачи интеграции этого сословия в российское общество. Споры и конфликты должны были решаться сословным волостным судом, который не просто состоял из крестьян, а был ориентирован на использование крестьянского обычного права. Некоторые из этих норм отличались от норм писаных. Даже после дальнейших реформ Александра II общинные и сословные традиции не ликвидировались. Мировой суд не заменил крестьянам их волостного суда, которым крестьяне не были довольны. После введения в действие судебных уставов 1864 г. они стремились добиться рассмотрения своего дела именно судом для всех сословий – мировым или общими судебными местами.

В конце XIX в. главными крестьянскими требованиями относительно суда становятся допуск их к всесословным судам, отмена суда земских начальников и «волостной суд, где все решается ведрами водки» [11, Л. 13]. В целом, это тормозило эволюцию российской деревни, замедляя ее вхождение в общегражданские отношения.

Подготовка отмены крепостного права сподвигнула общество думать о целом комплексе преобразований. Диалог общества и власти стал еще более широким, чем в период подготовки крестьянской реформы. Он уже перестал быть делом только одного сословия. Дискуссии о возможных реформах с конца 1850-х годов уже откровенно вышли из кабинетов и салонов на страницы периодической печати, что уже само по себе может быть названо шагом к европейскому обществу. Журналы и газеты либеральной направленности пестрели публикациями, обсуждающими западный опыт. Обсуждали все: организацию работы органов самоуправления, деятельность полиции, принципы отправления правосудия. Настало время серьезного выбора. В 1857 году один русский журнал напечатал следующие строки: «Мы никак не отстаем от мысли, что нашему времени предначертано быть эпохой важных преобразований в России» [13, с. 152].

Наиболее дискутируемым оказался суд присяжных. Многие опасались, что этот институт западной демократии не подойдет для России. Газета «День» очень возвышенно относилась к суду присяжных: «Бесспорно, что из всех учреждений, какими славится образованная Европа, суд присяжных есть учреждение самое высокое, самое чистое, самое безупречное» [3]. Однако, по мнению автора публикации, это самое чистое и безупречное не подходит для России. Одним не захочется преодолевать российские расстояния, чтобы принять участие в заседании и сама явка будет обеспечена только страхом наказания, но самое главное – уровень развития простого обывателя, особенно крестьянина, не позволит ему трезво рассуждать и принимать правильное решение. Другие доказывали, что именно присяжные создадут суд милостивый и правый. Судебной реформе вообще больше всего повезло на использование западного опыта: в страны Европы были отправлены специалисты для изучения работы судебных систем. Впечатления от этих посещений публиковались в российской печати. В результате, именно реформа суда оказалась в наибольшей степени наполнена заимствованиями западного опыта.

И дело даже не в том, что был введен суд присяжных и мировой суд и суд стал состязательным, гласным, независимым. Все это бесспорно важно. Более того, суд присяжных, несмотря на опасения консерваторов, и в самом деле успешно работал в стране, которая еще недавно знала крепостное право. Однако наибольшее значение имело введение принципа законности. Именно закон начал приобретать значение главного регулятора общественных отношений. В России формирование социальных отношений происходило в несколько иных условиях, чем в Европе. Как и в западных странах на определенном историческом этапе, стало происходить оформление абсолютизма. Только если за рубежом его опорой была буржуазия, то в России этот социальный слой в начале XVIII века еще не сложился. Даже абсолютный монарх нуждался в поддержке, естественно, что ее приходилось искать у дворянства. Заручиться его поддержкой можно было только одним способом: раздавая земли с крестьянами и закрепляя за помещиком неограниченные полномочия.

В то же время на Западе поиск опоры в социальной среде буржуазии требовал других мер: нарождающимся капиталистам нужны были права и равенство с другими участниками рыночных отношений. Это заставляло закреплять права и свободы и следить за соблюдением законов. В России не было потребности блюсти закон, наоборот: помещики получали неограниченные полномочия в своих имениях. Это вызывало деградацию всего общества. Дворяне не нуждались в знании законов, так как не работали механизмы по привлечению их к ответственности. Крестьяне, да и даже свободные люди, законы не знали в силу бесполезности этого занятия. Закон почти ничего не значил в сознании людей. Руководящую роль занимали указания начальства, ему подчинялись не по закону, а по мотивам страха. Очень точно это заметил французский путешественник и литератор Астольф де Кюстин, путешествовавший по России в 1839 г.: «Русский государственный строй – это строгая военная дисциплина вместо гражданского управления, это перманентное военное положение, ставшим нормальным состоянием государства» [4, с. 99].

Помещичьи имения превращались в царство произвола, полностью свободное от таких понятий, как закон и право. Художественные произведения «Пошехонская старина» М. Е. Салтыкова-Щедрина и «Дубровский» А. С. Пушкина ярко передают атмосферу полного беззакония и произвола. Имя помещицы Дарьи Салтыковой стало нарицательным, но оно является не единственным примером. Согласно данным Б. Н. Миронова, только в период 1834-1845 гг. за произвол по отношению к своим крестьянам было привлечено к суду 2838 человек, но только 630 были осуждены [6, с. 389].

Показательным является момент, что сталкиваясь с произволом помещика, даже свободные люди не спешили взывать к закону, ибо они к такой категории не привыкли. В Рязанской губернии печальную славу о себе оставил помещик Ерин, который неоднократно избивал своих крестьян [2, Л. 284]. Его уверенность в своей безнаказанности была настолько широка, что неоднократно это делалось публично. Например, однажды в трактире на глазах других посетителей он жестоко избил крестьянина, который пришел просить его об отсрочке платежа. Безобразная сцена продолжалась два часа и только потом Ерина стали останавливать, причем очень показательно, какими мотивами его увещевали: его не призвали вспомнить права человека, не склоняли использовать правовые способы выяснения отношения с должником, не стращали ответственностью перед законом, его взывали к милосердию. То есть страшная сцена не выглядела в глазах людей как нарушение закона, а просто нарушением идей человеколюбия! Произвол становился нормой жизни, тем более, что и власть тоже не опиралась на закон, а сама порождала произвол. Любой чиновник, имевший власть, отвечал только перед начальством, но не столько за нарушение закона, а сколько за нарушение приказа. Это не просто становилось почвой для произвола, но рождало одну яркую черту менталитета: насилие и принуждение воспринимались как наилучшая форма управления, а наказание – лучшим способом формирования желательного поведения. Поэтому жизнь российского дореформенного общества проходила под свист розг, кнутов и плетей. Пороли и били везде: в учебных заведениях, в семьях, в помещичьих имениях, в тюрьмах и армии. Тот же Кюстин очень верно заметил: «Русский простолюдин получает на своем веку не меньше побоев, чем делает поклонов. И те, и другие применяются здесь равномерно в качестве методов социального воспитания народа» [4, с. 178].

Судебная реформа создала новый способ разрешения конфликтов: не на основе силы, а на основе права. Новые суды не просто давали возможность добиться восстановления нарушенного права, но и приучали людей к мысли, что обращение в суд – это не сутяжничество, а цивилизованный способ решения конфликта, где каждая сторона имеет равные права, но обязана доказывать свою позицию и подчиняться власти суда.

Эпоха Великих реформ возвысила закон, стали устанавливаться некоторые рамки для должностных лиц. С точки зрения Тойнби, наиболее характерной чертой российской цивилизации является именно деспотизм. Он писал про россиян: «Полагая, что их единственный шанс на выживание лежит в жесткой концентрации политической власти, они раз-

работали свой вариант тоталитарного государства византийского типа» [15, с. 380]. Поэтому полномочия главы государства никем и никак не ограничивались. Не случайно Петр I в Воинском уставе 1718 г. определил, что император никому не должен давать отчета о своих действиях. А Тойнби все мероприятия Петра считал только попыткой приукрасить и замаскировать фасад византийского деспотичного государства. А в ходе эпохи Великих реформ впервые появилась ниша, куда воля государя не могла проникнуть: он не мог вмешиваться в решение судебной власти, отстранять от должности судей.

Однако и другие реформы были проникнуты духом западной демократии. Законность невозможна без равенства всех перед законом. Не только судебная реформа, но и другие реформы утверждали идею равенства перед законом. Земская и городская реформы создавали сословные органы самоуправления, школьная и университетская реформы открывали доступ к образованию непривилегированным слоям, военная реформа вводила всеобщую воинскую повинность. До полного равенства было далеко, но шаг к осознанию необходимости равенства прав и равенства обязанностей был сделан. Расширилась социальная мобильность, в ней стали больше играть именно западные механизмы: образование, предприимчивость, служебное рвение и ослабли такие восточные моменты, как родственные связи, протекция, хотя и не исчезли совсем.

Земская реформа дала еще один элемент западной культуры: выборы по общегражданским принципам. Земства позиционировались властью как органы, предназначенные для решения местных хозяйственных вопросов и не допускающие политической деятельности. Однако их можно назвать школой парламентаризма. В России впервые создаются органы самоуправления на сословных принципах. Именно они учили российских обывателей парламентским технологиям: оценивать кандидатов, делать выбор, работать совместно над общим решением. В то же время земства стали первым инструментом реализации гражданской инициативы: именно через них стало возможным не только просить власть принять меры к улучшению жизни людей, но и самим реально провести это предложение в жизнь. Земства по своей инициативе открывали больницы и школы, проводили сельскохозяйственные выставки. Опять же значение этих мероприятий не просто в улучшении жизни, а в изменении сознания: люди стали осознать, что они сами могут повлиять на решение собственных проблем, а не просто просить власть оказать им милость и обратить внимание на актуальные вопросы.

К концу 1870-х годов император осознал необходимость дальнейших шагов и был готов расширить механизмы диалога власти и общества. Однако и в историческом процессе имеет значение случай: именно на 1 марта 1881 г. было назначено подписание проекта М. Т. Лориса-Меликова. Убийство царя-реформатора перечеркнуло возможность создать совещательный орган. Последующее царствование делает шаги назад, ослабляя воздействие западных тенденций. Однако полностью вернуться к прошлому было нельзя.

Даже в период контрреформ проявлялись попытки учитывать народное мнение. В 1894 г. правительство через «Правительственный вестник» предложило населению высказывать соображения о новой судебной реформе. Письма направляли представители разных социальных слоев: писали и дворяне, и крестьяне, и духовенство. По своему содержанию письма были весьма мозаичные, причем при их анализе не прослеживается взаимосвязь с образованием или происхождением, со степенью понимания прогрессивных принципов судопроизводства. Некоторые авторы демонстрировали высокий уровень образования, цитируя римских классиков, но при этом использовали этот багаж знаний, чтобы доказать, что состязательный и гласный суд порождает упадок нравов и проблемы с наймом прислуги [12, л. 65 об.].

Однако, в целом, анализ писем показывает, что идеи западной демократии уже нашли закрепление в общественном сознании. Очень показательным, что многие авторы требовали вернуть мировой суд, который в наибольшей степени воплощал все принципы судебной реформы 1864 г.: состязательность, доступность, оперативность и равенство перед за-

коном. То есть был судом и милостивым, и правым. «Самым удобным, что было создано реформой Александра II для сельского обывателя это мировой суд», – утверждал коллежский асессор Федор Петрович Лемане [11, л. 61]. «Мировой суд это одно из желаемых учреждений, с каким нетерпением ожидается восстановление их», – вторил ему другой автор [11, л. 188]. Многие авторы (в том числе крестьянского сословия) вполне обоснованно утверждали, что именно суд может гарантировать защиту от произвола, что любое наказание может налагаться только в судебном порядке. Например, сельский священник Земляницкий возмущался действиями земского начальника, привлечшего к ответственности родителей детей, которые не стали приводить своих отпрысков к причастию. Служитель культа не просто рассуждал, что подобные действия подрывают религиозность народа, но и демонстрировал понимание важных правовых принципов: «Необходимо, чтобы каждое взыскание налагалось только в судебном порядке» [11, л. 20 об.]. Конечно, эта заочная дискуссия показывала, что сознание общества остается довольно мозаичным, традиции восточного общества продолжали проявляться в предложениях поданных Российской империи, некоторые искренне были уверены, что благом для общества будет активное использование телесных наказаний. Например, в записке почетного гражданина Григория Ивановича Папкова розги активно рекомендовались и для нарушающих порядок судебного заседания, и для злоупотребляющих алкоголем [11, л. 20].

Однако новые попытки опереться на механизмы западной демократии имели место только в ходе Первой российской революции: под напором революционной волны власть была вынуждена принять фактически Конституцию (Основные государственные законы от 23 апреля 1906 г.), ввести многопартийность и парламент. Хотя полностью от сословных традиций освободиться не получилось. А. П. Столыпин пытался сделать еще один шаг, планируя превратить волость в низшую сословную ступень местного самоуправления. Однако реальностью это стало только после падения монархии в феврале 1917 г. Таким образом, традиции западной демократии внедрялись медленно и постепенно, преодолевая ряд трудностей и исторических случайностей. Традиции восточного общества продолжали оказывать влияние, придавая историческим явлениям свой неповторимый образ. Стремление к народной демократии родило в ходе двух революций новую модель народовластия: Советы – уникальный орган, отрицающий разделение властей на ветви и очень близкий к органам крестьянского самоуправления. И опять же можно согласиться с И. К. Пантиным, который заметил, что демократические ценности сами по себе стали ценностями для российского общества, но демократия как механизм управления не укоренилась в сознании людей [9, с. 15]. Механизмы западной демократии не получили признания и утверждения в российском общественном сознании. Довольно прочной в ментальных установках общества оказалась такая черта восточного общества, как рассматривать насилие и принуждение лучшей мерой управления. Не менее стабильной оказалась такая восточная черта общественного сознания, как идеология патернализма: ожидание, что именно власть решит все проблемы, даст в готовом виде все блага.

Таким образом, Александровская модернизация стала моментом и серьезного выбора, и серьезного компромисса. С одной стороны, догоняющий характер модернизации давал возможность опереться на чужой опыт, изучить слабые и сильные стороны аналогичных преобразований в других странах. Нельзя сказать, что такой возможностью пренебрегли. Западный опыт изучался целенаправленно, прикидывая, что может подойти, а что нет. Более того, внедрение элементов и ценностей западной цивилизации показало, что Россия со всеми ее особенностями вполне восприимчива к западному опыту, многие институты, несмотря на сомнения современников, не просто прижились, но и благотворно действовали на развитие общества.

С другой стороны, упреки в ограниченности реформ имеют право на существование. Как верно заметила Л. И. Семенникова: «Западный уклад не имел свободы для своего развития» [14, с. 321]. Например, в европейских странах уже тогда существовал регистрацион-

ный характер предпринимательской деятельности, в России – несмотря на многочисленные просьбы – разрешительный. Власть государства по-прежнему была сильна. Реформы мало изменили статус государства в стране, его роль в осуществлении реформаторского процесса была очень велика, гораздо выше, чем в других странах. Соответственно и были большие возможности влиять на буржуазию, что тормозило формирование представлений о правовом государстве: «В пореформенный период всесторонняя зависимость российской буржуазии от самодержавно-бюрократического аппарата не только сохранилась, но даже усилилась. Ибо теперь царизм приручал буржуазию путем гарантированных заказов, щедрых субсидий...» [9, с. 37]. Понятно, что в этих условиях у буржуазии были очень ограниченные возможности диктовать свои правила игры, а проще говоря, настаивать на закреплении прав и свобод, в том числе и политических. Органы политического сыска надзирали не только за политическими партиями, но и за студенческими кружками, общественными объединениями. Православие оставалось государственной религией.

Оставались очень ограниченными механизмы диалога общества и власти. По сути, они так и не были созданы эпохой Великих реформ. Только земства неофициально и явочным порядком пытались выполнять эту функцию. Формально они не имели права подавать ходатайства по политическим вопросам, однако от многих земских собраний подобные идеи исходили. Чаще всего они отменялись губернаторами, но в конечном итоге даже отклоненные ходатайства заставляли власть задумываться над решением тех или иных вопросов. Но дело было не только во властных решениях: медленно менялось и общественное сознание. Общество не могло в один момент научиться жить по закону, противостоять произволу знанием прав и свобод, умением защищать их в суде.

Конечно, самым легким шагом может быть очередной упрек в адрес императора и его сподвижников, что они не довели реформы до конца. Однако надо понимать, что эпоха Великих реформ стала временем больших компромиссов: император, даже с его неограниченной властью и настойчивостью, которая граничила с упрямством, не мог не считаться с мнением противников реформ. Их было много именно среди помещиков, а дворянство продолжало оставаться опорой самодержавия. Можно допустить, что Александр и сам не был уверен, насколько радикальными должны быть реформы, настолько допустимо стараться сделать преобразования по западному типу. Поэтому он сам проявлял непоследовательность и колебался даже в ходе реализации уже начатой реформы, что нередко проявлялось в смене кадров. Поэтому реформы сочетали передовые идеи и недоработки, традиции восточных цивилизаций и западных.

С точки зрения классика цивилизационного подхода Тойнби, целью всех российских реформ, начиная с Петра и кончая Сталиным, было не сколько изменить облик страны, а наоборот, сохранить его, проведя небольшие маскировки существующих восточных порядков. То есть, как и марксисты, он исходил из стремления дореволюционной власти не преобразовывать, а сохранять. Для Тойнби наша страна является исключительно византийским государством, которое только слегка меняло свои порядки и то имевшие цель сохранения государства как такового: «Чтобы спастись от опасности принудительной и полной вестернизации они (русские) предпочитают перенимать у Запада кое-что выборочно, и здесь им приходится брать инициативу на себя, чтобы этот неприятный процесс прошел вовремя и держался в нужных рамках» [15, с. 371].

Видится, что эта позиция слишком категоричная. Россия в период царствования Александра II получила огромный импульс в своем развитии. И дело было не только в новых экономических возможностях, создании условий для развития капиталистических отношений, что чаще всего отмечалось советской историографией. Хотя игнорировать эту сторону александровской модернизации тоже нельзя: в первые два пореформенных десятилетия стремительно вырос вывоз хлеба [5, с. 225], стала формироваться крупная промышленность, число рабочих выросло в полтора раза [5, с. 259]. Стала меняться повседневная жизнь: во многих городах появился водопровод, внутригородской транспорт, керосин и чай

постепенно становились товарами повседневного спроса, а не предметами роскоши. Демографический взрыв, последовавший в стране в пореформенный период, явно говорит об улучшении уровня жизни: за 37 лет население страны выросло на 52 миллиона человек [5, с. 261]. И. К. Пантин, как и Л. И. Семенникова, более оптимистично оценивают процесс модернизации страны в годы правления императора Александра II: для них проводимые реформы были именно продвижением к западной цивилизации, но которые сталкивались именно с восточными традициями и не могли их переломить в силу недостаточно развитых экономических и ментальных причин. Это был шаг к правовому государству, где произвол власти остановлен законом, где идет диалог власти и общества, разумная инициатива будет поддержана, а права и свободы защищены, конфликты рассмотрены в судебном порядке. Конечно, цивилизационные черты не могли поменяться за два десятка лет. Некоторые не самые лучшие элементы восточной цивилизации прослеживаются и по сей день. Однако именно эпоха Великих реформ заложила старт к построению гражданского общества и демократии. Неслучайно на рубеже XX-XXI вв. проявился огромный интерес к этому периоду в истории нашей страны, а некоторые институты снова шагнули в жизнь, хотя еще предстоит проделать огромную работу, чтобы их деятельность полностью достигала своей цели.

Список литературы

1. Аксаков, К. С. (1996). *О внутреннем состоянии России* // Очерки русской философии. Антология. М.: ИФ РАН. 313 с.
2. Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. 725. Оп. 1. Д. 1012.
3. День. 1862. № 45. 10 ноября.
4. Кюстин, А. (1990). *Николаевская Россия*. М.: Политиздат. 352 с.
5. Литвак, Б. Г. (1991). *Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива*. М.: Политиздат. 300 с.
6. Миронов, Б. Н. (2000). *Социальная история России периода империи (XVIII-XX вв.) в 2-х тт.* СПб.: Дмитрий Буланин. Т 1. 547 с.
7. Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости // Полное собрание законов Российской империи. Т. 36. 36664.
8. Пантин, И. К., Плимак, Е. Г., Хорос, В. Г. (1986). *Революционная традиция в России: 1783-1883 гг.* М.: Мысль. 343 с.
9. Пантин, К. И. (2000). *Россия и мир: историческое самоузнавание*. М.: Эдиториал УРСС. 133 с.
10. *Революционная ситуация в России в сер. XIX века.* / Под ред. М. В. Нечкиной. М.: Наука, 1978. 439 с.
11. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1405. Оп. 515. Д. 9.
12. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1405. Оп. 515. Д. 10.
13. Русский вестник. 1857. № 9.
14. Семенникова, Л. И. (2006). *Россия в мировом сообществе цивилизаций*. М.: КДУ. 784 с.
15. Тойнби, А. Д. (2001). *Цивилизации перед судом истории*. М.: Рольф. 592 с.
16. Толмачев, Е. П. (1998). *Александр II и его время*: В 2 кн. Кн. 1. М.: ТЕРР – Книжный клуб. 432 с.

References

1. Aksakov, K. S. (1996). *O vnutrennem sostojanii Rossii* [On the internal state of Russia] in *Ocherki russkoj filosofii*. Antologija. Moscow, IF RAN Publ. (in Russian).

2. Kjustin, A. (1990). *Nikolaevskaja Rossija* [Nikolaev Russia]. Moscow, Politizdat. (in Russian).
3. Litvak, B. G. (1991). *Perevorot 1861 goda v Rossii: pochemu ne realizovalas' reformatorskaja al'ternativa* [The coup of 1861 in Russia: why the reformist alternative was not realized]. Moscow, Politizdat. (in Russian).
4. Mironov, B. N. (2000). *Social'naja istorija Rossii perioda imperii (XVIII-XX vv.) v 2-h tt.* [Social history of Russia in the period of the empire (XVIII-XX centuries) in 2 vols.]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ. T 1. (in Russian).
5. Pantin, I. K., Plimak, E. G., Horos, V. G. (1986). *Revoljucionnaja tradicija v Rossii: 1783-1883 gg.* [Revolutionary tradition in Russia: 1783-1883]. Moscow, Mysl'. (in Russian).
6. Pantin, K. I. (2000) *Rossija i mir: istoricheskoe samouznavanie.* [Russia and the World: Historical Self-Recognition]. Moscow, Editorial URSS. (in Russian).
7. *Revoljucionnaja situacija v Rossii v ser. XIX veka.* [The revolutionary situation in Russia in the middle. XIX century.], redactor M. V. Nechkina. Moscow, Nauka. 1978. (in Russian)
8. Semennikova L. I. (2006). *Rossija v mirovom soobshhestve civilizacij* [Russia in the world community of civilizations]. Moscow, KDU Publ. (in Russian).
9. Tojnbi A. D. (2001). *Civilizacii pered sudom istorii* [Civilization before the judgment of history]. Moscow, Rolf Publ. (in Russian).
10. Tolmachev E. P. (1998). *Aleksandr II i ego vremja* [Alexander II and his time: In 2 books]: V 2 kn., kn. 1. Moscow, TERR – Knizhnyy klub. (in Russian).

Сень Д. В.
(Ростов-на-Дону)

УДК 94 (470.62)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ШПИОНОВ АТАМАНА И. НЕКРАСОВА НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА (1708 г. – 1720-е гг.). Часть 1

Исследуются причины, формы и способы отправки с территории Кубани, входившей в состав Крымского ханства, шпионов, чья «подрывная» деятельность чаще всего направлялась атаманом Игнатом Некрасовым. Впервые в науке системно анализируются задачи, ставившиеся этим некрасовским шпионам, а также условия, как способствовавшие, так и препятствовавшие их выполнению. В ходе достижения цели и задач использованы общенаучные и специальные исторические методы. Статья основана на письменных исторических источниках XVIII в. из нескольких федеральных и региональных архивов России. В работе уделено внимание географии «подрывной» деятельности таких людей, анализу их состава и особенностям подготовки для выполнения задач, не всегда связанных со сбором разведывательной информации на территории России. Были выявлены и изучены, кроме того, реакции различных категорий российских подданных, общавшихся со шпионами Игната Некрасова, в т. ч. уходивших на Кубань по их «подговорам». Системно проанализированы многочисленные розыскные, в т. ч. профилактические, мероприятия российских властей, направленные на пресечение/предотвращение деятельности некрасовских шпионов, а также на их поимку и организацию допросов.

Ключевые слова: Войско Донское, допросы, казаки-некрасовцы, Крымское ханство, пограничье, расспросные речи, Российское государство, шпионы.

The author investigates the reasons, forms and methods of sending spies from the territory of the Kuban, part of the Crimean Khanate. The spies "subversive" activities were most often directed by the ataman Ignat Nekrasov. For the first time in academic literature, the author systematically analyzes the tasks assigned to these Nekrasov's spies, as well as the conditions that both facilitated and hindered their implementation. Achieving the goal and objectives of this article, general investigative and special historical methods are used. The article is based on written historical sources of XVIII c. from several Russian federal and regional archives. The paper focuses on the geography of the "subversive" activities of such people, their composition and the peculiarities of training to perform tasks that are not always associated with the collection of intelligence information on the territory of Russia. In addition, the reactions of various categories of Russian citizen who communicated with the Ignat Nekrasov's spies are identified and studied. Numerous search activities and preventive measures of the Russian authorities aimed at suppressing / preventing the activities of the Nekrasov's spies, as well as at their capture and organization of interrogations are systematically analyzed.

Keywords: Don Cossack Host, interrogations, Nekrasov Cossacks, Crimean Khanate, borderland, interrogative speeches, Russian state, spies.

DOI: 10.24888/2410-4205-2021-28-3-82-93

Тема статьи не являлась объектом специального изучения в предшествующей историографии. Вместе с тем, ее отдельные аспекты освещались при обращении ученых к первым годам пребывания казаков-

некрасовцев на Кубани (после отступления с Дона в августе 1708 г.), к истории их непростой адаптации в данном регионе (включая анализ новых условий жизни и подданства), к их участию в военных кампаниях Крымского ханства, а также к истории сманивания некрасовцами российских подданных [5, с. 65-68; 6, с. 166-167; 24, с. 87-92; 7, с. 24; 1, с. 15-16]. Об этих «агентах» (шпионах/шпиках) атамана И. Некрасова еще в 1899 г. образно высказался И. И. Дмитренко: «Их не страшили прикубанские степи, наполненные враждебными племенами, их не страшили суровые зимы на Дону и дальний путь, как их не страшили строгие кары правосудия и застенки воронежской канцелярии и виселица» [5, с. 66]. Соглашаясь с такой *общей* оценкой, замечу, что деятельность некрасовских шпионов не была «хаотичной», либо случайной; их пути и цели предполагали, по большей части, выполнение заданий и *возвращение* на Кубань. Расширение исследовательского внимания к заявленной теме необходимо по нескольким основаниям:

– борьба с некрасовскими шпионами занимала важное место в мероприятиях российских властей различного уровня, включая высшие, центральные и местные органы; о состоянии указанной проблемы и попытках ее решения регулярно информировался царь Петр I. Решение властями т.н. некрасовского вопроса оказалось связано не только с попытками добиться выдачи казаков-некрасовцев с Кубани как «воров» и «изменников» – участников Булавинского выступления, но и с их *системным* преследованием. Оказывается, эти казаки сумели создать для России несколько крупных проблем военно-политического характера, отнимавших у царских администраторов немало времени и ресурсов;

– тема некрасовских шпионов органично вписывается в пространство более обширной темы, связанной с многочисленными контактами некрасовских казаков и российских подданных после 1708 г. Особое место среди акторов такой коммуникации занимает Войско Донское: считаю, что нелояльность и нонконформизм донских казаков т.н. постбулавинского периода развивались под влиянием и «некрасовского фактора». Кроме того, интересующие нас шпионы сыграли заметную роль в создании и совершенствовании некрасовцами *новой* для ногайской Кубани системы сбора информации о российских пограничных территориях и об их населении. Подчеркну, что местные кубанские элиты и подвластные им ногайцы *по определению* не могли себе позволить аналогичных форм и методов сбора оперативной и иной информации;

– «антироссийская» деятельность шпионов отвечала не только краткосрочным военным интересам крымцев и ногайцев, но также была выгодна самим некрасовцам, положение которых в течение нескольких лет после 1708 г. оставалось неустойчивым. Некрасовские шпионы принимали деятельное участие в *сманивании* на Кубань российских подданных, многолетний и упорядоченный характер которого позволяет отнести данное явление к одной из наиболее заметных страниц более чем 70-летнего пребывания некрасовцев на Северо-Западном Кавказе. Они информировали потенциальных беглецов о положении дел на Кубани, включая состояние там «старой веры»; агитировали российских подданных к уходу на Кубань, передавали им т.н. прелестные письма от И. Некрасова, разведывали состояние российских войск, укреплений и пр. Таким образом, изучение историй некрасовских шпионов возможно связать не только с обязательствами игнат-казаков по отношению к Гиреям/туркам-османам, скажем, во время военных кампаний против России.

Сказанное позволяет считать заявленную тему не только малоизученной, но также актуальной и перспективной. Цель статьи состоит в исследовании форм, методов и результатов деятельности т.н. шпионов атамана И. Некрасова («шпииков») на территории Российского государства в конкретный исторический период. Ста-

тя написана на основе различной делопроизводственной документации XVIII в., отложившейся, прежде всего, в фондах РГАВМФ, а также других федеральных и государственных архивов России. Расширение источниковой базы исследования возможно за счет детального изучения опубликованных описей «предшественника» РГАВМФ – архива Морского министерства [10, с. 486; 11, с. 116, 436]. Предстоит установить роль и место шпионов в системе «подрывных» действий и мероприятий со стороны некрасовцев по отношению к России, связанных как с их правовым статусом и обязанностями (подданные крымских ханов), так и с собственными (внутригрупповыми) интересами. Особенное внимание стоит в будущем уделить допросам и показаниям пойманных некрасовских шпионов, а также составлению на них сводки биографических и т.п. фактических (персональных) данных. Сегодня можно утверждать, что атаману И. Некрасову принадлежала особая роль в формировании разветвленной шпионской сети, подчинявшейся, главным образом, именно ему. Как будет показано ниже, он общался лично со многими из своих шпионов, снабжал их конкретными заданиями и инструкциями. Одна из гипотез автора состоит в том, что контроль над подобным *ресурсом* всевозможной разведывательной информации способствовал укреплению лидерских позиций И. Некрасова как среди кубанских казаков, так и в глазах крымских ханов и кубанских (ногайских) элит.

Первые годы проживания казаков-некрасовцев на Кубани отличались особой сложностью и трагичностью: приход казаков на эти земли не был согласован с крымским ханом Каплан-Гиреем I; численность казаков регулярно сокращалась (впрочем, по разным причинам – как военного, так и невоенного характера), а расселяться им пришлось сразу по нескольким местам; Россия активно пыталась на протяжении нескольких лет добиться от турецких султанов и крымских ханов выдачи казаков-некрасовцев, либо их нейтрализации другими способами; наконец, имели место внутренние проблемы и, вероятно, конфликты – часть некрасовцев пыталась самостоятельно решать свою судьбу, в т. ч. по разным причинам решаясь уйти с Кубани на территорию Центрального и Северо-Восточного Кавказа [25, с. 234-260; 3, с. 26-34; 13, с. 794, 844]. Недаром хан Аюка сообщил весной 1711 г. о «козаках, которые бежали с Некрасовым, что их много пропало от голоду. Нынешнею де осенью... пришли ис тех казаков в Кабарду с лишком со ста человек и ныне живут в Кабарде» [26, с. 17]. Существенное влияние на дальнейшую судьбу некрасовцев оказала русско-турецкая война 1710-1713 гг. – им пришлось доказывать свою верность как новому крымскому хану – Девлет-Гирею II, так и туркам-османам [2, с. 13-16; 1, с. 6-24; 26, с. 10-18].

В столь непростых условиях Игнату Некрасову – главному лидеру «новых» кубанских казаков, приходилось решать несколько первоочередных проблем. Они были связаны, в первую очередь, с выживанием сразу нескольких казачьих групп, с их перемещением по территории Право- и Левобережной Кубани, с налаживанием отношений с черкесами, с ногайцами и с крымско-османскими властями различного уровня [15, д. 37, ч. 1, л. 98; 17, д. 19, л. 150-151; 27, с. 104; 30, с. 1035]. Особенно интересно то, что зимой 1710-1711 гг. И. Некрасов безрезультатно пытался передать (подарить?) турецкому султану Ахмеду III какую-то группу русских пленников (ранее захваченных под Азовом) [27, с. 87, 88]. Прежде всего, И. Некрасов нуждался в пополнении рядов своих сторонников – в т. ч. за счет новых выходцев с Дона. Против него «работало» множество факторов – от недостатка продуктов питания для казаков и голода в их среде до реализации российской политики, направленной на *прощение* казаков, соглашавшихся принести повинную

[18, д. 28, л. 19, 234, 450; 19, д. 31, л. 68; 13, с. 839]¹ и вернуться на Дон. На протяжении нескольких лет после лета 1708 г. И. Некрасов *лично* со своими казаками появлялся на Дону, в т.ч. на Верхнем Дону: «...для возмущения народа, чтоб они шли к ему на Кубань, а которые не пойдут, и тех он, изменник, хотел рубить» [27, с. 93; см. также: 14, с. 477; 28, с. 395; 19, д. 31, л. 29 об.; 4, д. 797 а, л. 76]. Несмотря на совершаемые некрасовцами уже со второй половины 1708 г. набеги на российские окраины, далеко не все их действия находили поддержку хана Каплан-Гирея и кубанских элит; они даже запрещали казакам ходить под донские городки [12, с. 1060]! А когда некрасовцы стали подбивать кубанцев к участию в разорении «государевых городов», те отказались, указав на мирное состояние русско-крымских отношений. После этого «стало у них (некрасовцев. – Д. С.) происходить слово, что хотят их кубанские владельцы выслать вон...» [16, д. 16, л. 23–23 об.]. Непростая ситуация, связанная с появлением на Кубани большой группы вооруженных казаков, вынудила хана Каплан-Гирея даже обратиться за советом в Стамбул [12, с. 1060]. Вероятно, не сразу сложились отношения у этих казаков со следующим крымским ханом – Девлет-Гиреем II, пытавшимся унять некрасовцев в первой половине 1709 г., но в итоге уклонившимся от их выдачи русскому царю [21, д. 1, л. 6, 13 об. и др.]. Наконец, случались внутренние конфликты в казачьей среде – часть некрасовцев (в т.ч. независимо от И. Некрасова) пыталась определить свою дальнейшую судьбу, в т.ч. предполагая уйти с Кубани на территорию Центрального и Северо-Восточного Кавказа [26, с. 17; 17, д. 19, л. 246; 27, с. 92]. Получив от российских властей одно из увещательных писем, некрасовцы приняли его и прочитали: «...и многие из них хотят идти с повинною, а иные не хотят и говорят: "Что де итти, либо повесят или голову отсекут"» [19, д. 31, л. 68]. А в 1711 г. один вышедший с Кубани казак-некрасовец сообщал, что «ис тех некрасовцев, которые тамо живут (на р. Чигисе и Халтуке. – Д. С.) бурлаками, мыслят притти с повинною; а которые з женами и з детми, не хотят...» [19, д. 31, л. 45 об.].

В научной литературе отмечалось, что И. Некрасов рассылал по донским городкам «свои "прелестные письма". В марте 1711 г. правительству стало известно, что для "возмущения народа" на Дон, Хопер, Медведицу и в Тамбовский уезд направлено 100 некрасовских "шпионов"» [14, с. 389]. Таким образом, необходимо формулировать дополнительные вопросы по теме исследования, в т.ч. связанные с анализом целей и задач, ставившихся перед шпионами, в т.ч. отличавшихся от «очевидного» значения слова «шпион». Оказывается, что как в разных, так и в одних и тех же случаях шпионы могли подбивать российских подданных к уходу на Кубань; к нападению на другие российские территории; могли находить в России нужных некрасовцам людей, передавать с Кубани т.н. прелестные письма (действуя также, как и *шпионы* гетмана П. Орлика [8, с. 555]); наконец, действительно могли собирать разведывательную информацию о расположении российских войск и т.п. Следовательно, исследователям необходимо дифференцированно подойти к установлению роли и места *неоднородного и разветвленного* шпионства в числе *других* составляющих «воровства» некрасовских казаков. Вопрос о шпионах и других каналах двусторонней коммуникации некрасовцев со своими сторонниками на территории России необходимо изучить системно, связав его с розысками

¹ Правда, нельзя забывать о неоднозначном ответе царя на один из «пунктов» Ф. М. Апраксина от 31 января 1711 г. («Если ис Крыму и с Кубани розных народов люди и от Некрасова донские казаки будут приходить в Азов, и их по прежним указом в прежние их жилища отпустить ли?». – «Примать и отсылать в Питербурх») [14, с. 49].

(в т. ч. по доносам современников) по делам о планировавшихся побегах, например, с Дона на Кубань и доказанных/недоказанных связях с некрасовцами².

Впечатляющими по своему значению оказались итоги первых лет пребывания некрасовцев на Кубани: российские власти (включая верховную!), всерьез обеспокоились как их военной активностью, так и масштабами подрывной деятельности агентов И. Некрасова – и на Дону, и за его пределами. В канцелярии казанского и астраханского губернатора П. М. Апраксина тщательно собирали сведения о таких людях, действовавших «для возмущения и наговору, чтоб привлечь и других к тамошним ворам побегать на Кубань» [18, д. 28, л. 16]. Некоторые задачи Кубанского похода 1711 г. связывались Россией с защитой от «татарев крымских и кубанских воровских казаков» [16, д. 16, л. 8], а также, как указано в другом документе, в целях «окрепления донских казаков от возмущения изменника Некрасова». Источники свидетельствуют о том, что И. Некрасов и его шпионы начали свою подрывную деятельность еще до начала русско-турецкой войны 1710-1713 гг. В мае 1710 г. многочисленная группировка с Кубани (некрасовцы во главе с самим И. Некрасовым, «дикие» калмыки и кубанские татары) появилась в Северо-Западном Приазовье на р. Берде [8, с. 555]. Оттуда И. Некрасов отправил 50 своих человек «в малороссийские города для возмущения и прельщения в народе, чтоб шли к нему, Некрасову, на Берды, а велел сказывать, будто при нем войска 10 000» [8, с. 555]. Один из этих посланцев был вскоре пойман и допрошен [8, с. 555]. Оказалось, что он успел побывать вместе с двенадцатью такими же шпионами в Кременчуге, Власовке, в Голтве, «и в тех городках эсаулом, которые у сотников ходят, сказывали... чтоб они подговаривали людей идти к вору Некрасову» [8, с. 555].

И. Некрасов постарался распространить информацию о своем появлении в полках Гетманщины, в т.ч. в Миргородском и Полтавском. Замечу, что поименованные выше населенные пункты находились далеко от р. Берды, впадавшей в Азовское море. Остальные 38 шпионов И. Некрасова «остались (за Днепром. – Д.С.) на сей стороне для такова ж возмущения и прельщения» [8, с. 555]. О содержании допроса схваченного казака-некрасовца стало известно Г. И. Головкину, оценившему важность полученной информации. Выписку об этом из письма киевского губернатора Д. М. Голицына от 23 июня 1710 г. канцлер приложил к своему письму от 18 июля 1710 г., адресованному адмиралу Ф. М. Апраксину. В частности, Г. И. Головкин отмечал: «Писал ко мне 23-го из Киева князь... Голицын о ведомостях, каковы у него получены (о выходе вора и изменника Некрасова к украинным городам)... о чем изволите, доложу его царскому величеству, в вашей губернии о престоюге того воровства учинить осмотрение» [8, с. 554]. Власти даже обещали государю жалованье за содействие в поимке подобных «возмутителей».

Тема т. н. некрасовских шпионов оказалась быстро переплетена со слухами, обманами, изветами и т. п. информацией (в т. ч. недостоверной), источники и бытование которой тоже необходимо изучать. Проанализируем расспросные речи некрасовского шпиона и донского казака Г. Терентьева, удостоверенные рукой П. М. Апраксина 14 октября 1710 г. [16, д. 16, л. 23-26 об.]. Этот донской казак рассказал, что он бежал с И. Некрасовым на Кубань из городка Голубые. Ситуация для некрасовцев складывалась в 1710 г. не очень благоприятно: в связи с их набеговой активностью «хотят их кубанские владельцы выслать вон» [16, д. 16, л. 23].

² Такова история беглого российского солдата В. Серого, сообщавшего в 1727 г. о подготовке к побегу на Кубань к И. Некрасову казаков из верхних донских городков [22, д. 18, л. 373-376 об., 424-427 об., 441]. Также см. опубликованные его расспросные речи [29, с. 17-21]. В итоге, беглец и изветчик был жестоко наказан (1728 г.) как раз за ложный (недоказанный?) донос [23, д. 1477, л. 42-73].

Именно поэтому И. Некрасов, «слыша те слова, собрал круг, и умыслили, что для болшаго воровства собрать людей многое число. И выбрав их Гараску с товарищи десять человек, послали для возмущения на Дон и по всем рекам в казацкие городки, велели говорить, чтоб збирались для походу под государевы города. А он де, Игнашка, собрався с Кубану, хотел к ним итти на Дон же» [16, д. 16, л. 23 об.]. Весной 1710 г. шпионы отправились на Дон. Явившись в Черкасске атаману П. Емельянову, они стали уверять, что «...пришли с Кубани... с повинною [16, д. 16, л. 23 об.]. По словам Г. Терентьева, всех участников группы отправили в Азов, расспросив в тамошней приказной палате. «Проверка» оказалась успешной – из Азова был дан указ о том, чтобы этим людям «жить в казачьих донских городках поволно» [16, д. 16, л. 23 об.]. После этого шпионы вернулись в Черкасск и стали жить в амбаре местного казака.

Следуя *приказу* И. Некрасова, как уточнял Г. Терентьев, он стал подбивать казаков станиц Прибылой, Дурновской, Рыковской, Тетеревой, Скородумовой «и иных многих», чтобы они «забунтовали для воровства с Ыгнашкою Некрасовым, и с ними... пошли заодно разорять государевы города» [16, д. 16, л. 24]. При этом Г. Терентьев утверждал, что его товарищи тоже подговаривали донских казаков к «воровству». На словах донцы якобы не возражали: «...как де придет к ним с Кубани Игнашка Некрасов, и как их братья казаки пойдут, и они с ними пойдут же...» [16, д. 16, л. 24]. Впоследствии, по версии Г. Терентьева, шпионы разошлись по разным местам – сам он, вместе с С. Артемьевым, якобы отправился в Пятиизбянский городок, другие – по рекам Донской земли, включая места, где они проживали до ухода с Дона на Кубань [16, д. 16, л. 25]. План шпионских действий, казалось, был рассчитан на последовательное воплощение в жизнь: «А положено де у них с теми товарищи жить по городкам, и живучи, других на то воровство возмущать и сходитца вместе, как Игнашка с товарищи с Кубани на Дон будет» [16, д. 16, л. 25].

Далее в речах Г. Терентьева описано его совместное с С. Артемьевым следование в Манычский городок, Семикаракорский и Пятиизбянский городки. В этих и других городках (Голубинском, Верхне- и Нижне-Чирском) Г. Терентьев активно общался с местными казаками, подбивая их к «воровству» [16, д. 16, л. 25]. Затем он якобы приехал в Сиротинский городок, где пробыл около восьми недель у казака Ф. Бородин, тесно общаясь о предполагаемом «воровстве» с тамошними казаками. Характерно, что, как в и ряде вышеописанных ситуаций, донцы осторожничили и говорили, что если «братья» с Кубани придут к ним, то они «от своей братьи не отстанут» [16, д. 16, л. 25 об.]. В Иловлинском городке Г. Терентьев стал рассказывать атаману И. Киликову и казакам о том же запланированном «воровстве»: «И тот де атаман с товарищи сказали ему Гараске те ж речи, что сказали вышеозначенные казаки Федка Бороденок с товарищи...». Затем, по словам шпиона, он отправился в Качалинский городок, где жил у своего товарища С. Артемьева, откуда направился в Царицын, «а Сидорка остался в том городке у матери своей!» [16, д. 16, л. 26]. В Царицыне Г. Терентьев занялся другим «воровством», отправившись вверх по Волге на лодке. На территории «Стрельных гор» (ныне – в Самарской области) его с товарищем поймали дмитровские солдаты и доставили в Дмитровск [16, д. 16, л. 26 об.].

В мае 1711 г. адмирал Ф. М. Апраксин написал письмо воронежскому ландрихтеру С. Т. Клокачеву [13, д. 249, л. 260 об. – 261]. Среди прочих повелений там содержалось и следующее: «Немедленно пришли сюда за крепким караулом вора Гараску Терентьева, которой сидит в Таврове под караулом у подполковника Дубенского и для наилучшего охранения послать за ним в провожатых из морских салдат. Сюды ж немедленно прислать заплечного мастера» [13, д. 249, л. 260 об.].

Скорее всего, запрос о присылке Г. Терентьева был связан с долгожданной для властей поимкой его товарищей. Замечу, что искали их долго, в т.ч. на основании нескольких царских указов за весну 1711 г. [18, д. 28, л. 13, 201–201 об.]! Причем, за *каждого* из этих и других пойманных бы и приведенных к властям некрасов-ских шпионов обещалось царское жалованье – «по дватцати рублей» [18, д. 28, л. 14, 21]!

14 мая 1711 г. на Осереде в Адмиральской походной канцелярии давал показания товарищ Г. Терентьева – донской казак Сидорка Артемьев сын Слисков, ранее проживавший в ст-це Качалинской. «А как пришли государева войска для разорения станицы их, и он в то время, убоясь, ушел к вору Некрасову, и застал ево на Чиру, и был с ним на Кубани полтора года. А всех было при нем, Некрасове, казаков, тысячи с полторы» [18, д. 28, л. 234]. Его версия, напрочь отрицающая шпионство в пользу И. Некрасова, выглядела следующей: «...он, Сидорко, зговорясь с казаками Качалинской же станицы с Ыевком Фоминым, сыном Атаршиковым, да с сыном ево Ивашкою, с Тимошкою Агафоновым, сыном Пестунухиным, с Агафонком Кондратьевым, сыном Чурою, со Власкою Кузминым, сыном Верхоглядковым, Илавлинской станицы с Ывашкою Киликовым [которой взят был в неволю от калмык и продан был на Кубань], Паншинской станицы с Федотом Чернобровниковым, з Донца с Гараскою, да с Елфимкою... бежали утайкою, сказались, будто пошли делать лоток (т. е. лодок. – Д. С.)» [18, д. 28, л. 234-234 об.]. По словам С. Артемьева, они явились в Черкасске к атаману П. Емельянову с повинной, отправившему двух человек из их группы в Азов, «а из Азова прислали в Черкасской, и ис Черкасского отпустили их жить по-прежнему в дома, где кто жил». С. Артемьев настаивал на том, что «...как ушли они с Кубани, вор Некрасов про то не ведал, и ничего с ними не приказывал, и пришли они не для воровства какова, толко в винах своих... с повинною» [18, д. 28, л. 234 об.]. Свою историю случившегося представил еще один участник группы – казак ст-цы Качалинской И. Иевлев, ушедший на Кубань с И. Некрасовым в 1708 г. вместе с отцом и еще с тремя казаками [18, д. 28, л. 235-235 об.]. По словам Иевлева-младшего, «...в прошлом году, в Великой пост Кочалинского городка казак Иван Осипов приехал к ним на Кубань для выкупу ис полону матери своей». Он сказал, «чтоб они шли по-прежнему в дома свои для того, что де государь милостив, в вине вашей простит. И они де Ивашко с отцом своим и с вышеписанными товарищи, да с ним же де на Кубани пристал Гараска Терентьев, которой живал в городке Голубых, утаясь от вора Некрасова, ушли в Черкасское и явились атаману Петру Емельянову с повинною» [18, д. 28, л. 235-235 об.]. После расспроса двух человек в Азове все члены группы, получив соответствующие грамоты от Войска Донского (судя по всему – о прощении вины), «с теми грамотами пошли по домам». Иевлев-старший, а также «Агафощка Кондратьев сын Чюра, Тимошка Агафонов» рассказали то же самое, что и Иевлев-младший [18, д. 28, л. 235 об.]. Кроме того, были допрошены В. Мигоглазов, И. Дьячок (Киляков), рассказавшие о тех разных обстоятельствах, которые и их привели на Кубань. Что касается причин ухода с Кубани на Дон, то слова указанных выходцев вполне корреспондируют с версией Иевлева-младшего [18, д. 28, л. 236 об.-237].

24 мая 1711 г. все «вышеписанные воры» были «объявлены порознь» Г. Терентьеву: результаты очных ставок оказались неожиданными... С одной стороны, этот казак подтвердил, что знает допрошенных людей, и что все они, кроме одного, «с Некрасовым в воровстве были» [18, д. 28, л. 237]. С другой стороны, он отказался («запирался») от своих показаний 1710 г., заявив: «А что де он... в роспросе сказал, что вор Некрасов, на Кубани собрав круг, выбрав их, Гараску, с вышеписанными товарищи, и послан на Дон и по всем рекам для возмущения... за-

пирался, а сказал: говорил де он тогда в роспросе своем, убоясь пыток» [18, д. 28, л. 237]. Чем закончилась эта запутанная «шпионская история» для ее многочисленных участников – пока неизвестно... Выскажу предположение о том, что бóльшая часть показаний Г. Терентьева (относящаяся к теме шпионства) могла не соответствовать действительности, и что на допросе в 1710 г. он говорил об этом неправду. Косвенные аргументы в пользу данного предположения такие: чтобы сохранить жизнь и подтвердить свою правоту, казаку необходимо было стойко стоять на своем в 1711 г. А он, между тем, стал отказываться от слов, сказанных в 1710 г.! Перечень имен «воров», озвученных Г. Терентьевым в 1710 г. [16, д. 16, л. 24-24 об.], не совпадает с составом группы, задержанной на Дону и позже допрошенной. Хотя, во время очных ставок Г. Терентьев подтвердил, что знает каждого из представленных ему людей. Наконец, отказываясь от своих ранних показаний, Г. Терентьев мог действовать под влиянием вполне очевидного фактора – против него показали *все* допрошенные «шпионы». При этом, трудно предположить, что у этих людей имелись какие-то особенные причины оговорить *именно* Г. Терентьева.

12 марта 1711 г. из Тамбова в Воронеж к графу Ф. М. Апраксину доставили четырех некрасовских «шпииков» – Г. Ушакова, И. Киселева, Д. Бучнева, М. Калыхалина [18, д. 28, л. 19 об.]. В ходе расспросов и пыток они рассказали, что, что были присланы «для возмущения по Дону, по Хопру и по Медведице». Далее в документе перечислены имена донских казаков из разных станиц, которые «советовались с ними ж ворами и хотели к тому ж воровству наговаривать и бежать на Кубань» [18, д. 28, л. 20]. Важно отметить, что пойманы были не все шпионы, «а иных таких же» было отправлено с Кубани «блиско ста человек», что следовало из показаний самих некрасовцев [18, д. 28, л. 20]. 14 марта 1711 г. граф Ф. М. Апраксин сообщал Г. И. Головкину о присылке ему из Тамбова в Воронеж еще «дву присланных от Некрасова шпииков, которые в роспросех и с пыток в Тамбове сказали, что их розослано для возмущения по Дону, и по Хопру, и по Медведице, и на Украину в Тамбовской и в Козловской уезды, и на Воронеж сто человек, о чем подлиннее по отпуске сего письма начну роспрашивать и пытать... Зело опасно, чтоб оные проклятые воры не учинили какой злой безделицы» [14, с. 434]. Обращаю внимание на то, что реакции российских властей на известия о шпионах были жесткими и решительными – даже очередное приведение донских казаков «ко кресту» весной 1711 г. предполагало, как писал в марте Ф. М. Апраксин, что «ежели для возмущения такие воры где есть или впредь явятца, чтоб таких воров ловили и приводили ко мне, за что им обещал государева жалованья» [14, с. 435]. Не исключено, что речь шла об указе на Дон за подписью и печатью Ф. М. Апраксина от 11 марта 1711 г., анализируемом ниже по тексту. Царским же указом от 10 марта 1711 г. Войску Донскому повелевалось прислать в Азов из Черкаска пойманных на р. Медведице «воровских казаков, которые присланы были для возмущения от вора Игнашки Некрасова...», а также «воров... и единомышленников вора Сенки Кобылского, Кабылскова городка, и других станиц казаков, Савинку Чорина с товарищи» [18, д. 28, л. 19]. С. А. Козлов писал об организации Войском Донским кампании в 1710 г. по поимке таких «изменников», оказавшейся малоэффективной – «большинство некрасовцев беспрепятственно ушло на Кубань» [6, с. 166-167]. Удалось схватить лишь четверых некрасовцев, которых «для страху, чтоб иным воровать и к воровским людям приставать было неповадно... при тех городках казнили смертью» [6, с. 167]. Уточню, что в тех событиях (не считая сюжета с поимкой С. Чорина и его товарищей) оказались замешаны не столько некрасовцы, сколько другие «воровские» казаки, ходившие с Дона на Волгу («...и с Волги хотели идти на Кубань»), а также казаки Войска Дон-

ского [18, д. 28, л. 2]. Верные царским властям донцы (около 300 чел.) организовали за ними погоню до р. Иловли, поймав шестерых «воров». Иным «воровским» казакам удалось уйти, а четверо пойманных донцов были Войском казнены «для страху» [18, д. 28, л. 2 об.]. Тот же указ от 10 марта 1711 г. повелевал Войску Донскому разослать письма по городкам о поимке впредь таких же «воров» и «возмутителей» и об отправке их в Воронеж или в Азов [18, д. 28, л. 3]. При этом власти заранее объявляли о *будущем* наказании для всех лиц, сочувствующих «изменникам»: «А в которых городках у кого приставать будут, и тех воров разоряли и пожитки их, хто таких воров изловит, имали и делили по себе» [18, д. 28, л. 3 об.].

Указ же от 11 марта 1711 г. определял, что в связи с «воровством» на Дону И. Некрасова и С. Кобыльского Войску Донскому надлежало отправить по Дону, по Северскому Донцу и по запольным речкам своих старшин, чтобы «привести во всех станицах атаманов и казаков ко кресту и Евангелию, что им великому государю служить верно и ни х какому воровству и к возмущению не приставать...»; присланных же «от воров и изменников Игнашки Некрасова и Сенки Кобыльского с товарищи для возмущения» надлежало «ловить и присылать в Азов или на Воронеж, где будет обретатца адмирал... Феодор Матвеевич Апраксин» [18, д. 28, л. 19]. Приведение донских казаков «ко кресту», судя по всему, началось с Черкаска («без всякого упорства» [14, с. 477; 18, д. 28, л. 28-28 об.]), продолжившись в казачьих городках под просмотром двух офицеров от Ф. М. Апраксина и И. А. Толстого – Ф. Подошевникова и М. Ананьина [17, д. 19, л. 28 об., 171-172]. Ф. Подошевников позже докладывал, что присяга прошла спокойно – «все крест целовали без всякого сумнительства...», не считая известий о почти 50 чел. недовольных, в т.ч. намеревавшихся бежать (бежавших?) на Кубань [17, д. 19, л. 171 об.-172]. Но в целом, как отмечал Ф. Подошевников, казаки говорили, что будут государю «служить... верно, и к Некрасову на Кубань не пойдут, и к ево воровству приставать не будут. И есть ли, какой изменник явитца в их городках или от Некрасова присланные будут для возмущения к ево воровству, и тех воров хотели, имая, приводить в войско в Черкасской» [17, д. 19, л. 171 об.].

Апрельским указом 1711 г. Войску Донскому повелевалось, чтобы казаки «по верной своей службе чинили по прежде посланным... указом, не допуская до такого проклятых зломышленников намерения, по всем городкам... послали свои войсковые указы, чтоб они вышепомянутых воров, которые присланы для возмущения от воров Некрасова и от Сенки Кобыльского... ловили и присылали за крепким караулом, где обретатца будет... господин адмирал. А кто таких воров поймает или уведав о них известит, и тем будет его великого государя милость и жалованья дано, за всякого человека по дватцати рублей» [18, д. 28, л. 20 об.-21]. Несколько позже, 21 мая 1711 г., граф Ф. М. Апраксин докладывал царю о поимке «присланных от вора Некрасова шести человек шпионов... о которых Вашему Величеству доносил письменно брат мой; и уже оных в руках моих восемь человек, только не могу сыскать двух человек...» [9, с. 105]. В письме на имя царя от 5 мая 1711 г. граф Ф. М. Апраксин отметил, что одного шпиона – «для страху другим» – он «повесил за ребро, а другова за ногу» [14, с. 477].

Другим апрельским указом 1711 г. Войску Донскому напоминалось о необходимости доставлять «воров» и «возмутителей», говоривших непристойные слова о царе и присылаемых «от вора и изменника Игнашки Некрасова по Дону, и по Медведице, и по Хопру для возмущения и наговору, чтоб привлечь и других к такому ж воровству и бежать на Кубань» [18, д. 28, л. 16]. 16 апреля 1711 г. в г. Тавров были присланы три таких казака – Б. Ремень, В. Коверинский, М. Кожевников, ранее проживавшие в Пристанском городке и рассказавшие, что с ними в «воровстве» состояло еще семь казаков из ст-ц Беляевской, Пристанской,

Урюпинской, Глазуновской, а также Бузулуцкого городка [18, д. 28, л. 16-16 об., 126-126 об.]. В других документах архивного дела из РГАВМФ содержится расширенный список казаков, причастных к данному «воровству» (помимо, собственно, некрасовских шпионов), состоявший из нескольких десятков человек, включая некоего «попа Бориса» [18, д. 28, л. 25-25 об.].

Окончание в следующем номере.

Список литературы

1. Аваков, П. А. (2012). *Казаки-некрасовцы в русско-турецкой войне 1710-1713 гг.* // Вести Донского края: Сборник статей. Азов: Издательство Азовского музея-заповедника. С. 6-24.
2. Аваков, П. А. (2014). *Жизнь казаков-некрасовцев на Кубани в 1710-1711 гг. в свете новых данных* // Научное наследие профессора А. П. Пронштейна и актуальные проблемы развития исторической науки (к 95-летию со дня рождения выдающегося российского ученого): материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 4-5 апреля 2014 г.) / отв. ред. М. Д. Розин, Д. В. Сень, Н. А. Трапш. Ростов н/Д.: Фонд науки и образования. С. 12-18.
3. Аваков, П. А. (2015). *«И живут во всяком непорядке...»: Документы РГАВМФ о жизни казаков-некрасовцев на Кубани. 1711 г.* // Исторический архив. № 4. С. 26-34.
4. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф.55. Оп.1. Д.797 а.
5. Дмитренко, И. И. (1899). *К истории некрасовцев на Кубани* // Известия Общества любителей изучения Кубанской области. Вып. 1. С. 65-68.
6. Козлов, С. А. (2002). *Кавказ в судьбах казачества (XVI-XVIII вв.)*. СПб.: Историческая иллюстрация. 288 с.
7. Короленко, П. П. (1900). *Некрасовские казаки. Исторический очерк, составленный по печатным и архивным источникам* // Известия Общества любителей изучения Кубанской области. Вып. II. С. 1-74.
8. Материалы о восстании на Дону и в Центральной России // Материалы по истории СССР / отв. ред. А. А. Новосельский и др. М.: Издательство Академии наук СССР, 1957. V (Документы по истории XVIII века).
9. [Мышлаевский, А. З.] (1898). *Война с Турцией 1711 года. (Прутская операция): материалы извлеченные из архивов*. СПб.: Военная Типография. 359 с.
10. Описание дел архива Морского министерства за время с половины XVIII до начала XIX столетия. Т. I. СПб., 1877. 760 с.
11. Описание дел архива Морского министерства за время с половины XVIII до начала XIX столетия. Т. II. СПб., 1879. 844 с.
12. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 8. Вып. 2. М.: Издательство Академии наук СССР, 1951. 774 с.
13. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 9. Вып. 2. М.: Издательство Академии наук СССР, 1952. 1093 с.
14. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 11. Вып. 1. (январь – 12 июля 1711 г.). М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. 610 с.
15. Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГАВМФ). Ф. 177. Оп. 1. Д. 37. Ч. 1.
16. РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 16.
17. РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 19.
18. РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 28.

19. РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 31.
20. РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 249.
21. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 123. Оп. 1. 1709 г. Д. 1.
22. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 20. Оп. 47. Д. 18.
23. РГВИА. Ф. 20. Оп. 47. Д. 1477.
24. Сень, Д. В. (2002). *«Войско Кубанское Игнатово Кавказское»: исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г. – конец 1920-х гг.)*. Издание 2-е, исправленное и дополненное. Краснодар: Кубанькино. 286 с.
25. Сень, Д. В. (2009). *Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII в. – начало XVIII в.)*. Ростов н/Д.: Издательство Южного федерального университета, 280 с.
26. Сень, Д. В. (2012). *Верность, вера и война: начало жизни и служения казаков-некрасовцев на Кубани* // Казарла. Этнический казачий журнал. №4 (12). Август. С. 10–18.
27. Служба донских казаков. Отставные казаки Войска Донского. 1777 год: материалы по истории и генеалогии казачества / автор-составитель В. А. Гусев. Волгоград: б/и., 2019. Вып. 12. 392 с.
28. Служба донских и яицких казаков, XVII–XVIII века: материалы по истории и генеалогии казачества / автор-составитель В. А. Гусев. Волгоград: б/и., 2020. Вып. 13. 400 с.
29. [Фелицын, Е. Д.] (1904). Сборник архивных документов, относящихся к истории Кубанского казачьего войска и Кубанской области. Екатеринодар: Кубанский областной статистический комитет. Т. 1. 306 с.
30. Эварницкий, Д. И. (1908). Источники для истории запорожских казаков. Владимир: Типо-литография Губернского правления. Т. I. 1072 с.

References

1. Avakov, P. A. (2012). *Kazaki-nekrasovtsy v russko-turetskoy voyne 1710-1713 gg.* [Nekrasov Cossacks in the Russian-Turkish War of 1710-1713] in *Vesti Donskogo kraia: Sbornik statey*. Azov, Izdatel'stvo Azovskogo muzeya-zapovednika, 6-24. (in Russian).
2. Avakov, P. A. (2014). *Zhizn' kazakov-nekrasovtsev na Kubani v 1710-1711 gg. v svete novykh dannykh* [The life of the Nekrasov Cossacks in the Kuban in 1710-1711 in the light of new data] in *Nauchnoe nasledie professora A. P. Pronshteyna i aktual'nye problemy razvitiya istoricheskoy nauki (k 95-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya rossiyskogo uchenogo): materialy Vserossiyskoy (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Rostov-na-Donu, 4-5 aprelya 2014 g.)*, otv. red. M. D. Rozin, D. V. Sen', N. A. Trapsh. Rostov-on-Don, Fond nauki i obrazovaniya Publ., 12-18. (in Russian).
3. Avakov, P. A. (2015). *«I zhivut vo vsyakom neporyatke...»: Dokumenty RGAVMF o zhizni kazakov-nekrasovtsev na Kubani. 1711 g.* ["And they live in every trouble...": RGAVMF documents about the life of the Nekrasov Cossacks in the Kuban. 1711] in *Istoricheskiy arkhiv*, 4, 26-34. (in Russian).
4. Dmitrenko, I. I. (1899). *K istorii nekrasovtsev na Kubani* [To the history of Nekrasov Cossacks in the Kuban] in *Izvestiya Obshchestva lyubiteley izucheniya Kubanskoj oblasti*, 1, 65-68. (in Russian).

5. Kozlov, S. A. (2002). *Kavkaz v sud'bach kazachestva (XVI-XVIII vv.)* [Caucasus in the fate of the Cossacks (XVI-XVIII centuries)]. St. Petersburg, Historical illustration Publ. (in Russian).

6. Korolenko, P. P. (1900). *Nekrasovskie kazaki. Istoricheskiy ocherk, sostavlennyy po pechatnym i arkhivnym istochnikam* [Nekrasov Cossacks. Historical sketch, compiled from printed and archival sources] in *Izvestiya Obshchestva lyubiteley izucheniya Kubanskoj oblasti*, II, 1-74. (in Russian).

7. Sen', D. V. (2002). *«Voysko Kubanskoe Ignatovo Kavkazskoe»: istoricheskie puti kazakov-nekrasovtsev (1708 g. – konets 1920-kh gg.)* ["Voysko Kubanskoe Ignatovo Kavkazskoe": the historical paths of the Nekrasov Cossacks (1708 – the end of the 1920s). 2nd edition, revised and enlarged. Krasnodar, Kubankino Publ. (in Russian).

8. Sen' D. V. (2009). *Kazachestvo Dona i Severo-Zapadnogo Kavkaza v otnosheniyakh s musul'manskimi gosudarstvami Prichernomor'ya (vtoraya polovina XVII v. – nachalo XVIII v.)* [Cossacks of the Don and the North-Western Caucasus in relations with the Muslim states of the Black Sea region (second half of the 17th century – the beginning of the 18th century)]. Rostov-on-Don, SFU Publ. (in Russian).

9. Sen', D. V. (2012). *Vernost', vera i voyna: nachalo zhizni i sluzheniya kazakov-nekrasovtsev na Kubani* [Loyalty, faith and war: the beginning of life and service of the Nekrasov Cossacks in the Kuban] in *Kazarla. Etnicheskiy kazachiy zhurnal*, 4 (12), avgust, 10-18. (in Russian).

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Губинская А. А.
(Веллингтон)

УДК 82(091)

“SHADOW AND BONE”: NEGATIVE SPACES OF MEANING

Дебютный роман Ли Бардуго «Тень и кость» обещает волшебное путешествие по миру вымышленной страны Равка, вдохновленной Российской Империей 1800-х годов. В этой статье обсуждаются отрицательные моменты этого произведения, связанные с Россией. Это крайне негативные описания русской культуры, политики и истории, связанные отчасти с долгим отсутствием русского перевода романа. Имея в виду эту возможную интерпретацию, автор статьи предполагает, что Бардуго намеренно позволила основной части своей работы очертить и сформировать негативные черты России, рассматриваемые в этой статье. Возможности восприятия романа должны быть шире и разнообразнее, чем, возможно, предполагала сама Бардуго. Она пытается вернуть его к форме своих первоначальных намерений, вмешиваясь в процесс идейного наполнения текста для читателя. Навязывая свои идеи, писательница определенным образом реализует понятие «смерть автора». Используя этот дихотомический процесс, автор этой статьи предлагает отойти от искусственных намерений автора и проследить тонкие тенденции рынка, которые способствовали популярности Бардуго. Дискуссия, которую автор хочет начать в этой статье, заключается в той идее, что Бардуго создала книгу, которая целенаправленно эксплуатирует русскую культуру, не отдавая ей должного, намекая на новую холодную войну и разделяя мир на знакомые полюса Запада и Востока.

Ключевые слова: Русский стереотип, литературный перевод, мультимодальность, Ли Бардуго.

The debut novel Shadow and Bone by Leigh Bardugo promises the magical journey through the world of fictional country Ravka, which was inspired by the Russian Empire of the 1800s. In this article, I discuss three negative spaces outlined by Bardugo's text. These are negative spaces of Russian culture, politics and dynamics revealed by the long absence of Russian translation of the novel. Having this possible interpretation in mind, I cannot speculate that Bardugo deliberately chose to let the body of her work outline and shape the negative spaces discussed in this article. The reception potential of her work is wider and more diverse than the author intended. She tries to prune it back to the shape of her original intentions, interfering with the process of the reader's meaning-making. Thus, in a certain way, she pushes back against the concept of the "death of the author". With this dichotomic process, I suggest stepping away from the author's intentions and tracing the subtle trends of the market, that contributed to Bardugo's popularity. The discussion I want to open is not whether Bardugo intended to create a book that exploits Russian culture without doing justice to it, hinting towards a New Cold War, and separating the world to the familiar poles of the West and East.

Keywords: Russian stereotype; literary translation; multimodality; Leigh Bardugo.

DOI: 10.24888/2410-4205-2021-28-3-94-107

Shadow and Bone (2012) is a young adult novel by Jewish-American writer Leigh Bardugo. *Shadow and Bone* is the first book set in the so-called world of the Grishaverse. The story, unravelling on the pages of the novel, follows Alina Starkov – an orphaned girl serving as a cartographer in the army of Ravka, who finds out that she wields the rarest magic power in the world – the power to manipulate light. In the fictional country, torn in half by a magic

canyon of darkness called the Shadow Fold, or the Unsea, teeming with monsters called volcra, she has the potential to erase the Fold and to unify the land. She is ushered through the plot by her two love interests, a friend from her youth Mal, and the General of the magic army the Darkling, only to find out that the Darkling was scheming to take over the entire country using the Shadow Fold as a supreme weapon. *Shadow and Bone* was followed by two more books centered on Alina (the original trilogy). More recently, Bardugo has written two novels featuring other characters, expanding the Grishaverse. *Six of Crows* and *Crooked Kingdom* form the follow-up duology with Kaz Brekker and his crew concocting a heist plot.

In 2021 the streaming service Netflix released its own screen adaptation of *Shadow and Bone* in 8 episodes, reviving interest in the original text. While the book already had gained some popularity among young adult (YA) fiction genre lovers and was subsequently reprinted, translated into many languages, contributing to the growth of the fanbase of the author across multiple platforms, Netflix's TV show took its visibility much further. Ever since the text was chosen for adaptation, the book underwent a round of reprints with new covers featuring show-related imagery and characters.

This success brings to the fore a question of what makes the text stand out among the vast number of YA novels. A close reading of Bardugo's novels reveals a comfortable and familiar plot composition abiding by Propp's (1928) morphological elements of the Fairy Tale. It takes the heroine Alina Starkov through the parent alienation, journey, encounter with a mentor figure and a magical animal helper as an assistant. The uncovering of a nemesis leads to the main hero's escape, wandering, wielding of a supernatural weapon, which is followed by a second revelation of a nemesis, chase, concluding with a metaphorical wedding. In the terms of western scholarship, the same plot can be interpreted through the lens of the monomyth and wanderings of the hero. While Propp's interpretation offers a wider interpretative toolkit, and also is immediately relevant to the re-construction of the Russian "Tale of the Firebird" in the text of the novel – in the conclusive book of the series Alina acts as an impersonation of the fire wielding beautiful creature, shedding the feathers of her power as a self-sacrificial act -- Bardugo is relying mostly on Campbell (Mason, Bardugo, 2016) to construct her work. Thus, the plot suggests a degree of predictability and the characters are inevitably adherent to tropes. Therefore, this might be interpreted in the way that the plot and character arcs alone can hardly explain the success the novel had. In this sense, Bardugo's work is not much different from other popular products of the genre¹ charted by *Harry Potter*, *Twilight*, and *The Hunger Games*².

Moreover, the fact, that Netflix scriptwriters have changed the synopsis of the series, adding a completely new storyline based on the characters of the follow-up duology *Six of Crows*, might be seen as indirect evidence of the resistance against the simplistic composition of the plot. Intertwining and linking the interests of two rivalling parties create artificial tension and is taking the composition of the story away from the linear *hero's journey*.

Thus, the essential charm appeal and a component of novelty lies beyond the backbone of the plot – in the domain of superficial aesthetics with the gaps filled out with magical irrationality.

¹ Discussion on YA as a genre is an ongoing and controversial topic. Many scholars and writers agree that it is mostly a marketing device rather than a genre with its characteristic features. Bardugo has demonstrated opposite viewpoints over the years, in one instance (Wordpress blog, 27 June 2011) arguing that YA is an independent genre, and on other occasions (Tumblr, 13 June 2015) pointing out its marketing potential. Arguments in favour and against each position have been articulated by much abler scholars, and I will not focus on them here.

² All named books have been transformed into a marketing phenomenon rather than a work of literature per se. Harry Potter has created an independent pocket in the world of entertainment, featuring branded clothing and merchandise, large amusement parks, and follow-up movies not related to the core storyline. *Twilight* and *The Hunger Games* have never gained a comparable scope of capitalization, but the marketing value of the franchise as a whole surpasses the books tremendously.

The setting of the novel harkens back, by the acknowledgement of the author, to the Russian Empire of the 1800s.

People always ask me why I chose Russia as the cultural touchstone for my world. The easy answer is that I wanted to build atop something other than the familiar high fantasy bedrock of Medieval England. But there's a bit more to it than that. I remember standing in a used bookstore, flipping through a Russian Imperial atlas, perusing trade routes and military campaigns. At the time, it felt like something just clicked. But looking back, the choice seems obvious: a kingdom on the brink of collapse, an incompetent monarchy squandering its resources, the failure to industrialize, an ill-equipped army of conscripted serfs [Scalzi, 2012].

From this citation, it proves hard to pinpoint an exact decade of Russian history that inspired the text. 'Failure to industrialize' points towards the 19th century, the age of the Industrial Revolution. Serfdom was abolished in 1861, setting the upper limit for the narrative. The weakness of the country and an overall apocalyptic tone of the phrase links to the period after the Decembrists uprising of 1825. We are most probably talking about the Russian Empire after the crushing defeat in the Crimean War against the joint forces of the Ottoman and British Empires and France.

This quotation, summarising the ideas of Otherness and the ultimate destruction and despair the Russian Empire faced is reminiscent of the gist of Said's *Orientalism*:

In Said's view, the discourse that has come to command thinking about the Orient is particularly jaundiced. The dominant mode of thought is deeply discriminatory, self-serving and patronising. [...] To be more specific, the literature classified by Said as Orientalist possesses three core characteristics: the exaggeration of difference, assumption of Western superiority and resort to clichéd forms of analysis.

First, the concept with which Said's model of Orientalism is most commonly associated is that of Otherness. Said proceeds from the view that identities are not simply given but constructed and reconstructed. A key element of this process is the definition of one's group in opposition to an Other. In the case of the West, this Other has traditionally been the Orient. As such, the persistence of the West as a concept is dependent upon the maintenance of a stark East–West divide. Reinforcing and perpetuating this divide has been one of the central functions of Orientalist literature. (Brown, 2010, p. 150)

We can see how *Shadow and Bone* can fit within the model of orientalising literature, especially in the context of Bardugo's interpretations and explanations of her own views on Russian culture.

Russian culture is presented by the author as the only source of inspiration for her fictional country Ravka, and she exploits its resources extensively. Promotional materials and visuals for the books are consistent in their reference to the 'Russian culture' as imagined by the illustrators. Addressing the alluring status of culture opens the first negative space of the novel – the negative space of Russianness.

It is counter-intuitive and hard to put a finger on, while being absorbed in a dynamic, fast-paced plotline, but upon careful post-factum reflection, it is noticeable that there is a cultural negative space in the narrative, outlined by culture-specific terms.

The author does not shy away from an extensive use of Russian loan words and names. The text of the first novel is adorned with the words kvas (15 times), samovar (3 times), balalaika, blini, and kutya (1 time each). Russian verb 'otkazats'ya' and a noun 'troika' are used twice. The word kefta, derived from kaftan / caftan, is used 70 times. However these numbers wane compared to the use of the Russian-specific proper names: Grisha – 218, Alina – 97, Genya – 206.

As Bardugo explains herself in her blog post "Tongue Twister",

[...] the world of *Shadow and Bone* was clearly inspired by Russia and I didn't want to violate the reader's sense of place by throwing some random language into the text. My goal was to use language to reinforce the reader's experience of the world rather than undermine it. (Bardugo, 2018)

I argue, that even though Russian and Russian-inspired words are sprinkled across the text, the attempt to present a coherent aesthetic essence of the Russian culture is missing. It sounds appropriate to digress here to acknowledge that cultural studies scholars are skeptical of such an entity as the essence of the culture. While there is probably nothing in the cultural landscape of either the multinational body of the Russian Empire or the Russian Federation that can be summarized under this term, the philosophers of the 1860s nevertheless made a sustained effort to establish the notion of Russianness – a social construct specific to the conscience of a specific class of educated Russian nobility – yet even this artificial superstructure is remarkably absent.

Bardugo's acknowledgement of the extent of her expertise in Russian history and culture can be seen on several accounts. In 2013, in the communication with the readers in the comment section on *Goodreads* website, she posts:

I did quite a bit of research for *Shadow and Bone* and I cite just a few of my sources in the acknowledgments. They include cultural histories, folklore, original source material like old recipe and prayer books, and the rather vibrant Russian expat community just north of me in Los Angeles. [Bardugo, 2013/11/20].

The acknowledgements section of the novel and FAQ on the website *The Grishaverse* lists some of the sources³:

Natasha's Dance: A Cultural History of Russia by Orlando Figes
Land of the Firebird: The Beauty of Old Russia by Suzanne Massie
Russian Folk Belief by Linda J. Ivanits (The Grishaverse)

The list features three publications by three non-Russian scholars; Suzanne Massie's and Linda Ivanits' works were published in the 1980s, still during the Cold War. The scope of the research in each of the books is a matter of utmost interest.

Massie writes in her preface, that she has always been mesmerised by Russian culture, introduced to her in her formative years by her mother, not a resident of Russia herself. Since then, Massie has learned the language and visited the Soviet Union multiple times. "Led by the feathers of the Firebird, beyond the stories of cruelty, beyond the grey monotony of the land of today, I always found beauty" (1982, p. 13). While preparing her lectures for the Metropolitan Museum of Art in 1976, she made a discovery: "There was no single volume that gave a sense of the whole, now-vanished culture of Old Russia. It is for this reason that I have tried to introduce in this book so many different facets" (p. 14) Further she mentions in passing that her objective was to focus on the beauty of Russian art and folklore and glossing over the injustice that is abundant in the history of every culture.

So, the limitations of Massie's research are established by the author herself. It is a selective representation of the vanished culture of "Old Russia". Metaphorically, it is a dirge, a lamentation in front of a dull concrete gravestone of Soviet reality. "Old Russia" is something rendered as missing, disappearing, dying. The period she researches, however, is far less defined. The text opens with a chronicle account of the Christening of Rus, which happened in 988. So, we are facing a 500-pages account on a millennium in the life of dozens of millions of people (300 of these are focusing on the XIX century alone).

Ivanits, better known as a literary scholar, researcher of Dostoevsky, defines the limits of her work much more narrowly: "*Russian Folk Belief* is a basic survey of Great Russian (not Ukrainian or Belarusian) folk superstition, intended for a broad audience. For its material it draws heavily on ethnographic data collected in the late nineteenth and early twentieth centuries and on a number of excellent Soviet studies of this data" (Ivanits, 1989, p. xiii). She admits that she tried to keep her presence in the text to a minimum. The text reads as a dry compilation of the facts and indeed, the author allows little emotion to slip in.

Both books are written by female non-Russian scholars and published during the Cold War. Their topic is mostly cultural, and both seem to focus primarily on the Russian imperial legacy ra-

³ In multiple interviews, Bardugo discusses her sources of inspiration, and links fairy tales and recipe books along with these academic publications.

ther than on the contemporary political struggles of the collapsing Soviet Union. The problem of the Western and Eastern bloc confrontation seems to be beyond the scope of interest of the authors.

The third source is very different. Firstly, it is overtly political: “Russia invites the cultural historian to probe below the surface of artistic appearance. For the past two hundred years, the arts in Russia have served as an arena for political, philosophical and religious debate in the absence of the parliament or a free press” [Figes, 2002, p. xxvii]. The focus of the book is on the political controversy and struggle within Russia: “What did it mean to be a Russian? [...] And where was the true Russia? In Europe or in Asia? St Petersburg or Moscow? The Tsar’s Empire or the muddy one-street village where Natasha’s ‘Uncle’ lived?” [ibid] .

Figes confines his period of study to the 200 years of 1800--1900s. While he commences the narration with the foundation of St Petersburg (1703), as a prelude to the ever-present Russian identity crisis, the bulk of the text focuses on later periods. Massie’s book, while promising a comprehensive overview of “Old Russia” is limited to roughly the same time and space – with just over 180 pages out of 500 taken up by the pre-1800s history.

It appears impressive for a YA author to take pains in perusing proper academic publications for the sake of a 200-page novel targeted towards a non-Slavic juvenile audience. However, if we compare the extent of her research on 1000 years of history of the largest country in the world to the research on Yale secret societies for the book *Ninth House* (2019), the contrast is striking:

Many books helped build the world of *Ninth House*: Yale in New Haven: Architecture and Urbanism by Vincent Scully; Patrick Pinnell’s Yale University: An Architectural Tour; Loomis Havemeyer’s Go To Your Room: A story of undergraduate Societies and Fraternities at Yale; Brooks Mathner Kelley’s Yale: A History; Joseph A. Soares’s The Power of Privilege: Yale and America’s Elite Colleges; David Alan Richards’s Scull and Keys: The Hidden History of Yale’s Secret Societies; Craig Steven Wilder’s *Ebony and Ivy: Race, Slavery, and the Troubled History of America’s Universities*; Carriages and Clocks, Corsets and Locks: The Rise and Fall of an Industrial City by Preston Maynard and Marjorie B. Noyes; New Haven: A Guide to Architecture and Urban Design by Elizabeth Mills Brown; Model City Blues: Urban Space and Organized Resistance in New Haven by Frederic Law Olmsted and Cass Gilbert. (*Ninth House*, 2019, p.458)

With a list of three academic publications, all of them explicitly selective, Bardugo creates a country with multiple locations, while the single city of New Haven seems to have taken much deeper research, even though Bardugo is an alumnus of Yale and has first-hand experience on the subject.

Moreover, all three books on Russia share a similar approach to the idea of Russianness, embedded in the text. It is the idea of duality and controversy. Ivanits focuses on *dvoeverie* – double belief as a staple of Russian folklore. Paganism and folk Christianity cohabited in the same space of Russian peasant village, and the tension and reconciliation between the two is what drives her narrative. Figes and Massie, researching the culture of nobility and peasants, outline the border dividing Russian society into “Western” and “Oriental” – St Petersburg and Moscow – civilized and savage parts. While Bardugo creates artificial tension between the West and the East of Ravka by the physical space of the Shadow Fold, the societal breach and cultural dichotomy is not addressed in the book⁴.

Apart from the decorative use of Russian words, cultural specificity is reduced to the sporadic appearance of anecdotes and vignettes from Russian history. A passing notice on the royal

⁴ The problem of class is never directly tackled in the novel either. While serfs are mentioned twice, it is unclear whether the protagonists belong to a specific class. They are not serfs, but they undergo the conscription that puts them in an underprivileged position. At this instance, using the interpretative framework of Russian Formal School, it seems that the literary fact of the oblique social status of the characters is influenced by the reality of the capitalist society of the U.S. with the promise of social mobility, rather than Russian society of the mid-1800s.

heir's appreciation of shipbuilding and tsar's amusement with dwarfs harkens back to Peter the Great (also, probably to Derzhavin, as described by Figes, 2002, p. 166). Description of the Little Palace ('the ugliest building' the Darkling has ever seen) is largely reminiscent of Tsarskoye Selo. A stereotypical Russian predilection to alcohol does not slip the author's attention, as she uses kvas as a substitute for vodka ("Kvas is, in fact, a semi-fermented beverage popular in Russia, but in *Shadow and Bone* it's an obvious stand-in for vodka. For me, "vodka" places us instantly in our world and time. It's simply too common" Bardugo, 2018).

It is interesting how she swaps one Russian word for another for the sake of exoticising the Russian drinking habits that come across as 'too common'. It is quite characteristic of the exoticising and orientalizing narratives striving to capitalize on the cultural specificity and decadence of the foreign culture. It can be seen as an endeavour to squeeze the exotic culture into the fixed compartments of cultural stereotyping.

In the definition by Michael Pickering (2001, p. 47): 'stereotyping – characterisations of others, and as a general process, stereotyping is a unilinear mode of representing them. While they occur in all sorts of discourse and can draw on various ideological assumptions, stereotypes operate as a means of evaluatively placing, and attempting to fix in place, other people or cultures from a particular and privileged perspective'. This problem is not rare or unnoticed in the YA literature.

Stereotyping, caricature, and marginalization of people of color, poor and working-class children and families, gender and sexual minorities, immigrants, and other minoritized groups have been persistent problems in children's literature. Additionally, the Cooperative Children's Book Center's annual reports show a troubling trend of books that feature diverse characters not being written by authors from that background, leading to questions about who has the right to tell diverse stories [Thomas, 2019, p. 7].

It should not come across as a surprise to Bardugo's readers, as the author articulates: "Let's be honest: I chose to use Russia as my inspiration, but my goal was never authenticity" (Bardugo, 2018). The disclaimer of authenticity is jarring, especially since the book is allegedly rooted in academic research, and more so in light of the author's commitment to stay authentic to the portrayal of other characters' experiences in her later works. Talking about sexual assault, Bardugo says: "[...] I did not want to trivialize it. [...] I spoke to three girls who had been trafficked from various backgrounds and in different situations" [Mason, Bardugo, 2016]. Conscientiousness applied in one instance is missing when addressing the topic of Russian culture.

Of course, Bardugo is not the only author who exploits Russian stereotypical characters in her work. Another work that featured a stereotypical Russian, a heavy drinker growing up in Siberia with an abusive father, was *The Goldfinch* by Donna Tartt (2013). Even though the persona of Boris was met critically in Russia, the overall impression was far more plausible. *The Goldfinch* adopted the figure of a highly controversial teenager of Russian descent to introduce a whole semantic layer of Russian literature. Tartt brings Dostoyevsky's *The Idiot* to the text as an interpretative device and makes the reader re-appreciate the entirety of her work in the light of it [Turyshcheva, 2020]. Theodor (equivalent to the Russian name Fedor, as in Fedor Dostoyevsky) is impersonating Prince Myshkin, and Boris takes on a sinister disguise of Parfen Rogozhin. A stereotype was used as a springboard for the author to suggest another semiotic grid for the interpretation of her work.

Deliberately devoid of the specificity of the 1850-1860s, Russian reference in *Shadow and Bone* seems to add no semiotic value to the text. Paired with the familiarity of the plot, it hardly explains the scale of success the book gained on the international market. However, the charm of the story can be seen in the magical component carried out by the order of wizards called Grisha. In the author's words,

I chose the name Grisha for the magical elite because it is the Russian diminutive of Gregory which means "watchful" and derives from the biblical Grigori (which a lot of paranormal

fans will recognize from fallen angel tales). It also evokes the word “geisha,” which reinforces the sense of beauty, secrecy, and the elite. (Bardugo, 2018)⁵

It might be a big stretch, but I would assume that for each reader associating the name Grigori with a biblical character, there will be at least one person who remembers the notorious figure of the sinister monk Grigori Rasputin first. His presence marked, indeed, the period in Russian history when the empire was brought to the brink of collapse by the incompetent actions of the ruling dynasty and resulted in the downfall of the large empire into the havoc of civil war (although it happened 60 years after the emancipation of serfs).

Brian Moynahan’s book *Rasputin: The Saint Who Sinned* (1997) is an example of how Rasputin’s life was seen in the English-speaking world in the 1990s. The chapter named “Grischa” describes Rasputin’s birthplace in the terms, evocative of Bardugo’s novel: “Its monotony reminded Western travellers of the “sadness of the sea”, a waste across which dirt tracks wound like the wakes of ships” [Moynahan, 1997]. Rasputin was born in Siberia in a little workers’ settlement *Pokrovskoye* on the bank of Tura river. In the novel, the Fold stretches aligned with the Tula valley and on its banks are the towns of Kribirsk and Novokribirsk – derivatives of Simbirsk and Novosibirsk. It is noteworthy that in Russian literature, Siberia is a liminal space. It often acts as Hell or as Other World, the land of the dead. It is hard to look past Tsibea – a frozen wasteland of the novel – and the city of Novokribirsk as anything different from the Siberian allegory.

Rasputin’s alleged ‘powers’ lay in healing and calming people down and he is described as wickedly attractive to women, wearing only native Russian clothing, and burning people with his black eyes shining above his black beard. The moment of Grischa’s revelation in Moynahan is described in the following way: “nearer and nearer, brightening as it came, until what had been a soft golden glow suddenly erupted in a blinding white flash” [Moynahan, 1997]. Compared to Bardugo’s writing: “then in a flash I let the light bloom around me and the Darkling, wrapping us in a glowing sphere that surrounded us like a flowing, golden halo.[...] [T]hen I slammed my hands together and a loud rumble shook the ballroom. Brilliant white light exploded through the crowd” [Bardugo, 2012].

It is impossible to know whether Bardugo had a chance to familiarize herself with Moynahan’s biography of Rasputin, but there is a chance that the readers would exploit the similarity of the personal name and link the image of the the Russian malefic with the magic world of Ravka, which could have invited more provocative parallels as in Tartt’s rendering. The rhetoric of supernatural light as an ultimate weapon is abstracted from the shadows of Siberia into a superficial “aesthetic appearance” restricted to “beauty, secrecy and the elite.”

This alleged connection of magic to the collapse of the Empire brings me to the next part of the discussion: a negative space of politics in Bardugo’s novel.

There is very little attention paid to the politics of the magical transmedia world of Grisha-verse. It is given that Ravka was once a unified country torn in two by the Shadow Fold. Bordering countries Shu-Han and Fjerda act as devices to hinder the possibilities of circling said Fold. Other books shed some light on the countries of Novy Zem (“New World” inspired by the British colonies [Bardugo, 2012/10/02]) and Kerch. Maps are a big part of the worldbuilding toolkit – every book is supported with visual referencing material nailing the existing toponyms and glimpsing other places of the same world, and it is hardly seen as a coincidence that the protagonist Alina is a cartographer. In some instances, maps are supplemented with detailed drafts of the cities (the Ice Court – an architectural complex accommodating an Embassy, Prison and a sect HQ within the

⁵ I will not further elaborate on this phrase that sounds as if quoted directly from Said: “As Said elaborates, the ‘cultural, temporal, and geographical distance was expressed in metaphors of depth, secrecy, and sexual promise” (Brown, 2010, p. 151). I discuss the problem of Japanese stereotypes, some of their origins, and influence in the article “A. B. Mitford as a cultural diplomat and the image of Japan in Victorian England” (Gubinskaya, 2020) It is closely related to the Orientalizing ‘sense of beauty, secrecy, and elite’ in the descriptions of the Orient represented by Japan.

same walls – is one of the examples). It is noteworthy, however, that Ravka and Novy Zem are shapeless entities with uncharted territories that stretch beyond the layout of the page. It is not addressed what lies beyond the oikumene of the written universe.

Meanwhile, if we return to the initial inspiration of Bardugo lying in 1860s Russia, we most likely expect to see Ravka stretching as far as the West of Novy Zem and occupying at least a portion of the continent. It was not until 1867 – six years after the liberation of serfs that has not yet happened in the Grishaverse – when Alexander II sold Alaska to the US.

The Fold setting a clear-cut border between the East and the West also invites a discussion on the nature of the cultural difference between Orient and Occident, and the place of Russia in the world of polarities. In the world of Ravka, “the skiffs were loaded with grain, timber, and raw cotton, but on the trip back they would be stocked with sugar, rifles, and all manner of finished goods that passed through the seaports of West Ravka” (Bardugo, 2012). The watershed lies not on the shores of the Unsea – Shadow Fold – but much further to the West – on the shores of the True Sea.

As Kipling said,

*Oh, East is East, and West is West, and never the twain shall meet,
Till Earth and Sky stand presently at God's great Judgement Seat
[Kipling, 1889].*

As much as the author insists, that the world of Grishaverse has little in common with the real countries, a discussion around the Western or Eastern origin of Russia is a real and prominent struggle for generations of Russian thinkers. As the concept of the bipolar world solidified in Western discourse, any new player in the global political arena was immediately assigned to one camp or another. The ideology of this clear-cut division of the world can be illustrated by lively debates of the late XIX century around Russia. Pan-Slavist philosopher Nikolay Danilevskii ironically summarised predominant views of the West-European thinkers:

West and East, Europe and Asia are imagined in our mind as some opposites, polarities. The West, Europe is the pole of progress, relentless improvement, continuous movement forward; East, Asia is the pole of stagnation and ossification, abhorrent to a modern man. These are historical and geographical dogmas that are never doubted, and every Russian faithful follower of modern science trembles at the thought of the possibility of being assigned to the sphere of stagnation and inhibition. For if not the West, so the East; not Europe, so Asia - there is no middle ground; there is no Euro-Asia, West-East, and even if there was such a thing, then the middle position between two ways of thinking is also unbearable [Danilevskii, 1871].

“No middle ground” in the metaphorical account by Danilevskii turns into a literal ‘no man’s land’ of the dark terrain of the Shadow Fold teeming with monsters. Figs devoted much attention to the construction of the concept of Russianness, trying to reconcile the two polarities of the cultivated gentlefolk and peasantry. I would assume, Bardugo is well aware of this dichotomy in Figs’s interpretation and models the conflict in her text after it.

She, however, pushes back against the attempts to interpret the Shadow Fold in the context of the fall of the Berlin wall and the advent of Glasnost, marking the reconciliation of the West and the East in Russian and world history. In the YouTube recording of the Q&A with Bardugo, she comes clean about her strategies of dealing with Russian history and politics:

Here's the thing that Russia of the mid-1800s was a point of departure for me. It was a cultural touchstone, and you can see that I can get some of the deep themes of the story. But already there's a break with that. I mean, you could, if you wanted to, write a paper and how'd it talk about the fall of the Fold. There's like, you know, the breaking of the Iron Curtain and Glasnost. [...] But really, that's not what it is. This is me, really, just deviating from history entirely and there [are] the dynamics that exist culturally. You know, there is no United States for Instance, so there really cannot be a Cold War [Bardugo, 2019, 13:59 – 14:35].

Albeit the quotation begs for further analysis (and the author herself acknowledges in the same talk, that there is enough material for a course paper), at this instance I would let the author

govern the scope of interpretations of her text and will follow her direction to omit the Cold War interpretations of the text of *Shadow and Bone*.

The talk was happening in Denver, and the author has lived most of her life in the US, so the equation “no US = no Cold War” sounds warranted in the context (moreover, keeping in mind that the talk was not scripted, so the speaker might have had scarce time to ponder on the implications of the claim). However, it brings to the fore a keyword of the recent development of the U.S.-Russian Federation relationships.

New Cold War is a term quite familiar to the International Relationships scholars. In the world of Glasnost and market economy, the USSR has sunk into oblivion, and none of the CIS countries is pursuing the path towards communism anymore, but the possibility of hostile confrontation, nevertheless, did not cease⁶.

The U.S.-Russia relationships are currently at their worst since the end of the Cold War (Newlin et al, 2020, p. 1). In the span of the last 30 years, Russia caused displeasure to its trans-Atlantic partner on many occasions. The military operation in Ossetia (2008), the Crimean crisis (2014) followed by the erection of the Crimean (Kerchensky) bridge (2016--2020), complex negotiations around Donetsk and Lugansk (2014-ongoing) aggravated by the alleged interference of Russian intelligence with the U.S. elections (2016). Secret operations assigned to Russian FSB by the Western press include the assassination of Alexander Litvinenko (2006), attempted murder of Sergei and Yulia Skripals (2018) and Alexei Navalny (2020), and military operations in Syria (2015) complicated Russian relationships with the partners from the NATO bloc. In the U.S., a triumphant narrative of the country that has won the Cold War changed with outbreaks of hostile attitude towards Russia and their government in print, and in foreign policy as well – sanctions remain in place since 2014, in 2021 Russia and the U.S. mutually expelled the diplomatic corps.

This timeline coincides with the publication and consumption of Bardugo's novels: *Shadow and Bone* (2012), *Siege and Storm* (2013), *Ruin and Rising* (2014) set in Ravka, *Six of Crows* (2015) and *Crooked Kingdom* (2016) with the events starting in Kerch. *King of Scars* (2019), *Rule of Wolves* (2021), *The Language of Thorns* (2017) and *The Lives of Saints* (2020) appeared while the relationships of the U.S. with Russia were gradually deteriorating. Meanwhile, the exploitation of the Russian indigenous content by Bardugo was seemingly deepening. *The Lives of Saints* (2020) is a rewriting of the Russian folk tales, most of which are translated in Ivanits's research. On one occasion the story is heavily inspired by Massie's retelling of the *Tale of the Firebird*.

At the same time, specialists observe Russophobia being used in the US mass media as leverage to channel the public dissatisfaction with the international policy towards Russia and to advocate for support of the US external policy (Smeltz et al, 2018, p. 7). Russia has been promoted as a weak country on the brim of collapse, a sick nation economically incapacitated. ‘A country, that is falling apart’ [Starobin, 2014, p. 21]. The New Republic magazine curtly reported on the Opening ceremony of the Winter Olympics in Sochi (in 2014, months before the Crimean crisis, while the relationships were on the stage of “reloading” before nosediving):

One glaring omission throughout the parade of Russian culture was any pretense of cultural diversity. The announcers importantly declared how big Russia is—“the biggest country in the world, as big as the ocean”—and that it contains multitudes, “180 nations, each with their own culture and language,” but we saw only one of them: the ethnic Russians. The world saw only traditional Slavic garb, with its lush brocade and big head pieces (kokoshniki) (Ioffe, 2014).

While being praised for diversity and representation of characters of different ethnicities (Inej and Jesper are people of colour), class (Dregs are outcasts while Wylan is a descendant of a wealthy merchant, Mal and Alina are placed enigmatically between classes as orphans of an un-

⁶ Smith (2020) discusses and disapproves of the term, while acknowledging its existence. In Smith's interpretation, Cold War was a conflict of ideologies, not countries. Still, there can be an ideological dichotomy in the world of Bardugo's novels if the ideological component would have been written into the book. An absence of the U.S. does not exclude the possibility.

known origin) and looks (Nina is famously plus-sized), Bardugo unifies the entirety of the population of the Russian Empire under an aesthetics of Great Russia, overlooking culture of other nations, even such big and prominent ones, moreover, presently independent, as nations of Ukraine and Belorussia – the very sin Putin’s Russia was accused of in the U.S. press.

The transmodality of the screen adaptation brings more diversity to the ethnic profile of the visuals. It might seem unusual because the screen adaptations tend to simplify the problems posed in the book, rather than amplifying them on the visual register. The first season was produced in Hungary – the only non-Slavic country in that region of Eastern Europe - featuring some recognizable landmarks. On the poster, a daring eye could spot the bulb-shaped domes of the Cathedral of Assumption in Kazan Kremlin in Tatarstan – a non-Slavic region of Russia. It might not be registered by the target audience as meaningful, but the inclusion of the non-Slavic features to the repertoire can be interpreted as elevating the flatness of the ethnic profile of the book characters.

The movement across media and the intervention of translation is discussed further in the final part of my article.

It should be noted, that the book received severe criticism from the Russian-speaking community on the inaccuracies in the Russian names, especially on the misused gendered surnames. It prompted Bardugo to write an article “Tongue Twister” (2018) explaining her word choices in the first place. She does not mention there that the very first proper noun of the book – Ana Kuya – is notoriously homophonic to a Russian euphemism for an obscene expression meaning “Why?” or “For what purpose?”. However, she acknowledges that she received no help from any Russian translator or a professional. It begs the question, what was the approach of the Russian translator?. In the reply to the accusations of inconsistencies in Russian terms and names, Bardugo wrote:

It's been suggested that no one with a knowledge of Slavic language or culture could enjoy this series, but that hasn't been my experience. I've certainly encountered critics, but I've also had Russian fans at my signings here in the US, received kind emails from readers in Russia and Ukraine who have read the book in English, and most recently the book was published in Bulgaria and received a favorable response [Bardugo, 2014/01/07].

One can only speculate on the age and upbringing of the enthusiastic fans that are fluent in English and have access to the US literary market in Russia and Ukraine. By the time Bardugo wrote about Russian speakers enjoying her work in 2014, there was no Russian translation available. It was not until 2018, the year of the publication of *Six of Crows* duology in Russian when *Shadow and Bone* trilogy finally made it to the Russian literary market. It was only months before Bardugo publicly announced that negotiations with Netflix were successful and the production of the adaptation is going to be launched⁷. The first book cover pertains to the promotional leverage. The novel was advertised as “a book by the author of *Six of Crows*”.

In 2018, the book was translated by the same person as *Six of Crows*, Anastasiya Kharchenko [Bardugo, Kharchenko, 2018]⁸. Unfortunately, her choices were not considered at the stage of the show dubbing, and some of her finds were lost in the process of multimodal translation.

While Bardugo emphasizes that every choice considering Russian terms and names was deliberate – such as gender-bending names Alina Starkov and Ilya Morozova – translation did not preserve this specific trait. The translator opted for conventional female surnames for female characters, male surnames for males. She slightly retouched the scenes that come across as inaccurate to the native Russians. For instance, where Bardugo’s characters are pouring tea from a samovar, in the Russian translation tea is replaced with boiling water to avoid confusion. In every instance, a

⁷ Bardugo announced that *Shadow and Bone* will be adapted for screen in January, 2019. Meanwhile, AST Publishing House released the news of the TV series production on 31.10.2018 (AST, 2018) – two months earlier, and close to the publication of the translations of the first trilogy.

⁸ A novel *Ninth House* (2019) was translated by a different translator and is not set in the Grishaverse, so Kharchenko is not the only professional voicing Bardugo’s work for the Russophone audience.

kefta is translated as caftan. Even the world-building choices underwent serious correction. Where the author emphasizes: “Deciding not to go this route meant agonizing over much smaller decisions—from how to construct a plural (“Corporalki” over “Corporalniki”)” (Bardugo, 2018). Kharchenko replaces the Russian suffix -lki that is used either in derogatory meaning or for utensils and instruments with the suffix -nik, which points towards a person and has no pejorative connotation. In the following case:

Otkazat'sya: “The abandoned.” This is the word Grisha use to refer to people unable to practice the Small Science. In Russian, this is a verb form and not a noun. But because I liked the look and sound of the word, I adopted the “-sya” suffix for other constructions later in the series. (Bardugo, 2018)

Kharchenko replaces the verb with the noun ‘otkaznik’ (the abandoned one), choosing a better sounding choice for the Russian reader over the author’s intention⁹.

Probably, the biggest change – and by far the most meaningful – happened to the term Grisha. As it is a diminutive form of the name Grigorii, it had the potential of creating a comical effect for the Russian reader. The translator preserved the plural form and put the stress on the last vowel, alienating the word for the reader to the extent that it is not recorded as Russian anymore. This tampering of the formative word essential for worldbuilding is fascinating.

With Netflix engaged in production, the visual references of the book underwent a serious change. In 2012, the book was published with a cover featuring a reference to Russian five-domed churches with bulb-shaped domes (traditionally interpreted as churches devoted to Maria). A spiral ornament on the bulbs hinted towards one of the best-known landmarks of Russia, a symbol of Moscow in many Hollywood products, St. Basil’s Cathedral on the Red Square¹⁰. The same building with the domes appeared in the second book of the series. Later, simultaneously with the interference of Netflix, overt Russian visuals were replaced with more neutral zoomorphic designs featuring a stag, a serpent and a firebird. After the production of the screen adaptation was complete, the book cover changed to cropped pictures of the lead actors focusing on their weapon of choice in the TV show. So, Alina is summoning a swirl of light, Kaz Brekker is caressing his cane, Jesper is portrayed with a revolver. One can argue that the specificity of the Russian cultural imagery was replaced by the more relatable and targeted at the wider audience animistic motif, and descended to the level of morbid and visceral imagery of the instrument of power, war, death.

On-screen, the Russianness of the book’s aesthetics is hardly ever emphasized. It is difficult to put a finger on a specifically Russian cultural tradition or element. Even the bulb-shaped domes, added to the Little Palace on the stage of post-production – though probably used to cue to the Russian architecture – add nothing of Russian specificity. It should be noted that the palace of Keszthely in Hungary, used as a filming location, already has one bulb-shaped dome. Moreover, Russian palaces have no domes unless there is a chapel in the wing. The keftas, which were supposed to be a major nod to the Slavic characters dressed *a la Russe*, are executed in a way that reads as a Hussar uniform in the setting of Budapest. Even a Cyrillic script is nowhere to be seen, replaced by a fantasy font.

The plot of the TV series – along the same lines as the Russian translation – was leaned heavily on the success of the book *Six of Crows*. The scriptwriters deliberately took the well-loved characters of the duology and wrote their story from scratch, catering to the fan-base and at the same time enhancing the sujet of the novel.

In the plane of translatability and multimodality, the show relies on the familiarity of the audience with the world. The pilot episode, though entirely consisting of exposition, does not suf-

⁹ Matlock (2018, p.98) devotes much attention to the portmanteau qualities of the word “otkazat'sya” in her work. In the light of this research on posthuman qualities of the characters of the narrative, the translator’s decision has much deeper effect.

¹⁰ This reference is further supported by an alternative cover design, that is saved in Leigh Bardugo’s Pinterest board ‘Early Comp Covers’, attributed to Jen Wang.

face in providing a background story and motivation for all main characters. Unless the viewer had the experience of closely reading the text of the trilogy and duology, most of the visually pleasing but chaotic references to background characters (the sinister antagonist Pekka Rollins, the threatening owner of Menagerie Tante Heleen and others) are distracting from the main events. Moreover, the writers – clearly building up for the second season – take liberties with the line of the characters of the duology, making it impossible to return to their story after the events of the trilogy are finished. Thus, the TV show is turned into a device used to augment the trilogy, recycling the focal characters as they see fit.

The author was an executive producer of the show, so she still maintained her agency as a creator. However, the coherence of the duology was irreversibly interrupted with the endorsement of Bardugo herself, which raises further questions. It is not uncommon to see the screen adaptation as a way to project and promote the author's idea to a wider audience by making it more accessible. Different devices are employed to ensure accessibility – including shorter time to consume, improved consumer's experience, simplified plot. In the case of Bardugo's work, the team of producers took another approach. The book *Shadow and Bone* is a short novel. With just over 200 pages it takes less time to read than to watch a show. Even the audiobook of 9 h 21 m [Audible 'Shadow and Bone', 2012] is only one hour longer than the series¹¹. The plot is complicated with the infusion of additional conflict. A racial component is layered, as well as a political struggle of the West Ravka for autonomy. Conclusively, the show creates a more complex network of mutual relationships between the elements of the plot, and external relations with the books, increasing the complexity of the product.

An act of creation: is it driven by external forces, or is it a manifestation of the author's inner motifs and beliefs? Is it performed deliberately and consciously? Amanda R. Smith (2016), an ethnographer, experiments with two different theories to analyse the data she collected studying a young author (who, coincidentally, happens to be a fan of Bardugo's work). In the conclusion, she emphasizes that in the world of multimedia and wider possibilities for self-expression, the authors resort to multiple platforms to create a holistic view of their work. The act of creation transcends the conscious effort made at the desk in the act of writing and bleeds into social media, Pinterest boards, pictures of daily activities. "Embodied domain" (p. 125) of writing is something deeply thrilling.

Following Bardugo's Instagram, Facebook, Tumblr blog (currently deleted) and Pinterest boards, one can most definitely find parallels with the subject of Smith's study. Bardugo resorts to using branded houseware, matches nail polish to the covers of her books and cosplays her work. Even when the post has no overt promotional potential (not related to publishing, advertising campaigns, merchandise, or press conferences), she plants references to her characters anyway. Bardugo has a disability and is forced to use a cane, so she adopts it to bond with another character of the Grishaverse – Kaz Brekker, who has a similar condition. This interrelation between the author's personal life and her work, within a nonrepresentational theory, is interpreted as a sign of the subsurface, subconscious process of writing, streaming from 'bare life'¹².

Having this possible interpretation in mind, I cannot speculate that Bardugo deliberately chose to let the body of her work outline and shape the negative spaces discussed in this article. The reception potential of her work is wider and more diverse than the author intended. She tries to prune it back to the shape of her original intentions, interfering with the process of the reader's meaning-making. Thus, in a certain way, she pushes back against the concept of the "death of the author".

¹¹ If the argument does not sound compelling, the *Lord of the Rings* was 54 hours of audiobook adapted into 9-hour movie saga, *Harry Potter* – a 117-hour narration squeezed in puny 19 hours of screen time. Almost 10-fold compression.

¹² Smith references Thrift's theory and summarises it contrasting against New London Group theory, which attributes meaning making agency to the human, and interprets the text as a result of conscious activity.

With this dichotomic process, I suggest stepping away from the author's intentions and tracing the subtle trends of the market, that contributed to Bardugo's popularity. The discussion I want to open is not whether Bardugo intended to create a book that exploits Russian culture without doing justice to it, hinting towards a New Cold War, and separating the world to the familiar poles of the West and East. I want to finish my article by posing a question – is it the market that is thirsty for products that are stereotyping and alienating, demarcating, polarizing, and offer only magical explanation stripped of rational cause to explain the politics within the text?

Список литературы

Books by Leigh Bardugo:

1. Bardugo, L (2012). *Shadow and Bone*. Henry Holt and Co. New York [E-book]
2. ---- (2013). *Siege and Storm*. Henry Holt and Co. New York [E-book]
3. ---- (2014). *Ruin and Rising*. Henry Holt and Co. New York [E-book]
4. ---- (2015). *Six of Crows*. Henry Holt and Co. New York [E-book]
5. ---- (2016). *Crooked Kingdom*. Henry Holt and Co. New York [E-book]
6. ---- (2019). *King of Scars*. Henry Holt and Co. New York [E-book]
7. Bardugo, L., & Kipin, S. (2017). *The Language of Thorns: Midnight Tales and Dangerous Magic*. Henry Holt and Co. New York [E-book]
8. ---- (2019). *Ninth House*. Orion Publishing Group, London, UK
9. ---- (2021). *Rule of Wolves*. Henry Holt and Co. New York [E-book]
10. Bardugo, L. Kharchenko, A. (2018). *Ten I kost*. AST publishing. Moscow. [eBook]

Blogs and interviews by Leigh Bardugo:

11. Bardugo, L (2011/06/27) Writing My Response To Slate. Leigh Bardugo Wordpress Blog. URL: <http://leighbardugo.wordpress.com/2011/06/27/writing-ya-my-response-to-slate/#comments> (Accessed through <https://web.archive.org/web/20120203053220/http://leighbardugo.wordpress.com/2011/06/27/writing-ya-my-response-to-slate/#comments>)
12. ---- (2015/05/13) YA is not a genre. Leigh Bardugo Tumblr Blog. URL: <https://lbardugo.tumblr.com/post/121458836925/ignitesthestars-ya-is-not-a-genre-its-a> (Accessed through <https://web.archive.org/web/20181218004837/https://lbardugo.tumblr.com/post/121458836925/ignitesthestars-ya-is-not-a-genre-its-a>)
13. ---- (2012/10/02) Lbardugo Tumblr. URL: <https://lbardugo.tumblr.com/post/33308125055/ive-read-one-of-your-interviews-and-saw-that-you#notes>
14. ---- (2013/11/20) Has Bardugo Talked about the Russian inconsistencies // Goodreads.com. URL: <https://www.goodreads.com/topic/show/1533856-has-bardugo-talked-about-the-russian-inconsistencies>
15. ---- (2014/01/07) Has Bardugo Talked about the Russian inconsistencies // Goodreads.com. URL: <https://www.goodreads.com/topic/show/1533856-has-bardugo-talked-about-the-russian-inconsistencies>
16. ---- (2019/02/19) Leigh Bardugo Q&A! (Netflix Series, Writing Advice, KOS & More!) Rebecca Blume. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=n75XlZz9oKY>
17. ---- Pinterest Board. URL: https://www.pinterest.ru/lbardugo/_saved/
18. ---- (2018). Tongue Twister 17 May 2018. URL: www.leighbardugo.com/grishaverse/the-archives/tongue-twister/ (date accessed: 24.06.2021).
19. Mason, E., Bardugo, L. (2016). *How Leigh Bardugo uses fantasy to shine a light on real world issues*. The Washington Post. Aug. 19, 2016.
20. Scalzi, J (2012). *The Big Idea: Leigh Bardugo*. Whatever, 4 June 2012. URL: whatever.scalzi.com/2012/06/04/the-big-idea-leigh-bardugo/ (date accessed: 24.06.2021).

Other cited sources:

21. AST Publishing House (2018). *Ten I kost*. URL: <https://ast.ru/cycle/tsikl-ten-i-kost/>
22. Audible.com.au. *Shadow and Bone*. URL: <https://www.audible.com.au/pd/Shadow-and-Bone-Audiobook/B00FQEC68Y>
23. Brown, J. D. G. (2010). *A Stereotype, Wrapped in a Cliché, Inside a Caricature: Russian Foreign Policy and Orientalism*. *Politics*: 2010 vol 30 (3), pp. 149-159.
24. Figs, O. (2002). *Natasha's dance: A cultural history of Russia*. Macmillan.
25. Gubinskaya, A. (2020). A. B. Mitford as a cultural diplomat and the image of Japan in Victorian England. *Istoriia: fakti i simvoli*. Vol. 3 (24), pp. 112-123. URL: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2020-24-3>.
26. Ioffe, J. (2014). *Sochi's Opening Ceremony Forgot to Mention a Few Things About Russian History* *The New Republic Magazine*. URL: <https://newrepublic.com/article/116519/sochi-opening-ceremony-showed-us-how-russia-putin-see-themselves>.
27. Ivanits, L. J. (1989). *Russian Folk Belief*. M.E. Sharpe, Inc. New York, London.
28. Kipling, R. (1899). *The white man's burden*.
29. Massie, S (1982). *Land of the Firebird*. Simon and Schuster, New York.
30. Matlock, M. (2018). "THOSE MAPS WOULD HAVE TO CHANGE": Remapping the Borderlines of the Posthuman Body in Leigh Bardugo's Grisha Trilogy. In Tarr A. & White D. (Eds.), *Posthumanism in Young Adult Fiction: Finding Humanity in a Posthuman World* (pp. 97-116). Jackson: University Press of Mississippi.
31. Moynahan, B. (1997). *Rasputin: The saint who sinned*. Random House [E-book]
32. Newlin, C., Conley, H., Viakhireva, N., & Timofeev, I. (2020). (Rep.). *Center for Strategic and International Studies* (CSIS). Retrieved June 24, 2021. URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep26991>.
33. Pickering, M. (2001). *Stereotyping: the politics of representation*. Palgrave.
34. Propp, V. (1928). *Morfologija volshebnoi skazki*. Academia, Leningrad [eBook]. URL: <http://feb-web.ru/feb/skazki/critics/pms/pms-001-.htm>.
35. Smeltz, D., Wojtowicz, L., Volkov, D., & Goncharov, S. (2018). (Rep.). *Chicago Council on Global Affairs*. Retrieved June 24, 2021. URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep21293>.
36. Smith, A. R. (2016). *Bare Writing: Comparing Multiliteracies Theory and Nonrepresentational Theory Approaches to a Young Writer Writing*. *Reading Research Quarterly*, 52 (1), pp. 125-140.
37. Starobin, P. (2014). *The Eternal Collapse of Russia*. *The National Interest*, (133), 21-29. Retrieved June 24, 2021. URL: <http://www.jstor.org/stable/44151197>.
38. The Grishaverse. *FAQ // What is the inspiration for the books in the Grishaverse*. URL: <https://grishaverse.com/faqs/> (date accessed: 24.06.2021).
39. Thomas, E. E. (2019). *The Dark Fantastic: Race and the Imagination from Harry Potter to the Hunger Games*. New York: New York University Press.
40. Turysheva, O. (2020). *Dostoevsky, Siberia, and the Russian Person in Donna Tartt's Novel The Goldfinch* in *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 1, pp. 119-131.

Нефедов С. А.
(Екатеринбург)

УДК 94(470) «9/15»

РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: СВЯЗЬ МЕЖДУ ПРАВОСЛАВНЫМ ИЗОЛЯЦИОНИЗМОМ И ТЕХНИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ

Статья посвящена анализу взаимосвязи между практикой православного изоляционизма и динамикой технологического развития России в X-XV вв. Эта тема не рассматривалась в литературе ранее, и исторический опыт является актуальным ввиду возрождения русской православной церкви. Принятие православия облегчило перенимание византийской материальной культуры, однако катастрофа монгольского нашествия отбросила Русь в культурном отношении на несколько столетий назад и привела к потере многих технологий. В период ордынского владычества господство православия блокировало восточные культурные влияния, и Русь не воспринимала восточные технологии, такие, как производство чугуна и пороха. Эти технологии, миновав Русь, попали в Западную Европу и уже оттуда спустя примерно два столетия пришли в Россию. В конце XV - начале XVI в. в период создания Московского государства были установлены культурные контакты между Русью и Западной Европой. Однако отношение православных к иноземцам как к «поганым» препятствовало развитию контактов. Остановка постоянных войн на границах привела к технологической блокаде Московии; западные соседи не допускали трансфер на восток технологий и оружия.

Ключевые слова: православие, культурный изоляционизм, техническое развитие, трансфер технологий, западные специалисты в России.

The article is devoted to analysing the influence of Eastern orthodox isolationism on technological development of Russia. Russia was an isolated orthodox civilization and according to S. Huntington, there were civilizational splits along its borders. These were zones of constant wars between civilizations. The Orthodox Church preached religious messianism; the Orthodox Christians considered representatives of other religions to be “unholy”, strayed away from communicating with them and avoided borrowing anything from “the unholy”. The Mongol invasion led to the loss of many technologies borrowed from Byzantium in the previous period; in particular, the brick building technology was lost. Although the Golden Horde constructed buildings of bricks and used cast iron and gunpowder, the Russians did not adopt these advances. This resulted in the fact that having passed the Russian grounds, metallurgical and gunpowder technologies reached Europe, and it was Europe from where they came to Russia approximately two centuries later.

Keywords: Orthodoxy, cultural isolationism, technical development, technology transfer, Western experts in Russia.

DOI: 10.24888/2410-4205-2021-28-3-108-118

Принятый в 1997 г. закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» официально признает «особую роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры» [33]. Значению православия для развития духовной культуры посвящено большое количество работ. Что касается материальной культуры, то имеются исследования, посвященные развитию ремесленных технологий в Древней Руси – это развитие было тесно связано с заимствованием технологий из православной Византии [28]. Однако работы о роли церкви в развитии технологий в последующий период, в XIII-XVI вв., практически отсутствуют. Предлагаемая статья имеет цель, по мере возможности, восполнить этот пробел. В методологическом плане работа опирается на концепцию столкновения цивилизаций С. Хантингтона, также не использо-

вавшуюся ранее для изучения материальной культуры средневековой Руси. Пионерный характер работы позволяет ограничиться использованием опубликованных источников.

Развитие технологий в средние века было опосредовано процессом диффузии инноваций; основную роль играло не имитационное развитие, а заимствование техники наиболее передовых стран. Заимствование облегчалось, если страна-реципиент была цивилизационно близкой стране-донору, и серьезно затруднялось в противном случае. С. Хантингтон в книге «Столкновение цивилизаций» поднял тему межцивилизационного раскола, который появился в средневековье и отчасти сохраняет свою глубину в наше время. Определяющим элементом цивилизации, по Хантингтону, является религия. «Некоторые ученые, – продолжает Хантингтон, – выделяют отдельную православную цивилизацию с центром в России, отличную от западного христианства по причине своих византийских корней» [37, с. 56]. Существование в качестве отдельной, особой цивилизации означало для России межцивилизационные расколы вдоль всех границ, означало жизнь в осажденной крепости. «История России подобна истории *осажденной крепости*... – писал выдающийся философ И. А. Ильин (курсив И. А. Ильина). – Именно этим многое в России определялось..., так что если хочешь в истинном свете проследить события, обнаружишь новые стороны в характере народа, в социальном устройстве, в политической истории, в хозяйстве, в причинах технико-экономической отсталости» [10, с. 476].

Два процитированных философа намечают логическую цепочку: отдельная православная цивилизация – межцивилизационные расколы на границах – осажденная крепость – относительная изоляция от мировой культуры – техническая отсталость. В этой статье мы попытаемся проследить, как конкретно проявлялись эти причины и следствия в русской истории X-XVI вв., «обнаружить новые стороны», о которых пишет И. А. Ильин.

В X в. Русь еще не была «осажденной крепостью». Молодое государство выбирало свой идеал – и вполне естественно, оно выбрало наиболее культурную, цивилизованную державу того времени – Византию. Крещение Руси по православному обряду привело к культурному расцвету XI-XII вв. У греков были заимствованы многие технические навыки, например, технология строительства из обожженного кирпича с применением известкового раствора, применение поливных керамических плиток, технология производства стекла [28, с. 397-398].

Однако были и другие последствия вхождения в византийский культурный круг. Когда в 1054 г. произошел Великий церковный раскол, греки вовлекли Русь в свой конфликт с латинянами. «Мы подпали под умственную опеку византийцев и оставались под ней чрезвычайно долго», – писал К. Д. Кавелин [11, с. 177]. Преподобный Феодосий направил великому князю Изяславу «Слово о христианской и латинской вере», призывая «вере же латинской не приобщаться... и всех их обычаев и нравов гнушаться... ни брататься с ними, ни кланяться им, ни целовать их; и из одной посуды не есть, и не пить с ними, и не брать у них пищи...» [34]. Русские летописи наполнились проклятиями в адрес «поганых латинян», «поганой литвы» и «поганых немцев». Южные соседи, кочевники-половцы, тоже были «поганые». Слово «поганый» поначалу означало просто «язычник», но со временем оно приобрело значение «нечистый». Разумеется, отторжение никогда не было абсолютным; временами необходимость заставляла сотрудничать с чужаками, торговать с ними и сражаться вместе с ними против общего врага – однако при всем том чужаки всегда оставались «погаными».

Русские и раньше, случалось, воевали со своими соседями, теперь же эта рознь постепенно приобретала характер межцивилизационного раскола. Монгольское нашествие отбросило цивилизацию Руси на несколько столетий назад. С гибелью городов и ремесленников исчезли многие заимствованные из Византии ремесла. Исчезло ювелирное мастерство и производство предметов роскоши. Прекратилось производство оконного стекла и стеклянной посуды, изготовление поливных керамических плиток. Была утеряна византийская технология кирпичного строительства. На Северо-Востоке Руси каменное строительство во-

зобновилось только в 1320-х годах, но вместо кирпича использовался камень-плитняк, а само слово «плинфа», обозначавшее ранее кирпич, трансформировалось в «плита» [28, с. 535-536, 662, 664, 672-673].

Однако, понеся огромные культурные потери, ввергнутая в архаику, Русь осталась православной страной. Монголы проявляли уважение к священнослужителям всех религий и даровали им привилегии – в том числе неприкосновенность имущества, освобождение от всех повинностей и судебные права. Русь постепенно восстанавливалась после нашествия, становясь при этом все более православной. Монголы освобождали монастыри от дани, и, пользуясь этим, братья-монахи основывали новые обители и привлекали на свои земли крестьян. Эта новая Русь жила в новом цивилизационном окружении. В XIV в. Золотая Орда впитала в себя мусульманскую культуру Востока, и ее столица, Сарай ал-Джедид, превратилась в большой восточный город с великолепными дворцами, украшенными куполами мечетями, общественными банями («хамам»), с широкими улицами, с фонтанами, водопроводами из керамических труб. Многие дома строились из кирпича, или возводились на кирпичном фундаменте и обогревались «по-белому» с помощью кана и печей-тандыров. Ордынские ремесленники создавали красивые изделия из фаянса, они умели выделывать стекло, и в богатых домах были стеклянные окна [9, с. 457-501, 551-578].

Русские князья со своими боярами приезжали в Сарай, чтобы поклониться хану – они видели этот удивительный восточный город. Они жили в нем иногда многие годы, одевались в восточные одежды, покупали восточные сабли, шлемы, кольчуги. Приезжали митрополиты и грамотные священники – но никто из них не оставил описания Сарая или других ордынских городов. Церковь не поощряла культурные заимствования. Русские по-прежнему жили в топившихся «по-черному» бревенчатых избах с затянутыми бычьим пузырем маленькими окошками. Хотя пила была известна, но она была чрезвычайно редкостью, и чтобы получить доски, бревно раскалывали, забивая вдоль него клинья [28, с. 183]. Русские не позаимствовали у татар технологию изготовления стекла и фаянса, они не использовали отапливаемую лежанку, кан, и не делали печные трубы – видимо, потому, что в Москве вплоть до конца XV в. не умели обжигать кирпич. «Русские не хотели учиться тому, как лучше строить мечети», - констатирует известный востоковед Ч. Гальперин [9, с. 202].

Справедливости ради нужно сказать, что некоторые простые технологии все же заимствовались: речь идет о изготовлении войлока, юфти, были позаимствованы сохи с полицами - это были изделия, доступные деревенским ремесленникам. Было освоено также изготовление луков монгольского типа. В Новгороде, где сказывалось западное влияние, в XIV в. стали употреблять брусковый немецкий кирпич – но оно был неровный, плохого качества и его клали вперемешку с плитняком [21, с. 150-151, 162, 170-171].

Наиболее важно: сформировавшийся к этому времени межцивилизационный раскол привел к тому, что две фундаментальные технические инновации – чугун и порох – обошли Русь стороной. Родиной обеих инноваций был Китай, в то время опережавший в техническом развитии остальной мир. Производство чугуна было связано с так называемым «кричным переделом», который вскоре открыл дорогу широкомасштабному доменному производству железа. Слово «чугун» имеет уйгурское происхождение (как и многие слова, используемые канцеляриями Монгольской империи). Чугунные котлы назывались по-татарски «чуйун казан», а по-русски «чугун» («чугунок») или «казан». Название города Казань говорит о том, что, как и расположенный рядом Булгар, этот город был центром металлургического производства. При раскопках Булгара были найдены остатки домен, имевших высоту до 2,5 метров и работавших на древесном угле. Л. Р. Кызласов считает, что технология выплавки чугуна в больших домнах была завезена на Запад через посредство среднеазиатских купцов, подданных Золотой Орды [14]. В Россию же литье чугуна из больших домен пришло с Запада уже в XVII в. вместе с кричным переделом.

Второй фундаментальной инновацией был порох. Китайские алхимики называли порох «хо яо», «огненное лекарство» – видимо потому, что первоначально его думали исполь-

зовать как лекарство. Монголы, позаимствовавшие порох у китайцев, и татары, позаимствовавшие порох у монголов, называли его «дари», что на монгольском и тюркском также означает «лекарство», «зелье». В Орде умели выделять важнейшую составляющую пороха, селитру, и снаряжали «зельем» керамические бомбы, которые бросали из баллист. Эти бомбы во множестве находят в развалинах ордынских городов [20, с. 76]. Первоначальное русское название пороха, «зелье», указывает на то, что русские познакомились с порохом в Орде, но в то время они еще не умели очищать селитру и составлять пороховые смеси. В итоге, как и в случае с чугуном, пороховая технология обошла Русь стороной и попала сначала к арабам, потом в Западную Европу и уже из Европы – на Русь.

Первоначально порох использовался в бомбах и гранатах, но уже в конце XIII в. на Ближнем Востоке появилось огнестрельное оружие; в 1320-х гг. оно становится известным в Западной Европе, а в 1370-х гг. почти одновременно появляется на западных и восточных границах Руси. Предполагается, что русские впервые познакомились с этим оружием (с восточными «тюфенгами») при осаде Булгара в 1376 г., а затем, как говорит Голицынская летопись «в лето 6897 [1389] вывезли из Немец арматы на Русь и огненную стрельбу и оттого часу уразумели из них стреляти» [12, с. 271]. В 1395 г. в Москве уже пытались выделять порох, но, видимо, не особенно успешно: при попытках такого рода сгорело несколько дворов. Главную составляющую пороха, селитру, долгое время ввозили из-за границы [13, с. 55-56]. Производство небольших пушек было освоено в Устюжне Железнопольской; ствол пушки сваривали из кованых железных колец, которые укрепляли железными полосами [22]. Эта технология первоначально использовалась и в Западной Европе, но в конце XIV в. ее сменил метод отливки медных пушек. На Руси же отливка пушек стала производиться лишь столетием позже.

Между тем, именно литые медные пушки обеспечивали военное превосходство при штурме городов. В 1453 г. огромная бомбарда, отлитая венгерским мастером Урбаном, разрушила стены Константинополя. Это событие означало конец некогда великой Византийской империи. Незадолго до этой катастрофы греческая церковь, надеясь на помощь латинян, приняла Флорентийскую унию и согласилась на объединение церквей. Русское духовенство отвергло унию и на состоявшемся в Москве соборе объявило о независимости русской митрополии от Константинополя. Таким образом, Русь окончательно стала изолированной цивилизацией, осажденной крепостью.

Тем не менее, Русь сохранила в себе наследие погибшей византийской цивилизации. Живым символом византийского наследия стала племянница последнего императора Софья Палеолог. После падения Константинополя семья Софьи нашла убежище в Риме, и римский папа Павел II предложил ее в жены великому князю Ивану III, надеясь на то, что этот брак поможет восстановлению отвергнутой русскими унии – то есть преодолению межцивилизационного раскола.

С именем Софьи связана первая попытка преодоления культурного отставания России. Ко времени приезда византийской принцессы это отставание было таково, что русские мастера были не в состоянии обновить обветшавшую от времени главную церковь Москвы, Успенский собор. Предполагают, что именно Софья уговорила мужа послать за мастерами в Италию, и, во всяком случае, известно, что прибывшие с ней греки (в том числе, братья Траханиоты и братья Ралевы) владели европейскими языками и стали дипломатами, приглашавшими мастеров в Россию. Приглашение иностранцев со временем приняло масштабный характер: братья Ралевы совершили три поездки в Италию и привезли в Москву несколько десятков специалистов [24, с. 141-148]. Им пришлось объезжать враждебные Польшу и Литву через Молдавию и Крым, но, тем не менее, это был прорыв через межцивилизационный раскол, имевший важные последствия для становления нового Российского государства. Выяснилось, что за первыми рубежами религиозной войны, дальше к западу, существуют силы, с которыми можно поддерживать контакт с целью заимствования технологий.

Первым итальянским инженером, приехавшим в Москву в 1475 г., был Аристотель Фиораванти, которого болонская Синьория считала мастером, «равного которому нет, не только в Италии, но и во всем мире» [17, с. 138]. Фиораванти был приглашен для строительства нового Успенского собора; он научил московских строителей обжигать прочные кирпичи, выделывать хорошую известь, использовать железный крепеж, поднимать грузы с помощью блоков. Более того, Фиораванти отливал медные пушки; в 1478 г. летопись упоминает первый литейный завод – «Пушечную избу», как считают специалисты, построенную итальянцем. А. Л. Хорошкевич называет Фиораванти «создателем русской артиллерии» [39, с. 203].

Для пушек требовалась медь, а на Руси в те времена не было медной руды; это стало главной проблемой для русских оружейников и для правительства. Паоло Джовио со слов московских послов писал, что в России нет никаких металлов, кроме железа [6, с. 496]. Медь доставляли из Германии через Новгород. Эта торговля была сопряжена с большими трудностями: Ливонский орден запрещал вывоз металлов в Россию, и ревельские купцы вели торговлю контрабандой, отправляя металлы в бочках из-под сельди. Чтобы облегчить торговлю с Западом, великий князь в 1492 г. распорядился построить в устье Нарвы каменную крепость Ивангород, но Ивангород не стал «окном в Европу». Это место не было удобным для создания морского порта: из-за быстрого течения реки причалить к отвесному берегу было практически невозможно [39, с. 139, 145-146; 3, с. 314].

Контакты с Западом выявили всю глубину межцивилизационного разлома. Приезжавших в Москву послов шокировал прием во дворце великого князя. «Подавая руку послу римской веры, государь считает, что подает ее человеку оскверненному и нечистому, – писал имперский посол Сигизмунд Герберштейн, – а потому, отпустив его, тотчас моет руки» [4, с. 350]. Бояре брезговали сидеть за одним столом с послами. «Кто ел с латинами, зная об этом, должен быть очищен очистительными молитвами» [4, с. 139]. Историк Л. П. Рушинский сделал подборку сообщений приезжавших в Москву иностранцев: «Иностранцы сознаются, что русские на всех иноверцев без разбора смотрели как на собак, или змей, и называли нехристями, язычниками, еретиками, нечистыми» [27, с. 202].

Легко представить, каково было положение приезжавших в Москву иностранных мастеров. Число желавших поехать в Московию резко сократилось [40, с. 135, 143-146]. Кроме того, закрылись те окна, через которые прежде проникали новые технологии. Крымский хан стал врагом Московии и перекрыл южную дорогу; северная дорога была перекрыта Ливонским орденом. Правда, с 1514 г. ливонцы разрешали – при своем посредничестве – торговлю медью и свинцом, но по-прежнему запрещали торговлю оружием, а с 1530-х гг. препятствовали проезду мастеров. В 1539 г. бежавший из Москвы архитектор Петр Фрязин донес ливонцам о литейном мастере, собиравшемся поехать в Россию, этот мастер был схвачен и сослан «неведомо куда». В 1547 г. эмиссар Ивана IV, саксонец Шлитте прибег к старой уловке: он обещал папе Юлию III и германскому императору Карлу V присоединение России к Флорентийской унии. Шлитте было позволено набрать более ста мастеров, но магистр Ордена пожаловался императору и, в итоге, Шлитте был брошен в тюрьму, а мастера разошлись. Один из них, мастер Ганс, пытался самостоятельно пробраться в Москву, он был задержан на границе и впоследствии казнен [39, с. 61, 148, 152; 40, с. 144-145].

Между тем, «осажденная крепость» подвергалась натиску со всех сторон. Помимо более многочисленной артиллерии, противники использовали новое оружие – аркебузы, которыми была вооружена пехота. Создание многочисленных армий, вооруженных огнестрельным оружием – это была «военная революция», которая должна была повлечь за собой далеко идущие последствия [42]. Страны, не успевшие вовремя перевооружиться и создать новую армию, стояли перед угрозой гибели. Иван IV и советники молодого царя вовремя оценили эту опасность; в 1550 г. был создан корпус «выборных стрельцов» – постоянное войско, находившееся на царском содержании. Эффект был немедленным и впечатляющим:

в 1552 г. царское войско взяло штурмом Казань и присоединило к России среднее Поволжье.

«Военная революция» имела глубокие экономические и технические последствия. Как известно, создание массовой регулярной армии при Петре I потребовало создания военной промышленности и широкого привлечения иностранных специалистов. Нечто подобное мы видим и во времена Ивана Грозного. Создание корпуса стрельцов подразумевало организацию массового производства огнестрельного оружия – аркебуз-«самопалов». Франческо Тьеполо в 1560 г. сообщал, что в Москве есть «длинный ряд мастерских, где делают аркебузы в большой массе» [32, с. 343]. Барберини подтверждает, что москвиты «сами делают пищали... наподобие тех, какие захватили у пленных лет тридцать назад» [1, с. 34]. Конечно, поначалу качество этих изделий уступало западным образцам; английский посол Джильс Флетчер, отмечал, что «отделка ложа очень груба и неискусна, а самопал весьма тяжел, хотя стреляют из него очень небольшой пулей» [35, с. 82]. Железо, получаемое на Руси из болотных руд, было «холодноломким», поэтому стенки ствола делали толстыми, примерно в один сантиметр. Фитильный замок («жагра») был самой простой конструкции и не слишком надежный; когда имелась возможность, к выкованному местными кузнецами стволу приделывали замки «шкоцкие» (шотландские) или «бараборские» (брабантские) [18; 19]. Помимо освоения производства самопалов, требовалось увеличить производства пороха; было налажено производство селитры, которую прежде ввозили из-за границы [13, с. 56].

Однако местное производство было недостаточным, и кроме того, требовался свинец для пуль, медь и олово для пушек – все это приходилось ввозить из-за границы. Ливонский орден по-прежнему не пропускал через границу оружие и мастеров. В 1554 г. при заключении 12-летнего перемирия Москва ультимативно потребовала гарантии беспрепятственного проезда специалистов и свободной торговли русских купцов (а также уплаты старинной дани городом Дерптом). Однако в 1557 г. Ливония и Литва заключили договор не только об оборонительном, но и о наступательном военном союзе против «москвиты»; договор должен был вступить в силу сразу после окончания перемирия. Помимо прочего, в договоре имелся пункт о непропуске в Московию нежелательных лиц [26, с. 182]. В 1558 г. началась Ливонская война, чтобы обеспечить снабжение военными материалами, нужно было прорубить «окно в Европу»; этим окном должен был стать порт Нарвы. Через два месяца после начала войны русские овладели Нарвой и основали «нарвское плавание». Так же, как при Иване III, оказалось, что западнее, за «межцивилизационным расколом», есть купцы, ставящие прибыль выше религиозных соображений. Это были англичане, голландцы, немцы из Любека, причем англичане проявляли такую активность, что царь надеялся заключить с ними военный союз [15, с. 30-31]. Английская торговля вызывала возмущение сражавшихся с русскими ливонцев, поляков, шведов. Польский король Сигизмунд II писал английской королеве: «Московский государь ежедневно увеличивает своё могущество приобретением предметов, которые привозятся в Нарву; ибо сюда привозятся не только товары, но и оружие, до сих пор ему неизвестное; привозятся не только произведения художников, но приезжают и сами художники (т.е. мастера – *С. Н.*), посредством которых он приобретает средства побеждать всех... Вашему величеству небезызвестны силы этого врага и власть, какою он пользуется над своими подданными. До сих пор мы могли побеждать его только потому, что он был чужд образованности, не знал искусств. Но если нарвская навигация будет продолжаться, то что будет... неизвестно» [цит. по: 30, с. 576].

Сохранились сведения о том, что в Москве работали иноземные литейные мастера, у которых были русские ученики. Был построен новый большой Пушечный двор и Иван IV имел до двух тысяч пушек, немецкие пушкари руководили бомбардировкой Полоцка и Ревеля, а немецкие офицеры учили стрелять русских аркебузирова. С помощью инженеров из Италии и Германии были построены «по итальянскому образцу» крепости в Казани, Астрахани и других местах [40, с. 150. 154]. Англичане построили канатную фабрику в Холмого-

рах и получили привилегию на строительство доменного завода на реке Вычегде. Близ Соли Вычегодской была сооружена «железоплавильня» с молотом, работавшим на приводе от водяного колеса – это первые упоминания о попытках строительства в Московии «горных заводов», которые сто лет назад обеспечили технологический прорыв в европейской металлургии [7, с. 251]. Было налажено производство бумаги и печатанье книг. Для обучения Ивана Федорова и других московских типографщиков был вызван из Дании мастер Ганс Богбиндер (1, с. 33-34). Иван IV собирался строить флот и просил королеву Елизавету прислать английских мастеров-кораблестроителей [40, с. 163]. У иностранцев были заимствованы печи с дымоходами и изразцами – но подобная роскошь была доступна только богатым [23, с. 7].

Иван Грозный создавал благоприятные условия для приглашенных им мастеров, торговцев, военных; он построил для них слободу близ Москвы, где имелись лютеранские церкви – это было неслыханно для истово православной Московии. В слободе проживало большое количество солдат-наемников, а также вывезенные из Ливонии знатные пленники; слобожанам было позволено гнать и продавать «хлебное вино», что давало им хорошие прибыли. Голландец, врач Елисей Бомелий, стал ближайшим советником царя, и русская летопись обвиняла его в том, что во время опричнины он подговаривал царя к жестоким казням. Московский дьяк Иван Тимофеев также обвинял Ивана IV в том, что подвергал репрессиям бояр и сделал советниками иностранцев. Сразу после смерти Грозного один из руководителей правительства, дьяк А. Щелкалов не без язвительности послал сообщить послу Боусу, что «ваш английский царь умер» [25, с. 26-27].

Между тем, Ливонская война превратилась в жестокую войну со всем окружающим миром. Непомеренные военные налоги и набеги татар привели к голоду, сопровождавшемуся страшными эпидемиями. Деревни запустели, сбор налогов резко сократился, войско было не на что содержать. Западные противники России сохраняли военно-техническое превосходство, и русская армия терпела поражения. После нескольких измен Иван Грозный разочаровался в своих сотрудниках-европейцах; он воспринимал поражения как кару Божию за допущение лютеранских пастырей на Русь. В 1578 г. по настоянию митрополита Антония царь приказал разорить ливонскую слободу и разрушить лютеранские церкви. Бомелий был уличен в измене и казнен; Иван Грозный стал требовать деньги с английских купцов [41, с. 246; 8, с. 54, 58, 65].

В 1581 г. шведы взяли Нарву и закрыли «окно в Европу». Оставался, правда, открытый капитаном Ченслором северный путь, но он был далек, труден и на этом пути приходилось прорывать установленную датчанами блокаду. Положение Ивана IV было отчаянным. «Его враги – поляки, шведы и крымцы – свидетельствует Горсей, – с трех сторон напали на его страну, король Стефан Баторий угрожал ему, что скоро посетит его в городе Москве. Он быстро приготовился, но не доставало пороха, свинца, селитры и серы, и он не знал, откуда их получить, так как Нарва была закрыта» [5, с. 66].

Недостаток военных материалов заставил Грозного просить мир у своих врагов. Попытка открыть «окно в Европу» закончилась разорением страны и огромными жертвами. Технологические начинания Ивана IV по большей части окончились ничем. Правда, сохранился стрелецкий корпус и необходимое для него производство «самопалов» и пороха. Но проекты строительства железодельных заводов были отставлены, о намерении построить флот забыли, бумажная мануфактура была закрыта [7, с. 251; 29, с. 430-431]. Джильс Флетчер сообщает, что основанная при Иване Грозном типография после его смерти сгорела – «о чем, как полагают, постаралось духовенство» [35, с. 108]. Торговля по северному пути была незначительной, в 1589 г. в Архангельск сквозь льды и шторма пробилось лишь 14 кораблей, тогда как в 1560-е гг. в Нарву их приходило в год около сотни [36, с. 137; 31, с. 64]. Если Нарва была «окном в Европу», то Архангельск – лишь «приоткрытой форточкой».

Борис Годунов, правда, благоволил английским купцам и выражал намерение пригласить в Москву «ученых, чтобы учредить преподавание разных языков». «Но, – как свиде-

тельствует Конрад Буссов, – монахи и попы воспротивились этому... говоря, что земля их велика и обширна и ныне едина в вере, в обычаях и в речи и т.п. Если же иные языки, кроме родного, появятся среди русских, то в стране возникнут распри и раздоры и внутренний мир не будет соблюдаться так, как сейчас» [2, с. 17]. Годунов послал 18 «детей боярских» за границу для обучения языкам, но из них вернулся только один [2, с. 18].

Вместо заключения можно привести две цитаты из записок английского посла Джильса Флетчера. «Будучи невеждами во всем, – писал Флетчер о русских священниках, – они стараются всеми средствами воспрепятствовать распространению просвещения, словно опасаясь, чтобы не обнаружилось их собственное невежество и нечестие. По этой причине они уверили царей, что всякий успех в образовании может произвести переворот в государстве и, следовательно, должен быть опасным для их власти» [35, с. 108]. Что касается простых русских людей, то Флетчер писал: «Они обладают хорошими умственными способностями, не имея, однако, тех средств, какие есть у других народов, для развития их дарований воспитанием и наукой. Правда, они могли бы заимствовать в этом случае от поляков и других соседей своих, но уклоняются от них из тщеславия, предпочитая свои обычаи обычаям всех других стран» [35, с. 137].

Таким образом, принятие православия, в конечном счете, привело к формированию межцивилизационных расколов по границам России, к ситуации, когда страна стала «осажденной крепостью». Духовенство подпитывало идеологию религиозной исключительности и вражды с окружающим миром. Бесконечная война на границах препятствовала заимствованию культурных инноваций, попытки открыть «окно в Европу» окончились неудачей, и военно-техническая отсталость России стала одной из главных причин катастрофы Смутного времени.

Список литературы

1. Барберини, Р. (1842). *Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 году* // Сын отечества. № 7. С. 1-59.
2. Буссов, К. (1998). *Московская хроника* // Хроники Смутного времени. М.: Фонд Сергея Дубова. С. 9-162.
3. Возгрин, В.Е., Терюков, А.И. (2019). *Еще раз о назначении Ивангорода* // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. № 64 (1). С. 311-322.
4. Герберштейн, С. (2008). *Московия*. М.: АСТ. 703 с.
5. Горсей, Дж. (1990). *Записки о России. XVI – начало XVII в.* М.: Издательство МГУ. 288 с.
6. Джовио, П. (1987). *Книга о московитском посольстве* // Все народы едино суть / сост. Н. В. Синицына. М.: Молодая гвардия. С. 479-500.
7. Заозерская, Е. И. (1970). *У истоков крупного производства в русской промышленности XVI-XVII веков*. М.: Наука. 476 с.
8. Зимин, А. А. (1960). *Реформы Ивана Грозного*. М.: Соцэкгиз. 511 с.
9. *Золотая Орда в мировой истории*. (2016) / Под ред. Р. Хакимова и М. Фаверо. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ,. 968 с.
10. Ильин, И. А. (1996). *О русской культуре* // Ильин И. А. Собрание сочинений в 10 томах. М.: Русская книга. Т. 6. Кн. 2. С. 373-620.
11. Кавелин, К. Д. (1989). *Наши умственный строй*. М.: Правда. 659 с.
12. Карамзин, Н. М. (1993). *История государства Российского*. Т. 5. М.: Наука, 565с.
13. Коханович, Н. (2000). *Русский порох* // Химия и жизнь. № 7. С. 55-57.
14. Кызласов, Л. Р. (2002). *Клад земледельческих орудий с надписями XIII века на верхнем Енисее* // Древности Алтая. № 8. URL: <http://e-lib.gasu.ru/da/archive/2002/08/12.html> (дата обращения 20.02.2021).

15. Лабутина, Т. Л. (2011). *Англичане в донетровской России*. СПб.: Алетейя. 268 с.
16. Лобин, А. Н. (2006). *Пушечная изба и производство артиллерии в 1480-1500-е годы* // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века Т. 1. СПб.: ГПИБ. С. 145-164.
17. Матасова, Т. А. (2016). *Софья Палеолог*. М.: Молодая гвардия. 301 с.
18. Мышковский, Е. В. (1961). *Стволы русского ручного огнестрельного оружия XV-XVI вв.* // Советская археология. № 1. С. 225-235.
19. Мышковский, Е. В. (1965). *Замки русского огнестрельного оружия XVI-XVII вв.* // Советская археология. № 4. С. 186-198.
20. Недашковский, Л. Ф. (2000). *Золотоордынский город Укек и его округа*. М.: Восточная литература. 224 с.
21. Нефедов, С. А. (2010). *История России. Факторный анализ*. Т. I. М.: Территория будущего. 376 с.
22. *Очерки русской культуры XIII-XV веков*. (1969). Ч. 1. / Под ред. А. В. Арциховского. М.: Изд. МГУ. 479 с.
23. Петрей, де-Ерлезунда, П. (1867). *История о Великом княжестве Московском*. М.: Университетская типография. 341 с.
24. Пирлин, Г. П. (1892). *Россия и Восток*. СПб.: Издание А. С. Суворина. 235 с.
25. Платонов, С. Ф. (1925). *Москва и Запад в XVI-XVII веках*. Л.: Сеятель. 155 с.
26. Попов, В. Е., Филюшкин А. И. (2009). *«Война коадьюторов» и Позвольские соглашения 1557 г.* // Петербургские славянские и балканские исследования. № 2. С.151-184.
27. Рушинский, Л. П. (1871). *Религиозный быт русского народа по сведениям иностранных писателей XVI и XVII веков*. М.: Издание общества истории и древностей российских. 337 с.
28. Рыбаков, Б. А. (1948). *Ремесло древней Руси*. М.: Издательство АН СССР. 803 с.
29. Савельева Н. В. (2004). *«Бумага для царя Ивана Грозного» в Древлехранилище Пушкинского Дома* // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 55. С. 430-440.
30. Соловьев, С. М. (1989). *Сочинения*. Кн. 3. М.: Мысль. 783 с..
31. Таймасова, Л. Ю. (2012). *Тайны Ливонской войны* // Новый исторический вестник. № 34 (4). С. 58-112.
32. Тъеполо, Ф. (1940). *Рассуждение о делах московских Франческо Тъеполо* // Исторический Архив. Т. 3. С. 306-345.
33. Федеральный закон от 26.09.1997 г. № 125-ФЗ О свободе совести и о религиозных объединениях. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/11523> (дата обращения 20.02.2021).
34. Феодосий. Слово святого Феодосия, игумена Печерского, о вере христианской и латинской. URL: <https://www.odigitria.by/2011/09/02/slovo-svyatogo-feodosiya-igumena-pecherskogo-o-vere-xristianskoj-i-latinskoj/> (дата обращения 20. 02.2021).
35. Флетчер, Дж. (1991). *О государстве Русском* // Проезжая по Московии / Под ред. Н. М. Рогожина. М.: Международные отношения. С. 25-350.
36. Флоря, Б. Н. (1973). *Торговля России со странами Западной Европы в Архангельске (конец XVI – начало XVII в.)* // Средние века. Вып. 36. С. 129-151.
37. Хантингтон, С. (2003). *Столкновение цивилизаций*. М.: АСТ. 603 с.
38. Хорошкевич, А. Л. (1979). *Данные русских летописей об Аристотеле Фиораванти* // Вопросы истории. № 2. С. 201-204.
39. Хорошкевич, А. Л. (1980). *Русское государство в системе международных отношений конца XV - начала XVI в.* М.: Наука. 292 с.
40. Черникова, Т. В. (2012). *Европеизация России во второй половине XV-XVII веках*. М.: МГИМО. 944 с.
41. Шапошник, В. В. (2016). *Протестанты при дворе Ивана Грозного* // Религия. Церковь. Общество. № 5. С. 234-249.

42. Downing, B. (1991). *The Military Revolution and Political Change*. Princeton: Princeton University Press. 308 p.

References

1. Barberini, R. (1842). *Puteshestvie v Moskoviyu Rafaelya Barberini v 1565 godu* [Raphael Barberini's Journey to Muscovy in 1565] in *Syn otechestva*, 7, 1-59. (in Russian).
2. Bussov, K. (1998). *Moskovskaya hronika* [Moscow chronicle] in *Hroniki Smutnogo vremeni*. Moscow, Fond Sergeya Dubova, 9-162. (in Russian).
3. Vozgrin, V. E., Teryukov A. I. (2019). *Eshche raz o naznachenii Ivangoroda* [Once Again about the Purpose of Ivangorod] in *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 64, 1, 311-322. (in Russian).
4. Gerbershtejn, S. (2008). *Moskoviya* [Moskovia]. Moscow, AST Publ. (in Russian).
5. Gorsej, Dzh. (1990). *Zapiski o Rossii. XVI – nachalo XVII v.* [Notes on Russia. 16th - the beginning of the 17th century]. Moscow, Izdatel'stvo MGU. (in Russian).
6. Dzhovio, P. (1987). *Kniga o moskovitskom posol'stve* [The book about the Moscow embassy] in *Vse narody edino sut'*. Moscow, Molodaja gvardija, 479-500. (in Russian).
7. Zaozerskaya, E. I. (1970). *U istokov krupnogo proizvodstva v russkoi promyshlennosti XVI-XVII vekov* [At the origins of large-scale production in Russian industry of XVI-XVII centuries]. Moscow, Nauka. (in Russian).
8. Zimin, A. A. (1960). *Reformy Ivana Groznogo* [Reforms of Ivan the Terrible]. Moscow, Socjkgiz. (in Russian).
9. Hakimov, R., Favero, M. (eds.) (2016). *Zolotaja Orda v mirovoj istorii* [The Golden Horde in world history]. Kazan', Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT. (in Russian).
10. Il'in, I. A. (1996). *O russkoj kul'ture* [On Russian culture] in Il'in I. A. *Sobranie sochinenij v 10 tomah*. Moscow, Russkaja kniga, 6, 2, 373-620. (in Russian).
11. Kavelin, K. D. (1989). *Nash umstvennyj stroj* [Our mental structure]. Moscow, Pravda. (in Russian).
12. Karamzin, N. M. (1993). *Istoriya gosudarstva Rossiiskogo* [History of the Russian state]. Vol. 5. Moscow, Nauka. (in Russian).
13. Kokhanovich, N. (2000). *Russkij poroh* [Russian gunpowder] in *Khimiya i zhizn'*, 7, 55-57. (in Russian).
14. Kyzlasov, L. R. (2002). *Klad zemledel'cheskih orudij s nadpisyami XIII veka na verhnem Enisee* [The Treasure of agricultural tools with inscriptions of the XIII century on the upper Yenisei] in *Drevnosti Altaya*, 8. URL: <http://e-lib.gasu.ru/da/archive/2002/08/12.html> (date accessed: 20. 02.2021). (in Russian).
15. Labutina T. L. (2011). *Anglichane v dopetrovskoi Rossii* [The British in pre-Petrine Russia]. St. Petersburg, Aletejja. (in Russian).
16. Lobin, A. N. (2006). *Pushechnaja izba i proizvodstvo artillerii v 1480-1500-e gody* [Cannon hut and artillery production in 1480-1500-ies] in *Trudy kafedry istorii Rossii s drevnejshih vremen do XX veka*, 1, 145-164. (in Russian).
17. Matasova, T. A. (2016). *Sofya Paleolog* [Sophia Palaeologus]. Moscow, Molodaja gvardija. (in Russian).
18. Myshkovskii, E. V. (1961). *Stvolj russkogo ruchnogo ognestrel'nogo oruzhija XV-XVI vv.* [Trunks of Russian manual firearms 15th – 16th centuries] in *Sovetskaya arkheologiya*, 1, 225-235. (in Russian).
19. Myshkovskii, E. V. (1965). *Zamki russkogo ognestrel'nogo oruzhija XVI-XVII vv.* [Locks of Russian firearms 16th – 17th centuries] in *Sovetskaya arkheologiya*, 4, 186-198. (in Russian).
20. Nedashkovskii, L. F. (2000). *Zolotoordynskii gorod Ukek i ego okruga* [Golden Horde city Ukek and its districts]. Moscow, Vostochnaja literatura. (in Russian).

21. Nefedov, S. A. (2010). *Istoriya Rossii. Faktornyi analiz* [History of Russia. Factor analysis]. Vol. I. Moscow, Territorija budushhego. (in Russian).
22. Arcihovskij, A. V. (ed.) (1969). *Ocherki russkoj kul'tury XIII-XV vekov* [Essays on Russian culture of the 13th – 15th centuries]. Vol. 1. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (in Russian).
23. Petrej, de-Erlezunda, P. (1867). *Istorija o Velikom knjazhestve Moskovskom* [The story of the Grand Duchy of Moscow]. Moscow, Universitetskaja tipografija. (in Russian).
24. Pirling, P. (1892). *Rossija i Vostok* [Russia and the East]. St. Petersburg, Izdanie A. S. Suvorina. (in Russian).
25. Platonov, S. F. (1925). *Moskva i Zapad v XVI-XVII vekakh* [Moscow and the West in the 16th – 17th centuries]. Leningrad, Sejatel'. (in Russian).
26. Popov, V. E., Filyushkin A. I. (2009). «*Voina koad"yutorov*» i *Pozvol'skie soglasheniya 1557 g.* ["The War of the Coadjutors" and the Pozvol'sk Agreements of 1557] in *Peterburgskie slavyanskije i balkanskije issledovaniya*, 2, 151-184. (in Russian).
27. Rushinskii, L. P. (1871). *Religiozni byt russkogo naroda po svedeniyam inostrannykh pisatelei XVI i XVII vekov* [Religious life of the Russian people according to foreign writers of the 16th and 17th centuries]. Moscow, Izdanie obshhestva istorii i drevnostej rossijskih. (in Russian).
28. Rybakov, B. A. (1948). *Remeslo drevnei Rusi* [Craft of Ancient Russia]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR. (in Russian).
29. Savel'eva, N. V. (2004). «*Bumaga dlya carya Ivana Groznogo*» v *Drevlekhranilishche Pushkinskogo Doma* [Paper for Tsar Ivan the Gozny in the Treasury of the Pushkin House] in *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury*, 55, 430-440. (in Russian).
30. Solov'ev, S. M. (1989). *Sochineniya* [Essays]. Vol. 3. Moscow, Mysl'. (in Russian).
31. Taimasova, L. Yu. (2012). *Tajny Livonskoj vojny* [Secrets of the Livonian War] in *Novyi istoricheskii vestnik*, 34 (4), 58-112. (in Russian).
32. T'epolo, F. (1940). *Rassuzhdenie o delah moskovskih Franchesko T'epolo* [Discourse on the Affairs of Moscow by Francesco Tiepolo] in *Istoricheskij Arhiv*, 3, 306-345. (in Russian).
33. Feodosij. *Slovo svyatogo Feodosiya, igumena Pecherskogo, o vere hristianskoj i latinskoj* [The word of Saint Theodosius, Abbot of Pechersk, on the Christian and Latin faith]. URL: <https://www.odigitria.by/2011/09/02/slovo-svyatogo-feodosiya-igumena-pecherskogo-o-vere-xristianskoj-i-latinskoj/> (date accessed 20.02.2021). (in Russian).
34. Fletcher Dzh. (1991). *O gosudarstve Russkom* [About the Russian state] in *Proezzhaya po Moskovii*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 25-350. (in Russian).
35. Florya, B. N. (1973). *Torgovlya Rossii so stranami Zapadnoj Evropy v Arhangel'ske* [Trade of Russia with the countries of Western Europe in Arkhangelsk] in *Srednie veka*, 36, 129-151. (in Russian).
36. Huntington S. (2003). *Stolknovenie tsivilizatsii* [The Clash of Civilizations]. Moscow, AST. (in Russian).
37. Horoshkevich, A. L. (1979). *Dannye russkih letopisej ob Aristotele Fioravanti* [Data of Russian annals about Aristotle Fioravanti] in *Voprosy istorii*, 2, 201-204. (in Russian).
38. Horoshkevich, A. L. (1980). *Russkoe gosudarstvo v sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii kontsa XV-nachala XVI v.* [Russian state in the system of international relations of the late 15th -early 16th century]. Moscow, Nauka. (in Russian).
39. Chernikova, T. V. (2012). *Evropeizatsiya Rossii vo vtoroi polovine XV-XVII vekakh* [Europeanization of Russia in the second half of the 15th – 17th centuries]. Moscow, MGIMO. (in Russian).
40. Shaposhnik, V. V. (2016). *Protestanty pri dvore Ivana Groznogo* [Protestants at the court of Ivan the Terrible] in *Religiya. Tserkov'. Obshchestvo*, 5, 234-249. (in Russian).

Шишка Е. А.
(Санкт-Петербург)

УДК 930

«ВООБРАЖАЕМАЯ ГЕРАЛЬДИКА» МОНГОЛОВ ВО ФРАНЦУЗСКИХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ МИНИАТЮРАХ*

Изучение изображений – это путь, ведущий к пониманию системы ценностей средневекового человека. Если в изучении христианских представлений о монголах историческим и литературным произведениям и уделялось определенное внимание, то иконографические документы зачастую использовались, лишь как иллюстрации к тексту и рассматривались как нечто второстепенное. Одной из слабоизученных тем является изучение «воображаемой геральдики», которой наделялись монголы французскими миниатюристами XIV-XV вв. В основе исследования лежит подход американского искусствоведа М. Камилла, который предполагает изучение не того, что было «на самом деле», а того, что было принесено в описываемую ситуацию средневековыми книжниками. Модель нашего анализа содержания миниатюр основана на методике немецкого исследователя Эрвина Панофски, согласно которой анализ миниатюры проходит в три этапа: 1) доиконографическое описание; 2) иконографический анализ; 3) иконологическая интерпретация. Основу нашего исследования составляют французские рукописи, содержащие изображения монголов с различными геральдическими символами, письменные свидетельства, нумизматические и картографические источники. В ходе работы было отмечено, что монгольская геральдика представлена в формате щитов и знамен. Каждый элемент имеет свой цвет – красный, оранжевый, синий, желтый. Были определены следующие геральдические знаки: дракон, шестиконечная звезда, полумесяц, двузубая тамга, «царская голова», лилии, «звезда Давида», различные геометрические формы фигур и др. Также было определено, что изображение геральдических символов на миниатюрах несет в себе определенную символику – социальную и этническую. С помощью «воображаемой геральдики» христианские миниатюристы определяли место монголов в социальной стратиграфии или подчеркивали этническую принадлежность.

Ключевые слова: книжные миниатюры, воображаемая геральдика, монголы, средневековое искусство, этничность, татары.

DOI: 10.24888/2410-4205-2021-28-3-119-129

The study of images is the path leading to an understanding of the value system of medieval man. If in the study of Christian ideas about the Mongols, historical and literary works were given some attention, then iconographic documents were often used only as illustrations to the text and were considered as something secondary. One of the poorly studied topics is the study of «imaginary heraldry», which was given to the Mongols by French miniaturists of the XIV-XV centuries. The research is based on the approach of the American art critic, M. A. Camillus, which involves the study not of what was «really», but of what was brought into the situation described by medieval scribes. The model of our analysis of the content of miniatures is based on the methodology of the German researcher Erwin Panofsky, according to which the analysis of miniatures takes place in three stages: 1) pre-iconographic description; 2) iconographic analysis; 3) iconological interpretation. Our research is based on French manuscripts containing images of the Mongols with various heraldic symbols, written evidence, numismatic and cartographic sources. During the work, it was noted that the Mongolian heraldry is presented in the format of

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке Российского Научного Фонда (проект «Отложенный план завоевания мира: монголы и Запад, 1219-1260 (Русь, Центральная Европа, Ближний Восток)» № 21-18-00166).

shields and banners. Each element has its own color – red, orange, blue, yellow. The following heraldic signs were identified: a dragon, a six-pointed star, a crescent, a two-pronged tamga, a «king's head», lilies, a «star of David», various geometric shapes of figures, etc. It was also determined that the image of heraldic symbols on the miniatures carries a certain symbolism – social and ethnic. With the help of «imaginary heraldry», Christian miniaturists defined the place of the Mongols in the social stratigraphy or emphasized ethnicity.

Keywords: book miniatures, imaginary heraldry, Mongols, medieval art, ethnicity, Tatars.

Средневековые гербы – европейское явление, продукт христианской эпохи [18, с. 235]. Для своего времени они были выразителем образной личной или группой самоидентификации [11, с. 87], главным определяющим критерием социального статуса [60, р. 3-4]. По меткому выражению А. П. Черных, герб в средние века был своего рода «паспортом», позволяющим узнать о том, кто перед нами предстает – ремесленник, торговец, представитель знати или даже сам правитель [25, с. 281-282].

Но во французских средневековых миниатюрах геральдическая символика встречается не только на щитах и знаменах шевалье (chevalier) и королей (roi de France), но и у монгольских воинов. Истинную геральдику монголов европейцы, судя по всему, не знали, да и собственно говорить о ее наличии приходится очень осторожно, поэтому зачастую французские миниатюристы попросту придумывали фантастические символы и интерпретировали в присущем им духе христианской идеологии. Такое явление вошло в историографию под термином «воображаемая геральдика» [2, с. 89].

В специальной исторической литературе можно найти следующее определение: «Воображаемая геральдика - это общее название средневекового геральдического феномена, представляющего собой комплекс гербов, которыми наделялись исторические персонажи догеральдического периода, мифические и литературные герои» [26, с. 138; 48, р. 258]. Но такими «воображаемыми гербами», как мы сможем увидеть далее, наделялись не только догеральдические или мифические персонажи, как Александр Македонский [51, р.101-114] или Сатана [34, р.96-102], но и современные европейцам восточные враги – «сарацины», мавры, монголы и пр., то есть народы, которые или не имели реальной геральдики, или о ней было неизвестно европейским книжникам эпохи позднего Средневековья. Поэтому фигуры и цвета, изображаемые на щитах монголов, которые мы можем лицезреть в иллюстрациях французских рукописей, – это не что иное, как плод воображения средневековых миниатюристов.

Но стоит отметить, что, создавая книжные миниатюры, средневековые художники уделяли внимание и придавали особое значение каждой детали. Здесь нет ничего лишнего. Иллюстрации сокращали содержание, а поэтому создаваемые книжниками т.н. «визуальные знаки» были наделены символическими коннотациями [44, р. 229]. Изучение этих символов, большинство из которых являлись для средневековых людей социальными и этническими маркерами, позволяет реконструировать представления европейцев о монголах и Востоке, определять характер их взаимоотношений, выделять стереотипы, оценивать уровень знаний о «других», понимать, как функционировал процесс визуализации «другого» в XIV-XV вв.

На наш взгляд, особыми символическими коннотациями была наделена и воображаемая геральдика «татар». Она, как и геральдика мавров или ближневосточных «сарацин», имела кодифицированный вид [27, р. 236]. Французские миниатюристы, в особенности парижские, чаще использовали в изображении геральдических символов знаки «полумесяца» (хилаял) и «звезды» (йылдыз) для обозначения представителей «других» и «чужих» народов. Исключением не стали и монгольские завоеватели. Нами выделяются следующие разновидности упомянутой символической комбинации: «повернутой на запад полумесяц на синем фоне» [38, fol. 22], «повернутый на восток полумесяц на красном фоне» [38, fol. 34v], «повернутый в гору полумесяц на красном фоне» [36, fol. 24], «левосторонняя

шестиконечная звезда с повернутым на запад полумесяцем» [36, fol. 15v], «правосторонняя шестиконечная звезда с повернутыми на восток полумесяцем» [36, fol. 22, 22v, 27] и «повернутые на гору полумесяц и возвышающаяся над ним шестиконечная звезда» [36, fol. 32v, 34, 35 v]. Важно заметить, что не только монголы могли изображаться со знаменами такого типа, но и, к примеру, египетские или сирийские воины, исповедовавшие в рассматриваемое время ислам. Это были символы, характерные для обозначения иноверцев и инородцев.

Традиционно принято считать, что полумесяц – наиболее популярный знак, обозначающий ислам [8, с. 123], а изображение звезды – это знак Востока [8, с. 127]. Действительно, еще в XIX известный русский востоковед В. В. Бартольд называл сочетание звезды и полумесяца символом власти в Западной Азии [4, с. 489-491]. Полумесяц был символом империи Сасанидов на территории Персии (Ирана) и изображался на коронах её правителей как центральный [45, р. 39-40]. И такая трактовка семантики рассматриваемых символом, судя по всему, приближена к действительности.

Однако важно также отметить, что изображение полумесяца со звездой имеет доисламское происхождение [1, с. 194]. На многих христианских храмах эпохи Средневековья и гербах европейских общин и городов встречается полумесяц – на гербе г. Возела (Португалия), Гельтингера Бухта (Германия), Држовице (Чехия) и т. д. В иконографии полумесяц (цата) встречается на иконах Святой Троицы, Спасителя, Пресвятой Богородицы и др. аналогичную символику можно обнаружить и на «воображаемом» гербе ветхозаветного Бальтазара – старшего сына и соправителя последнего царя Вавилонии Набонида [23, с.106].

Однако на наш взгляд, символика, которой миниатюристы позднего Средневековья наделяют монголов, могла быть также связана с главным восточнохристианским государством – Византией. Поскольку изображение полумесяца и шестиконечной звезды на монгольских знаменах идентично гербу Константинополя, который в начале первого тысячелетия не редко изображался на византийских монетах. Примечательно, что расположение рассматриваемых символов на гербах повторяет их траекторию и на монетах – это изображение «повернутые кверху полумесяц и звезда» [12] и «боковое расположение упомянутых символов» [13]. Заимствование элементов из византийской культуры, религиозных противников католической Церкви, вполне объяснимо стремлением познать Восток, который в XIV-XV вв. стал объектом пристального внимания. Как в свое время отметил Дж. Кубиски, занимающийся изучением элементов византийской одежды в парижских миниатюрах, следует исследовать не репрезентации (в поисках реального), а то, как французские художники использовали свои знания о Востоке [41, р. 161]. В нашем случае, важно рассматривать монгольскую символику не как «реальную», а как отражение некоторых представлений средневековых европейцев о восточной символике.

Представляется возможным выдвинуть также еще одну версию происхождения рассматриваемого геральдического символа. В свое время белорусский исследователь А. В. Мартынюк обратил внимание на то, что знамя с изображением полумесяца встречается в сообщении китайского посла Чжао Хуна, посетившего монголов в 1221 г. Согласно анализу текста китайского источника, Чингисхан даровал своему наместнику в Северном Китае Мухали белое знамя с изображением черного полумесяца [10, с.79-83]. Как отмечает А. Г. Юрченко, эмблема Луны являлась императорским символом и часто встречалась на рукавах халатов монгольской знати [29, с. 10]. Возможно, изображение европейскими картографами и миниатюристами «монгольских знамен» с полумесяцами являлось отражением некоторых своих представлений о символике в монгольских средневековых государствах.

В любом случае, на наш взгляд, полумесяц и звезда – это символы, маркирующие монгольских завоевателей, как восточный народ, исповедующий не христианскую веру и имеющий другую культуру. Здесь монголы, как и другие народы Азии, и как жители Византийской империи – «другие» и «чужие». На это указывает не только тот факт, что с

аналогичными символами могли изображаться и другие восточные народы, но и ряд других этнических маркеров, указывающих на инаковость монголов – это внешние корреляции (уродство), головные уборы (восточного типа или колпакообразные), вооружение (луки, копья) и пр. Исходя из этого, представляется возможным отметить, что если рассматривать каждый символ вне контекста и без учета других маркеров, определить семантический смысл того или иного знака становится довольно-таки не просто, однако учитывая вышеназванные критерии, перед нами вырисовывается четкий и понятный для средневекового европейца образ монгольских завоевателей.

Помимо «шестиконечной звезды» и «полумесяца» в вышеназванных рукописях есть также и другие символы, изображенные на знамёнах монгольских воинов. На миниатюре, содержащей сцену битвы при Хомсе, отступающая монгольская армия несет знамя с красным фоном, двумя «звездами Давида» и небольшим кругом между ними. Представленные гексаграммы, в которых два одинаковых равносторонних треугольника наложены друг на друга, возможно, связаны с легендой о форме щитов воинов царя Давида.

На наш взгляд, вполне возможно, что изображение монголов с упомянутым символом отражает эсхатологическую традицию восприятия восточных народов. Еще в 20-е гг. XIII века в Европе под влиянием слухов и религиозных преданий сформировались представления о монголах, начавших на Ближнем Востоке войну против среднеазиатского султаната Хорезма, как о войске библейского персонажа – «царя Давида» [24, с. 122; 19, с. 107; 5, с. 110; 14, с. 114; 15, с. 117; 16, с. 118; 17, с. 120; 28, с. 123]. Несмотря на то, что спустя столетия знания о монголах значительно расширились, книжники XIV-XV веков продолжили считать кочевников потомками древних евреев. Примечательно, что в 1354 году император Священной Римской империи Карл IV даровал евреям Праги привилегию иметь собственный флаг — красное полотнище с изображением шестиконечной звезды. Вполне логично предположить, что между данным флагом и знаменем, изображенным у монголов, может существовать некая семиотическая связь.

В то же время гексаграмма встречается также на флагах средневековых мусульманских государств Карамана и Кандара, с 1286 года и 1308 гг. соответственно зависимых от монгольских правителей государства Хулагуидов [54, р. 454-460]. Данный символ был также обнаружен на монетах, найденных на территории Грузинского царства и отчеканенных на территории Ильханата в XIII-XIV вв. [6;7]. Возможно, что миниатюристы были знакомы с данными символами и соотносили их с символикой монголов, и скорее всего, с государством ильханов. В любом случае, «Звезда Давида», как и «шестиконечная звезда» - это, в первую очередь, маркеры «чужого», указывающие на принадлежность монголов к восточной культуре.

Особого внимания заслуживают миниатюры парижской художницы Жанны де Монбастон. На двух из них, представлены четыре разновидности геральдического знака. Они презентованы в форме типичного французского щита [59, р. 88] - прямоугольника, основание которого составляет 8/9 от его высоты: в середине нижней части он выступает острием и имеет округленные нижние углы. Один из гербов, принадлежащих Хубилаю, представляет собой лазурное поле, усеянное золотыми геральдическими лилиями («Fleur de Lys» [39, s. 89]). Изображение монгольского хана именно с таким символом направлено подчеркнуть его легитимность и принадлежность к «королевской» власти, поскольку изображенный герб полностью идентичен гербу короля Франции, принятому еще в начале XIII века [48, р.98]. Другой герб, принадлежность которого мы также относим к монгольскому хану, имеет точно такую же цветовую символику, однако его элементы указывают на то, что перед нами инородец, поскольку они не соответствуют общепринятым правилам гербового построения. Художник их попросту «вообразил» для того, чтобы наравне с высоким статусом монгольского хана, подчеркнуть и его этническую инаковость.

Другие два герба-символа, изображенные на миниатюрах парижской художницы, противопоставлены вышеприведенным. В ходе нашего исследования их принадлежность

была отнесена к дяде Хубилая Наяну – его военному и политическому противнику. Примечательно, что, как и в случае с «гербами» Хубилая, один из них – прототип реального европейского герба [40, fol. 84], а другой – полностью «воображаемый» [40, fol. 83]. Первый мы находим в Голландском гербовнике конца XIV — начала XV века, где изображение герба Наяна полностью соответствует изображению герба государств, подчинённых Арагонской короне [32, fol. 62r]. Изображение этого герба вполне логично и символично. Изображая Хубилая с символом французских королей, а Наяна с символом их южных соседей и противников, художник, как бы проводя параллель, повествует о противостоянии законного правителя с «бунтовщиком».

Второй символ Наяна, как уже выше отмечалось, полностью «воображаемый». Как и в случае с гербом Хубилая, на одной миниатюре художник демонстрирует статус персонажа, на другой – отношение к нему с точки зрения христианской иконографии и мировоззрения в целом. В руках Наяна оранжевый щит, на котором изображены три повернутые кверху полумесяцы желтого цвета. Таким образом миниатюрист демонстрирует нам то, что перед нами не европейский рыцарь или монарх, чье облачение носит изображенный им воин, а восточный воин, инородец. Аналогичный щит находим у одного из восточных правителей, предположительно, Нубии, в Каталонском атласе, подготовленном в Пальма-де-Майорка около 1375 года, евреем Авраамом Крескесом с сыном Иегудой по заказу арагонского короля Хуана I в качестве дара французскому королю [31].

На знамёнах монголов также можно увидеть изображения царской головы [38, fol.23r, fol. 26r, fol. 26v, fol. 28r, fol. 28v; 36, fol. 16v, fol.17; fol.18, fol. 18v]. Как считает польский исследователь В. Свентославский, «царская голова» олицетворяла Иоанна Пресвитера [56, р. 62]. В 20-30-е гг. XIII века в Европе была популярна версия о том, что данный легендарный правитель возглавлял монгольскую армию во время нашествия на Запад. Но примечательно, что они не всегда идентичны друг другу. То есть, возможно, это не общий символ, как может показаться на первый взгляд. Каждый такой знак отводит нас к определенному монгольскому правителю. Например, нами были выявлены знамена войска сына Чингисхана Угедея [36, fol 16v, fol.17]. На миниатюрах центральноевропейских рукописей исследователи идентифицируют на схожих знамёнах также предводителя монгольского похода на Запад Батыея [55, р. 196-197]. На наш взгляд, семантика такого изображения заключалась в том, чтобы подчеркнуть, что ханская власть – это высшая власть, и она, как и власть любого европейского монарха дана от Бога или же преемственность от Иоанна Пресвитера (легендарного христианского центральноазиатского правителя).

С аккуратностью можно также предположить, что изображение «царской головы», а не, к примеру, «головы мавра», встречаемого на ряде других европейских миниатюр [37, fol.6r], как определенного социального и этнического маркера, было связано с представлением европейцев о монгольских правителях, как о христианских царях. Анализ латинских письменных источников свидетельствует о том, что на протяжении XIII-XV вв. среди представителей европейской элиты не редко расходились слухи о том, что тот или иной монгольский хан принял христианство.

Еще один символ «чужого», который мы встречаем в изображении монголов – это дракон (*drache, dragon*). Как и в случае с «полумесяцем», важно оговориться, что в средние века им наделяли не только иноверцев, но и это был геральдический символ некоторых знатных родов и королевств, в особенности, Уэльса [34, р. 179]. Данный бестиарий был, например, нанесён на знамя Генриха Тюдора (Ланкастера) перед сражением при Босворте в 1485 г. Однако в таких случаях «красный дракон» выступал не христианским символом, а подчеркивал некую историческую связь с легендарными личностями. В данном случае Генрих Тюдор подчеркивал свою древнюю валлийскую родословную, связывая «красного дракона» с легендами о короле Артуре, которые были отражены в популярных

литературных произведениях того времени - в повести «Лид и Ллевелис» (См.: «Мабиногион»), «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского и Ненния.

На одной из миниатюр «Книги чудес», созданной в Париже в XV веке, монгольский воин изображен с прогнутым вовнутрь щитом. На самом щите упомянутый символ - на желтом фоне, изображенный в профиль, красный дракон [42, fol. 33]. Необходимо также отметить, что в рассматриваемой миниатюре можно выделить не один, а сразу два маркера «чужого». Во-первых, красный и желтый – это цвета, имеющие негативные коннотации, ассоциирующиеся у средневекового человека с язычеством. Во-вторых, в христианской экзегезе, дракон редко связывался с легендами о Короле Артуре, в парижской миниатюрной школе «дракон» зачастую выступал как самый общий символ врага христианской Церкви, еще один символ язычества [9, с.332]. Позаимствованный парижской живописью и геральдикой из народных сказаний и житий святых, этот атрибут зла выделяет нам среди всех персонажей монгольского воина – с точки зрения христианского миниатюриста, иноверца и инородца.

Стоит заметить, что, анализируя семантику «дракона» в книжных миниатюрах, важно учитывать и контекст изображения. В данном случае изображение «дракона» можно уверенно отнести к такому понятию, как «иконография Зла», введенного в 70-80 гг. XX века известным французским исследователем М. Пастуро (к такой иконографии геральдист как-раз-таки относил «воображаемые» демонизированные символы иноверцев и инородцев) [47, р. 19-20]. Это обусловлено тем, что на «негативные коннотации» парижского миниатюриста, создававшего образ монголов, как можно заметить, указывает и параллельные маркеры «чужого» - цвета, и собственно сам контекст изображения – борьба против христианского войска. Использование именно этих художественных приемов делало образ монголов, как врага христиан, читаемым и понятным для современников. Однако стоит отметить, что данный символ в отношении монголов встречается крайне редко и более типичен для обозначения сарацин, то есть мусульман.

Также на знамёнах монголов можно встретить различные геометрические формы фигур. Это могли быть различные вертикальные прямоугольники (гонт) [38, fol. 29r, fol. 29v, fol. 46r], шары (тарталетки) [36, fol. 17v, fol. 30, fol. 31v, fol. 33, fol. 33v, fol. 34v], косые линии [38, fol. 47r, fol. 47v], иксоподобные кресты [38, fol. 47v] и др. Не вызывает сомнений, что все символы на щитах монголов, имеют свой культурный смысл. С одной стороны, есть вероятность, что перечисленные символы связаны с географическими локациями и являются искаженными изображениями восточных символов. Подобные знаки обнаружены нами на «гербах», изображенных в ряде портуланов XIV-XV вв. (таких, как ранее упомянутый Каталонский атлас, морские карты Петро Весконте (1318), Далорто (1325), Ажелино Дульчерта (1339), Пицигани (1367), Атласе Авраама Креска (1375), Гуиллельма Солера (1380), Месии де Виладестеса (1413) [46], Габриэля Валсека (1439) и др.

С другой стороны, на данный момент дать утвердительный ответ не представляется возможным. В то же время можно также предположить, что столь хаотичный набор знаков – это аллюзия миниатюристов на то, что у монголов не было настоящей геральдики. Например, в кадольцбургских рукописях XV века красный прямоугольник являлся воображаемым гербом Бога [58, fol. 100r]. Демонстрируя нарушения геральдических правил, художник или художница указывали на инаковость монгольских завоевателей. То же самое наблюдается и в изображении других восточных народов, упомянутых, как в вышеприведённых морских картах, так и в современных им рукописях.

Особый интерес также привлекает одна из миниатюр рыцарского романа начала XV века «Chevalier errant» («Странствующий рыцарь»). Данное изображение посвящено «восточным властителям» [57, fol.162r]. Рассматриваемая миниатюра, на наш взгляд, отражает представления художников о средневековом Востоке в целом. Причём, как отмечал в свое время А. В. Мартынюк, изображения восточных правителей здесь очень индивидуализированы [43, s.128-129].

Наше внимание привлекает изображение «герба» над шатром в левом нижнем углу. С большой долей вероятности можно говорить о том, что это попытка изобразить перевернутую двузубую тамгу ханов Улуса Джучи. Факт использования аналогичных по форме знаков фиксируется на золотоордынских монетах [20, с. 170-177] и керамической посуде XIII-XV вв [22, с.165-122]. Аналогичные изображения можно найти на каффской мраморной строительной плите консула Ди Скаффа, датированной 1342 г. [30, с. 141], или на ряде европейских морских карт XIV в.

Вышеупомянутое изображение символа, схожего с ордынской тамгой, может быть редким исключением и свидетельствовать о некоторой осведомленности миниатюриста о восточной символике. В то же время такое изображение может также указывать и на источники информации о Востоке – это итальянские купцы, в частности генуэзские, часто бывавшие как на территории Улуса Джучи, так и во Франции.

С другой стороны, как отмечают некоторые исследователи, на стенах христианских церквей вплоть до XIV в. также могли изображаться тамгообразные знаки. П. Петрова истолковывает данный факт как графическое обозначение божественной власти - небесной или ханской (царской) [21, с. 42]. И действительно, вряд ли западнохристианские миниатюристы усматривали в ордынской тамге изображение трона [52, р. 467-473], оружия [3, с. 12] или птицы, или пытались понять отличия между хазарской, скифской или ордынской тамгой. Средневековые художники придавали известному им знаку значение геральдического символа, воплощая свои знания, представления и личное отношение. И в данном случае двузубец выступает как символ ханской власти, это еще один «воображаемый герб» одного из монгольских правителей.

Таким образом, на основе вышесказанного можно сделать ряд важных выводов: во-первых, в результате иконографического анализа нескольких десятков книжных миниатюр нами были выявлены различные символы или комбинации геральдических знаков, указывающих на монгольских завоевателей. Среди них можно выделить следующие: дракон, шестиконечная звезда, полумесяц, двузубая тамга, «царская голова», лилии, «звезда Давида», различные геометрические формы фигур и др. Монгольская геральдика представлена в формате щитов и знамен. Каждый элемент имеет свой цвет – красный, оранжевый, синий, желтый.

Во-вторых, изображение геральдических символов на миниатюрах несет в себе определенную символику – социальную и этническую. С одной стороны, нанося на щиты монгольских правителей главный символ французских королей - «лилии», или нанося на знамя монгольского войска «царскую голову», европейские миниатюристы подчеркивали высокий статус ханов или даже их равенство с франкскими королями. С другой стороны, изображение «полумесяца», «шестиконечной звезды» или «звезды Давида» было направлено на то, чтобы показать инаковость монголов – их восточное происхождение. Они же, как и изображение «дракона», также могли указывать на то, что монголы – иноверцы или даже враги христианской церкви. То есть с помощью «воображаемой геральдики» христианские миниатюристы определяли место в социальной стратиграфии или подчеркивали этническую принадлежность, вписывали в устоявшуюся в умах средневековых книжников картину мира, а не, как утверждают некоторые исследователи, совершали попытки принизить или очернить [35, р.139-140]. И монголы, наш взгляд, здесь не были какими-то особенными, они занимали свое место в одном ряду с мусульманами, евреями, африканцами [33, р. 5] – «другими» и «чужими», модель восприятия и визуализации которых формировались по одним принципам и канонам.

И, в-третьих, геральдику монголов можно разделить на исключительно «воображаемую», то есть придуманную художником в рамках его христианского мировоззрения для обозначения «чужого» и «иноного». К таким символам можно отнести хаотические изображения геральдических фигур, вышеупомянутые «царские головы», драконов и т. д. И «воображаемую», но отражающую определенные уровень знаний и

представлений о Востоке. Тут мы имеем вид изображения традиционных восточных символов, таких как «звезда Давида» или «полумесяц», но в особенности – «двухзубчатую перевернутую тамгу» - новый для позднего Средневековья символ, безусловно, связанный с символикой ханов Улуса Джучи. Знание и использование данных символов, на наш взгляд, является важной характеристикой торговых, культурных, дипломатических и, главное - межэтнических отношений Европы и Азии в XIV-XV вв.

Список литературы

1. Абдужемилев, Р. Р. (2019). *Национальные символы в публикациях О. Акчокраклы (комментарии к статье «К вопросу о «Полумесяце»») // Крымское историческое обозрение. № 2. С. 193-202.*
2. Антонов, В. А. (2015). *Воображаемые и приписываемые гербы в свете умозрения Средневековья // Signum. Вып. 8. М.: ИВИ РАН. С. 87-113.*
3. Арсеньев, Ю. В. (2001). *Геральдика: Лекции, читанные в Московском Археологическом институте в 1907-1908 году. М.: Терра. 384 с.*
4. Бартольд, В. В. (1966). *К вопросу о полумесяце как символе ислама // Бартольд В. В. Сочинения. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы. Т. VI. С. 489-491.*
5. Вторая версия послания каноников кафедрального собора Мюнстера членам своего капитула, содержащего перевод третьего отчета о «деяниях царя Давида» // Хаутала, Р. От «Давида, царя Индий» до «ненавистного племса сатаны». Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. С. 109-111.
6. Дирхем с изображением «звезды Давида». Грузия. Shaban АН 661. URL: https://www.zeno.ru/data/4162/661_Shaban.jpg (дата обращения: 21.05.2021).
7. Дирхем с изображением «звезды Давида». Грузия. Ramadan АН [66x]. URL: https://www.zeno.ru/data/4162/medium/66x_Ramadan.jpg (дата обращения: 21.05.2021).
8. Лучицкая, С. И. (2010). *Воображаемая геральдика сарацин: цвета и фигуры // SIGNUM. Выпуск 5. С. 117-128.*
9. Лучицкая, С. И. (2001). *Образ Другого. Мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб.: Алетейя. 398 с.*
10. Мартынюк, А. В. (2008). *Каталонский атлас 1375 г. как источник по истории Золотой Орды и других монгольских государств XIV в. // Труды международных нумизматических конференций «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII-XV веков». М.: Нумизматическая Лит. С. 79-83.*
11. Медведев, М. Ю. (2005). *Немой девиз как геральдическое отражение социокультурных процессов // SIGNUM. Выпуск 3. С. 84-111.*
12. Монета с изображением герба Константинополя. Тип № 1. URL: <https://clck.ru/Tm87d> (дата обращения: 17.03.2021).
13. Монета с изображением герба Константинополя. Тип № 2. URL: <https://clck.ru/Tm7vm> (дата обращения: 17.03.2021).
14. Отрывки из «Дамиаттинской истории» Оливера из Падерборна, содержащие сведения о наступлении «царя Давида» // Хаутала, Р. От «Давида, царя Индий» до «ненавистного племса сатаны». Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. С.111-115.
15. Отрывок из «Анналов Данстейбла», содержащий упоминание о наступлении «царя Давида» // Хаутала, Р. От «Давида, царя Индий» до «ненавистного племса сатаны». Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. С.116-117.
16. Отрывок из «Хроники Англии» Ральфа из Коггсхолла, содержащий упоминание о наступлении «царя Давида» // Хаутала, Р. От «Давида, царя Индий» до «ненавистного племса сатаны». Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. С.117-118.

17. Отрывок из «Турской хроники», содержащий сведения о ходе V Крестового похода // Хаутала, Р. От «Давида, царя Индий» до «ненавистного плебса сатаны». Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. С.118-120.

18. Пастуро, М. (2013). Символическая история европейского средневековья. СПб.: Alexandria. 448 с.

19. Первая версия послания каноников кафедрального собора Мюнстера членам своего капитула, содержащего перевод третьего отчета о «деяниях царя Давида» // Хаутала, Р. От «Давида, царя Индий» до «ненавистного плебса сатаны». Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. С.106-108.

20. Петров, П. Н. (2005). *Тамги на монетах монгольских государств XIII-XIV вв. как знаки собственности* // Труды II международной нумизматической конференции «Монеты и денежное обращение в Монгольских государствах XIII-XV веков». Муром, 6-12 сентября 2003 г. М.: Нумизматическая Литература. С. 170-177.

21. Петрова, П. (1990). *За произхода и значението на знака «ипсилон» и неговите дофонетични варианти* // Старобългаристика. Vol. 14. № 2. С. 39-50.

22. Полубояринова, М. Д. (1980). *Знаки на золотоордынской керамике* // Средневековые древности евразийских степей. М.: Наука. С. 165-212.

23. Слейтер, С. (2005). *Геральдика. Иллюстрированная энциклопедия* / Перевод с английского языка И. Жилинской. М.: Эксмо. 266 с.

24. Три фрагмента из «Хроники» Альберика де Труа-Фонтен, содержащие сообщения о «царе Давиде» // Хаутала, Р. От «Давида, царя Индий» до «ненавистного плебса сатаны». Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. С.120-123.

25. Черных, А. П. (2011). *Гербовник как исторический текст* // Люди и тексты: исторические источники в социальном измерении. Исторический альманах. М.: Институт всеобщей истории РАН. С. 281-298.

26. Черных, А. П. (2014). *Образы античной истории в геральдике XV-XVI вв.* // Люди и тексты. Исторический альманах. Античная традиция в исторической культуре западноевропейского средневековья / Отв. ред. А. И. Сидоров, М. С. Бобкова. М.: Институт всеобщей истории РАН. С. 138-153.

27. Черных, А. П. (2002). *Реальные проблемы воображаемой геральдики* // Восточная Европа в древности и средневековье. Мнимые реальности в античной и средневековой историографии: Тез. докл. / XIV Чтения памяти В. Т. Пашуто, Москва, 17-19 апр. 2002 г. / Отв. ред. Е. А. Мельниковой. М.: Институт всеобщей истории РАН. С. 235-241.

28. Фрагмент из «Хроники» нотариуса Риккардо из Сан Джермано, содержащий сведения о битве на Калке // Хаутала, Р. От «Давида, царя Индий» до «ненавистного плебса сатаны». Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. С. 132.

29. Юрченко, А. Г. (2012). *Элита Монгольской империи*. СПб.: Евразия. 505 с.

30. Юрченко, А. Г. (2018). *Монгольская тамга и полумесяц на геральдических щитах Каффы* // Труды Государственного Эрмитажа. XCIV. Материалы и исследования отдела нумизматики. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа. С. 139-161.

31. Abraham Cresques. Atlas de cartes marines, dit [Atlas catalan]. Bibliothèque nationale de France. Département des manuscrits, Espagnol 30.

32. Armorial de Gelre. Bibliothèque royale de Belgique, côte ms. 15652-56.

33. Arjana, S. (2015). *Muslims in the western imagination*. New York: Oxford University Press. 261 p.

34. Dennys, R. (1975). *The heraldic imagination*. New York: Clarkson N. Potter. 231 p.

35. Caroff, F. (2000). *Différencier, caractériser, avertir: les armoiries imaginaires attribuées au monde musulman* // Médiévales: Langue, textes, histoire. № 38. Pp. 137-148.

36. Fleur des histoires de la terre d'Orient, Paris, vers 1301-1400. Bibliothèque nationale de France. Département des manuscrits. NAF 886.

37. Freytag's Hedwig manuscript. 1451. Wrocław University Library, Inv. no. IV F 192.

38. Hayton, La fleur des histoires de la terred'Orient. Österreichischen Nationalbibliothek, French Codex HS 2623.
39. Henze W. (1958). Ornament, Dekor und Zeichnen. Dresden: Verl. der Kunst. 288 s.
40. Historia de proeliis, translated in French as La vraie ystoire dou bon roi Alixandre, and other romances. Royal 19 D I.
41. Kubiski, J. (2001). *Orientalizing Costume in Early Fifteenth-Century French Manuscript Painting (Cit  des Dames Master, Limbourg Brothers, Boucicaut Master, and Bedford Master)* // Gesta. Vol. 40. No. 2. Pp. 161-180.
42. Livre des merveilles. France, ca. 1410-1412. Biblioth que nationale de France. D partement des manuscrits. Fr2810.
43. Martyniuk, A. (2002). *Die Mongolen im Bild: orientalische, westeurop. u. russ. Bildquellen zur Geschichte des Mongolischen Weltreiches u. seiner Nachfolgestaaten im 13-16 Jh.* Hamburg: Kova . 217 s.
44. Mellinkoff, R. (1993). *Outcasts Signs of Otherness in Northern European Art of the Late Middle Ages.* Berkeley, Los Angeles, Oxford: University of California Press. 397 p.
45. Michael, G. (1984). *Morony Iraq After the Muslim Conquest.* Gorgias: Princeton University Press. 695 p.
46. Mecia de Viladestes me fecit in anno MCCCCXIII. Biblioth que nationale de France, d partement Cartes et plans, GE AA-566 (RES).
47. Pastoureau, M. (1978). *Introduction a l'h raldique imaginaire (XII-XVI s.)* // Revue fran aise d'h raldique et de sigillographie. № 48. P. 18-26.
48. Pastoureau, M. (1996). *Figures de l'h raldique.* Paris: Gallimard. 144 p.
49. Pastoureau, M. (2009). *L'Art de l'h raldique au Moyen  ge.* Paris: Seuil. 237 p.
50. Pastoureau, M. (1993). *Traite d'h raldique.* Paris: Picard; Troisi me  d. 413 p.
51. Raynaud, C. (1993). *Images et pouvoirs au Moyen  ge.* Paris: Le Leopard d'Or. 278 p.
52. Rintchen, B. (1954). *Les signes de propri t  chez les Mongols* // Archiv orientalni. Praha. T. XXII. № 2-3. Pp. 467-473.
53. Smith Charlotte, C. (2014). *Images of Islam, 1453-1600: Turks in Germany and Central Europe.* London: Pickering & Chatto. 276 p.
54. Sumer, F. (2001). *Karamanogullari* // Islam Ansiklopedisi. № 24. Pp. 454-460.
55. Strickland, D. H. (2003). *Saracens, Demons, & Jews. Making Monsters in Medieval Art.* Princeton and Oxford: Princeton University Press. 171 p.
56.  wi tosławski, V. (1996). *Uzbrojenie koczownik w Wielkiego Stepu w czasach ekspansji Mongo w (XII-XIV w.).* Acta Archaeologica Lodziensia.  dź. № 40. Pp. 7-114.
57. Tommaso, III di Saluzzo Il Libro del Chevalier errant. France, 1396-1400. Biblioth que nationale de France. ms. fr. 12559.
58. Ullmann. Das Buch der heiligen Dreifaltigkeit. Deutschland, ca. 1430. Wolfenb ttel. Herzog August Bibliothek. Cod. Guelf. 188 Blank.
59. Von Volborth, C.-Al. (1973). *Heraldry of the World.* Blandford: Blandford Press. 251 p.
60. Wise, T. (1980). *Medieval Heraldry.* Osprey Men-at-Arms № 099. Osprey Publishing. 48 p.

References

1. Abduzhemilev, R. R. (2019). *Natsional'nye simvol'y v publikatsiyakh O. Akchokrakly (kommentarii k stat'e «K voprosu o «Polumesyatse»»)* [National symbols in the publications of O. Akchokrakly (comments to the article «On the question of the «Crescent»»)] in Krymskoe istoricheskoe obozrenie, 2, 193-202. (in Russian).

2. Antonov, V. A. (2015) *Voobrazhaemye i pripisyvaemye gerby v svete umozreniya Srednevekov'ya* [Imaginary and attributed coats of arms in the light of Medieval Speculation] in *Signum*, вып. 8. Moscow, Institut vseobshchey istorii RAN, 87-113. (in Russian).
3. Arsen'ev, Yu. V. (2001). *Geral'dika: Lektsii, chitannyye, v Moskovskom Arkheologicheskom institute v 1907-1908 godu* [Heraldry: Lectures given at the Moscow Archaeological Institute in 1907-1908]. Moscow, Terra. (in Russian).
4. Bartol'd, V. V. (1966). *K voprosu o polumesyatse kak simvole islama* [On the question of the crescent moon as a symbol of Islam] in Bartol'd, V. V. *Sochineniya*. T. VI. Moscow, Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 489-491. (in Russian).
5. Luchitskaya, S. I. (2010). *Voobrazhaemaya geraldika saratsin: tsveta i figury* [Imaginary heraldry of the Saracens: colors and figures] in *SIGNUM*, выпуск 5. 117-128. (in Russian).
6. Luchitskaya, S. I. (2001). *Obraz Drugogo. Musul'mane v khronikakh krestovyykh pokhodoov* [The image of the Other. Muslims in the Chronicles of the Crusades]. St. Petersburg, Aleteyya. (in Russian).
7. Martynyuk, A. V. (2008). *Katalonskiy atlas 1375 g. kak istochnik po istorii Zolotoy Ordyy i drugikh mongol'skikh gosudarstv XIV v.* [The Catalan Atlas of 1375 as a source for the history of the Golden Horde and other Mongol States of the XIV century] in *Trudy mezhdunarodnykh numizmaticheskikh konferentsiy «Monety i denezhnoe obrashchenie v mongol'skikh gosudarstvakh XIII-XV vekov»*. Moscow, Numizmaticheskaya Lit., 79-83. (in Russian).
8. Medvedev, M. Yu. (2005). *Nemoy deviz kak geraldicheskoe otrazhenie sotsiokul'turnyykh protsessov* [Silent motto as a heraldic reflection of socio-cultural processes] in *SIGNUM*, выпуск 3, 84-111. (in Russian).
9. Pasturo, M. (2013). *Simvolicheskaya istoriya evropeyskogo srednevekov'ya* [Symbolic History of the European Middle Ages]. St. Petersburg, Alexandria. (in Russian).
10. Petrov, P. N. (2005). *Tamgi na monetakh mongol'skikh gosudarstv XIII-XIV vv. kak znaki sobstvennosti* [Tamgas on the coins of the Mongolian states of the XIII-XIV centuries. as property signs] in *Trudy II mezhdunarodnoy numizmaticheskoy konferentsii «Monety i denezhnoe obrashchenie v Mongol'skikh gosudarstvakh XIII-XV vekov»*. Murom, 6-12 sentyabrya 2003 g. Moscow, Numizmaticheskaya Literatura, 170-177. (in Russian).
11. Poluboyarinova, M. D. (1980). *Znaki na zolotoordynskoy keramike* [Signs on the Golden Horde ceramics] in *Srednevekovyye drevnosti evraziyskikh stepey*. Moscow, Nauka, 165-212. (in Russian).
12. Sleyter, S. (2005). *Geraldika. Illyustrirovannaya entsiklopediya* [Heraldry. Illustrated Encyclopedia]. Moscow, Eksmo. (in Russian).
13. Chernykh, A. P. (2011). *Gerbovnik kak istoricheskiy tekst* [Herbovnik as a historical text] in *Lyudi i teksty: istoricheskie istochniki v sotsial'nom izmerenii*. Istoricheskiy al'manakh. Moscow, Institut vseobshchey istorii RAN, 281-298. (in Russian).
14. Chernykh, A. P. (2014). *Obrazy antichnoy istorii v geraldike XV-XVI vv* [Images of Ancient history in heraldry of the XV-XVI centuries] in *Lyudi i teksty. Istoricheskiy al'manakh. Antichnaya traditsiya v istoricheskoy kulture zapadnoevropeyskogo srednevekov'ya*. Moscow, Institut vseobshchey istorii RAN, 138-153. (in Russian).
15. Chernykh, A. P. (2002). *Real'nye problemy voobrazhaemoy geraldiki* [Real Problems of imaginary heraldry] in *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Mnimye real'nosti v antichnoy i srednekovoy istoriografii: Tez. dokl. XIV Chteniya pamyati V. T. Pashuto*, Moskva, 17-19 apr. 2002 g. Moscow, Institut vseobshchey istorii RAN, 235-241. (in Russian).
16. Yurchenko, A. G. (2012). *Elita Mongol'skoy imperii* [The elite of the Mongol Empire]. St. Petersburg, Evraziya. (in Russian).
17. Yurchenko, A. G. (2018). *Mongol'skaya tamga i polumesyats na geraldicheskikh shchitakh Kaffyy* [Mongolian tamga and crescent on Kaffa heraldic shields] in *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. XCIV. Materialy i issledovaniya otdela numizmatiki*. St. Petersburg, Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 139-161. (in Russian).

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

Иванов В. В.

(Комсомольск-на-Амуре)

УДК 94(597)+325.8

**ВОЕННАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ США И ЮЖНОГО ВЬЕТНАМА В ЛАОСЕ
ЯНВАРЬ-АПРЕЛЬ 1971 Г. ПО МЕМУАРАМ ВЬЕТНАМСКИХ
И АМЕРИКАНСКИХ УЧАСТНИКОВ ВОЙНЫ**

Статья посвящена истории планирования и осуществления интервенции США и Южного Вьетнама в Лаосе в феврале-апреле 1971 г. Операция получила наименование «Лам-Сон 719». Главная цель вторжения - уничтожить инфраструктуру материального обеспечения Вьетнамской Народной Армии (ВНА) - «Тропу Хо Ши Мина» в Лаосе. Работа построена с привлечением мемуаров – переводов воспоминаний американских и вьетнамских участников боевых действий в Лаосе, военнослужащих армий США, Южного Вьетнама и Демократической Республики Вьетнам. Указанные материалы размещены в монографиях американских и вьетнамских исследователей индокитайского конфликта 1960-1970-х гг. В 1971 г. в обстановке вывода войск из Индокитая американская администрация приняла решение осуществить вторжение в Лаос. Главной целью интервенции было уничтожение объектов «Тропы Хо Ши Мина» в юго-восточных районах королевства. Операция «Лам-Сон 719» должна была продемонстрировать высокую боеспособность южновьетнамской армии. Победа должна была укрепить международный авторитет США. 8 февраля 1971 г. армия Республики Вьетнам (АРВ) вторглась в королевство. Командование ВНА, разгадав замысел противника, стянуло в Нижний Лаос крупные силы. Поддерживаемые американской артиллерией, вертолетами, истребителями-бомбардировщиками и Б-52, южновьетнамские войска вели тяжелые сражения с врагом. Автор рассмотрел некоторые военные и политические аспекты вторжения в Лаос. В статье рассмотрены проблемы южновьетнамских войск. Особое внимание уделено автором анализу морального состояния и боевой эффективности подразделений АРВ во время интервенции в Лаосе. Автор пришел к выводу, что интервенция армий Южного Вьетнама и США завершилась полным провалом. Основные цели вторжения не были достигнуты. Группировка интервентов понесла значительный урон.

Ключевые слова: вьетнамская война, Лаос, Демократическая Республика Вьетнам (ДРВ), США, Республика Вьетнам (Южный Вьетнам), интервенция, Армия Республики Вьетнам (АРВ), Вьетнамская Народная Армия (ВНА).

The article is devoted to the history of the planning and making of intervention of USA and South Vietnam into Laos in February-April 1971. The operation was named «Lam Son 719». The invasion group was to destroy the infrastructure of material support of People's Army of Vietnam (PAVN) – «Ho Chi Minh Trail». The work is built with the assistance of a memoir – translations memories combatants in Laos, soldiers and commanders of Army of United States America, South Vietnam and Democratic Republic of Vietnam. The materials housed in the monographs of American and Vietnam researchers of the Indochina conflict, 1960–1970-s.

In 1971 amid the withdrawal of US troops from Indochina, American administration made a decision to invade Laos. The main target of the intervention was destroying the objects of «Ho Chi Minh Trail» in the southeastern regions of the kingdom. With a success of ARVN in Laos, the

PAVNs combat effectiveness is seriously reduced. This operation was critical test of Vietnamization. «Lam Son 719» had to demonstrate high combat capability of ARVN. The victory was supposed to strengthen international credibility of USA. In 8 February 1971, Army of the Republic of Vietnam (ARVN) invaded into kingdom. The command of PAVN, having guessed the enemy's plan, pulled together large forces in Lower Laos. Supported by U.S. artillery, helicopters, fighters-bombers and B-52s, South Vietnamese troops advanced fought heavy battles with the enemy. The author paid attention to some military and political aspects of intervention into Laos. The article deals with the problems of South Vietnamese troops. Special attention is paid by the author to the analysis of the morale and combat effectiveness units of ARVN during invasion into Laos. The author concluded, that the intervention of ARVN and U.S. Army ended in complete failure. The main objectives of the invasion were not achieved.

Key words: Vietnam war, Laos, DRV, USA, South Vietnam, intervention, Army of the Republic of Vietnam (ARVN), People's Army of Vietnam (PAVN).

DOI: 10.24888/2410-4205-2021-28-3-130-140

Актуальность рассматриваемой проблемы, в первую очередь, истекает из современной ситуации, сложившейся на Ближнем Востоке и в Средней Азии. В 2010-2011 гг. после 8-летней интервенции США и их союзники вынуждены эвакуировать основной состав своей группировки из Ирака. В июне 2011 г. администрация Б. Обамы объявила также о сокращении воинского контингента в Афганистане. Официально вывод войск мотивировался тем основанием, что иракские и афганские правительственные армии в состоянии самостоятельно противостоять силам оппозиции.

Аналогичные шаги были предприняты Вашингтоном в 2020-2021 гг. в Афганистане. С 2014 г. по настоящее время в Афганистане продолжается осуществление миссии НАТО «Resolute Support» («Решительная поддержка»). В ней принимают участие военнослужащие 38 государств. В 2020 г. администрация США, убедившись в невозможности победы над силами вооруженной оппозиции, пришла к выводу, что для продолжения борьбы с отрядами исламских фундаменталистов следует серьезно повысить боеспособность правительственной армии. В этой связи администрациям Ирака (в 2004-2014 гг.) и Афганистана (до настоящего времени) предоставлялась широкая военная и финансовая помощь.

В октябре 2020 г. президент Трамп объявил о намерении завершить миссию пребывания американских войск в Афганистане. В апреле 2021 г. Дж. Байден заявил о выводе контингента США из этой страны в течение мая-сентября с. г. Одним из главных причин этих шагов Вашингтона стало стремление возложить всю ответственность за борьбу с вооруженной оппозицией и стабилизацию в этих странах на правящие режимы.

Параллельно с выводом войск Вашингтон стремился стабилизировать политическую обстановку в этих странах. С этой целью через поставки оружия и работу советников качественно укреплялся военный потенциал Кабула и Багдада. Кроме того, Пентагон предпринимал усилия проведением ряда локальных операций спецназа и ВВС максимально снизить боеспособность сил противника.

Аналогичная ситуация сложилась в период интервенции США в Индокитае в 1960-начале 1970-х гг. Вьетнамская война привела к развитию негативных тенденций в экономике, политической и общественной жизни Америки, ее международном авторитете. Попытки войск интервентов и южновьетнамской правительственной (сайгонской) армии нанести поражение коммунистическому Национальному Фронту освобождения Южного Вьетнама (НФОЮВ) и поддерживавшей его армии Демократической Республики Вьетнам (Вьетнамская Народная Армия, ВНА), Народных Вооруженных Сил Освобождения (НВСО) в 1965-1968 гг. закончились неудачей. Война приняла затяжной характер.

На рубеже 1960-1970-х гг. произошла корректировка курса США в отношении положения в Индокитае. Администрация президента Р. Никсона, убедившись в невозможности достижения военной победы, вступила в переговорный процесс с ДРВ-НФОЮВ в Париже и

начала вывод войск из Индокитая. Однако Вашингтон был заинтересован в сохранении своих позиций в регионе и собственного международного авторитета.

С этой целью американцы стремились повысить боеспособность сайгонской армии и создать буферную зону вдоль границ Южного Вьетнама. В первую очередь, это касалось Лаоса и Камбоджи, т.к. на этих территориях в 1960-х гг. НФОЮВ создал структуру материально-технического обеспечения ВНА («Тропа Хо Ши Мина»). На протяжении всей войны ВВС США и Южного Вьетнама подвергали бомбардировкам приграничные районы, где располагались объекты «Тропы». Однако им не удалось уничтожить систему снабжения войск противника.

В 1970 г. Вашингтон и Сайгон пришли к выводу о необходимости прямого военного вторжения на территорию Лаоса. Это объяснялось следующими причинами:

1. Администрация Р. Никсона считала, что в условиях сокращения войск США в Индокитае необходимо проведение непродолжительных, но масштабных операций в Лаосе и Камбодже с целью уничтожения на территории этих стран объектов «Тропы Хо Ши Мина». Несомненно, это вынудило бы Ханой воздержаться от активных действий в течение продолжительного времени.

2. Вашингтон был убежден, что военная победа, даже локального значения, могла укрепить позиции Америки на переговорах в Париже.

3. Правительство Южного Вьетнама также было заинтересовано в успешном вторжении в Лаос. Во-первых, Сайгон мог использовать паузу в боевых действиях, чтобы укрепить экономику и армию. Во-вторых, исход интервенции мог отразиться на объемах американской помощи Южному Вьетнаму. По определению южновьетнамского генерал-майора Нгуен Зуй Хиня: «Если наступление потерпит неудачу, поддержка США не будет столь же эффективной и адекватной» [14, р. 199].

В Вашингтоне мнения разделились. После провала американо-южновьетнамской интервенции в Камбодже в 1970 г. ряд политиков и военных выступал против эскалации вмешательства Америки в Индокитае. В соответствии с поправкой, подготовленной сенаторами Дж.Ш. Купером и Ф. Черчем, и поддержанной обеими палатами Конгресса в декабре 1970 г., американским военнослужащим запрещалось пересекать границы Камбоджи и Лаоса [5, р. 221].

Активным сторонником вторжения в Лаос являлся командующий ВС США на Тихом океане адмирал Дж. Мак Кейн. Излагая свою точку зрения главе Командования по оказанию военной помощи Вьетнаму генералу К. Абрамсу, он утверждал: «Я понимаю, что эта операция [в Лаосе] может привести к многим проблемам для вас и вооруженных сил Южного Вьетнама ... и настаиваю, чтобы вы немедленно предприняли действия, необходимые для подготовки этого плана» [14, р. 199].

23 декабря 1970 г. президент США Р. Никсон одобрил проведение операции «Dewu Canyon II/Lam Son 719» в районе дороги № 9 в Нижнем Лаосе [11, р. 241-242]. В состав сил вторжения входили 1-я воздушно-десантная (ВДД), 1-я пехотная дивизии (ПД), 1-я бронетанковая бригада, 1-я группа «рейнджеров» армии Южного Вьетнама; в резерве находилась 258-я бригада морской пехоты. По данным американского историка С. Кутлера, численность группировки составляла 16 тыс. чел. [9, р.276]. Общее командование сайгонскими войсками осуществлял командующий 1-м корпусом генералом Хоанг Куан Ламом. Управление поддержкой американской артиллерией и ВВС было возложено на командира XXIV корпуса армии США генерал-лейтенанта Д. У. Сазерленда.

Данные современных вьетнамских историков и военных по численности сил вторжения нередко отличаются. Например, исследователь Хоанг Кхой утверждает, что войска интервентов насчитывали 23 тыс. чел. В их распоряжении было более 1 тыс. единиц автомобильной и бронетанковой техники, 200 орудий и минометов [6, р.85]. Командир 470-го корпуса ВНА генерал-лейтенант Донг Сай Нгуен приводит другие данные: 4 тыс. южновьетнамцев, 6 тыс. американцев. Они располагали 600 танков и бронетранспортеров, более 300

орудий. Воздушное прикрытие осуществляли ВВС США и Южного Вьетнама, насчитывавшие 1000 единиц авиатехники, включая 600 вертолетов [4, р. 174].

Следует учесть, что официально в наземных действиях в Лаосе принимали участие только южновьетнамские войска. В начале января 1971 г. поправка Купера-Черча вступила в силу. На границах Южного Вьетнама и Лаоса даже были установлены плакаты, уведомлявшие о недопустимости пересечения американскими военными лаотьянской границы. Тем не менее, ограничения не относились к действиям ВВС США.

Таким образом, главными целями операции «Lam Son 719» являлось выведение из строя дороги № 9 – коммуникации, связывавшей НФОЮВ и ДРВ, уничтожение базовых районов ВНА № 604, № 611, т. е. ликвидировать систему снабжения коммунистических сил в Нижнем Лаосе [3, р. 43]. Операция должна была продолжаться в течение 3 месяцев и завершиться до начала сезона муссонов.

Интервенция состояла из четырех фаз и осуществлялась в следующей последовательности. На первом этапе, получившем кодовое наименование операция «Dewu Canyon II», в течение 30 января-7 февраля 1971 г. американские войска освободили от противника район демилитаризованной зоны (17-й параллели) и северо-западный участок границы с Лаосом. В составе группировки действовали части 1-й бригады 5-й пехотной дивизии, дивизии «Америкэл» и 101-й воздушно-десантной бригады. Их общая численность превысила 9 тыс. чел. [15, р. 361-362] Под их контролем оказался район, где располагался небольшой участок дороги № 9. По этой коммуникации, ведущей в Нижний Лаос, планировалось продвижение бронетехники интервентов.

В конце января-начале февраля 1971 г. на северо-западе Южного Вьетнама создавался плацдарм для интервенции. Здесь было завершено сосредоточение основных сил вторжения. Произведен ремонт участка дороги № 9 до лаотьянской границы. Оборудовались несколько баз огневой поддержки (Fire Support Base, FSB), которые осуществляли прикрытие южновьетнамских войск непосредственно в Лаосе. В эти пункты были переброшены американские части дальнобойной артиллерии. Создавались аэродромы для ВВС США. С этой целью американцы восстановили взлетно-посадочные полосы авиабазы Кхе-Сань, оставленной ими в 1968 г. До 5 февраля подготовка к интервенции была завершена [10, р. 260].

На втором этапе «Lam Son 719» силы интервентов должны были вступить в Лаос и овладеть городами Алуой и Чепон. В ходе третьего этапа планировалось уничтожить вражескую систему материального обеспечения в базовом районе ВНА № 604. Для усиления интервентов вводилась 258-я бригада морской пехоты [14, р. 201]. На четвертом этапе южновьетнамские войска должны были разгромить базовый район ВНА № 611. После этого предполагался общий вывод группировки из королевства.

Для успешного осуществления интервенции Вьентьян планировал проведение действий отвлекающего характера силами правительственной армии Лаоса (FAR, Forces Armées Royales), формирований генерала Ванг Пао и других отрядов горного племени хмонгов [3, р. 13]. В частности, в III округе 30-я мобильная группа развернула операцию под кодовым наименованием «Silver Buckle» [3, р. 43]. 33-я мобильная группа была десантирована ВВС FAR в окрестностях Чепона. Их главной целью были удары по коммуникациям ВНА.

Кроме того, в район Луангпрабанга, где активизировались войска ВНА, передислоцировались 32-я и 11-я мобильные группы воинов-хмонгов [7, р. 253]. Их задачами являлось: сковать как можно больше сил северовьетнамской армии и не допустить их передислокации в Нижний Лаос.

По расчетам Сайгона, силы ВНА в юго-восточной части Нижнего Лаоса состояли из 3 пехотных полков, артиллерийского подразделения, частей тылового обеспечения и связи. Численность этой группировки была следующей: регулярные части – 7 тыс. чел., подразделения тылового обеспечения – 10 тыс. чел., отряды Народной Армии Освобождения Лаоса (НАОЛ) – 5 тыс. чел. [14, р. 202]

По мнению К. Абрамса, эти части не получили бы немедленную поддержку главных сил северовьетнамской группировки в Лаосе. По расчетам Сайгона, 8 полков ВНА могли прибыть в район Чепона только через 2 недели после начала интервенции. В первую очередь это касалось танковых и артиллерийских частей. Следовательно, Вашингтон и Сайгон рассчитывали на внезапность и успех вторжения.

Эта убежденность подкреплялась данными разведки. В «Донесении о результатах боя» полковник А. У. Пенс, старший советник 1-й ВДД отмечал: «Было очевидно, в тот момент разведка США полагала, что наступление не встретит серьезного противодействия и что за счет проведения силами тактической авиации двухдневной подготовки перед днем «Д» удастся обезвредить средства ПВО противника, хотя было известно о наличии у него в оперативно-тактическом районе от 170 до 200 зенитных орудий разного калибра. Угроза со стороны бронетехники представлялась минимальной, а срок, за который противник мог подтянуть к местам боев две дивизии из районов к северу от демилитаризованной зоны, оценивался в две недели» [1, с. 625]. В реальности, в начале 1971 г. в Нижнем Лаосе располагались 4 пехотных дивизии ВНА, 2 отдельных пехотных полка, 8 артполков, 3 инженерных полка, 8 полков ПВО, 8 саперных батальонов [14, р. 202].

Расчеты Вашингтона и Сайгона на внезапность интервенции не оправдались. Лидеры ДРВ и НФОЮВ, проанализировав результаты вторжения США и Южного Вьетнама в Камбоджу в 1970 г., правильно оценили вероятность распространения интервенции на восточные районы Нижнего Лаоса, демилитаризованную зону (по 17-й параллели) или ДРВ. В октябре 1970 г. министр обороны Северного Вьетнама Во Нгуен Зиап создал 70-й В корпус для оперативного управления 304, 308 и 320-й дивизиями ВНА, дислоцировавшимися в Лаосе, демилитаризованной зоне и на юге ДРВ. Корпус имел задачу – отразить вторжение американо-южновьетнамских интервентов вдоль дороги № 9 [4, р. 176]. Его переброску удалось осуществить скрытно.

В начале 1971 г. правительство ДРВ и командование ВНА получили из различных источников сведения о подготовке интервенции в Лаос. По свидетельству Донг Сай Нгуена, уже 28 января 1971 г. в его штаб поступила информация о сроках вторжения и его основных направлениях. Вследствие публикаций в западных СМИ и работы спецслужб, Ханой получил сведения о планах противника. Политбюро ПТВ и Политуправление ВНА приняли решение провести контрнаступление. Было образовано фронтовое управление, которое возглавили заместитель начальника Генерального штаба генерал-майор Ле Чонг Тан и генерал-майор Ле Куанг Дао в качестве политкомиссара [4, р.168-169]. Для обеспечения противовоздушной обороны командование 470-го корпуса сосредоточило в районе Ба Донг — Тха Ме — Ла Хап 5 зенитных полков, 1 дивизию (в ее состав был включен зенитно-ракетный полк), 10 отдельных батальонов, 25 рот и 33 зенитно-пулеметных взводов. В их распоряжении было 300 орудий и значительное число пулеметов [4, р. 171].

Вторжение в Лаос, назначенное на 5-6 февраля, пришлось отсрочить на два дня. Обильные осадки полностью исключили действия ВВС. 8-9 февраля началась вторая фаза «Lam Son 719». Основной удар наносили 1-я ВДД и 1-я бронетанковая бригада, усиленная 1-м и 8-м воздушно-десантными батальонами [11, р. 240]. Эти соединения, используя вертолетные десанты, должны были наступать общим направлением на г. Алуой. Конечной целью операции было овладение Чепоном – крупной перевалочной базой ВНА. Его планировалось захватить также посредством комбинированного удара.

1-я ПД, прикрывая левый фланг основных сил вторжения, наступала южнее дороги № 9. В ее задачу входил захват контроля на плато Коу Рок, оборудование площадок для десантов (Landing zone, LZ) и баз огневой поддержки на господствующих высотах. На правом фланге группировки интервентов аналогичные задачи выполняли 1, 8 и 39-й батальоны «рейнджеров», постоянно дислоцировавшиеся в Табате (Южный Вьетнам).

Первоначально южновьетнамские войска встретили слабое сопротивление врага. Командование ВНА не спешило вводить в бой свои основные силы. По воспоминаниям

Донг Сай Нгуена: «Командование инструктировало все наши части — позволить противнику углубиться в районы боев, а потом, сосредоточив огонь из всех видов оружия на вертолетах, уничтожить его под лозунгом «Дать войти, но не дать уйти» [4, p. 175].

Тем не менее, темп движения интервентов был низким. 8 февраля группировка прошла 9 км; 9 февраля — только 2 км. Это объяснялось плохим состоянием коммуникации, размытой дождями. Последнее весьма негативно отразилось на снабжении сил вторжения.

Действия интервентов активно поддерживала 834-я дивизия ВВС США. Только стратегические бомбардировщики Б-52 на протяжении интервенции совершали по 30 вылетов в день. В течение всей операции «Lam Son 719» американская авиация произвела более 2 тыс. вылетов, перевезла 14 тыс. чел., 21 тыс. т. грузов [10, p. 258].

На лаосской территории интервенты построили 4 LZ, назвав их именами известных кинозвезд: «Лиз» (Э. Тейлор), «София» (С. Лорен), «Лоло» (Дж. Лоллобриджида), «Хоуп» (Х. Лэнг) [10, p. 264-265]. Это позволило увеличить радиус действия вертолетов. Тем не менее, сложные метеорологические условия не позволили южновьетнамским войскам воспользоваться этим преимуществом в полном объеме.

Иногда плохая координация действий ВВС с войсками приводила к трагедиям. Американская журналистка Ю. Кобурн вспоминала: «За ночь до вторжения я находилась в южновьетнамской части на границе с Лаосом вместе с фотографом Ларри Барроузом и репортерами Джоном Саром из «Life» Дэвидом Барнеттом из «Time». Мы все стояли, наблюдая закат... Внезапно появился американский самолет и сбросил на наше расположение кассетные бомбы. Пилот должно быть думал, что мы плохие парни с «Тропы Хо Ши Мина» и пытаемся пересечь границу... Тела были повсюду. Может быть, десять человек были убиты, пятьдесят или шестьдесят ранены. Мы пытались стащить некоторых из этих людей с холма, но их тела просто развалились» [2, p. 410].

10 февраля 1971 г. в район Алуой был высажен вертолетный десант 1-й ВДД, который соединился с частями бронетанковой бригады [10, p. 259]. Части ВНА, не оказав сопротивления, покинули город. Однако после его взятия войска интервентов прекратили наступление. Следует учесть, что расстояние от Алуоя до Чепона было всего 15 км. К. Абрамс требовал от Сазерленда и Хоанг Куан Лама продолжения операции. Тем не менее, его приказы не были выполнены. Пауза в наступлении объяснялась следующими причинами:

1. Вторжение в Лаос осуществлялось в условиях сильно пересеченной местности, которая изобиловала естественными препятствиями: густые джунгли, бездорожье, болота, долина р. Ксепон. Все это серьезно затрудняло прохождение бронетехники. Единственная магистраль — дорога № 9 — была окружена высотами. Это обстоятельство облегчало частям ВНА обстреливать коммуникацию из тяжелых орудий, действовать из засад.

2. Вследствие плохой погоды интервенты использовали вертолеты, действовавшие на малых высотах, только 5 раз в день. Кроме того, низкая облачность и горная местность вынуждали ВВС сократить число воздушных коридоров. Это также позволяло ВНА и НА-ОЛ эффективно использовать средства ПВО.

3. Низкий уровень подготовки южновьетнамских войск. Генерал-майор Нгуен Зуй Хинь утверждал: «Еще одним недостатком южновьетнамских частей батальонного уровня и ниже был провал в маневрировании в ходе боя. После первого контакта они предпочитали остановиться и ждать поддержки, чем провести разведку и маневрировать, чтобы атаковать и сблизиться с врагом. Этот недостаток отражал необходимость в дополнительной подготовке младших командиров» [14, p. 211]

4. По мнению генерал-лейтенанта армии США Ф.Б. Дэвидсона, прекращение наступления объяснялось вмешательством президента Нгуен Ван Тхиеу, который приказал Хоанг Куан Ламу и командирам дивизий проявлять осторожность, избегать больших потерь. Это привело к утрате инициативы командованием группировки.

В это же время северовьетнамское командование активизировало переброску в Нижний Лаос крупных сил. Уже к началу февраля, в районе Чепона был сосредоточен 70 В ар-

мейский корпус ВНА, в состав которого входили 304, 308, 320-я дивизии, девятнадцать батальонов ПВО и 64-й отдельный полк [4, р. 176]. Кроме того, к ним присоединилась 2-я пехотная дивизия НВСО, усиленная артиллерией.

17 февраля части ВНА предприняли ряд сильных контратак. Южновьетнамцы оказывали беспорядочное сопротивление. Некоторые части упорно сражались, другие бездействовали. Например, авангард танковой бригады, получивший приказ генерал-лейтенанта Ду Куанг Донга взаимодействовать с десантниками, потеряв в первой стычке с ВНА два танка, немедленно прекратил продвижение [14, р. 208].

19 февраля северовьетнамские танковые части подвергли атакам правый фланг противника. В бой вступила 308-я дивизия ВНА – одно из самых боеспособных соединений. В районе дороги № 9 начал наступление 24-й В полк 304-й дивизии ВНА. В ходе боев был обескровлен 39-й южновьетнамский батальон рейнджеров, потерявший 178 чел. убитыми и 145 ранеными [14, р. 207]. Вследствие сильных обстрелов тяжелой артиллерии ВНА было нарушено снабжение сил интервентов.

В начале 20-х чисел февраля 320, 324 и 304-я дивизия ВНА при поддержке артиллерии и танков перешли в наступление. Наиболее ожесточенные столкновения развернулись за господствующие высоты № 532, 540, 550, 660 и 723, расположенные к северу и югу от дороги № 9. Северовьетнамцы добились серьезных успехов. 64-й полк 320-й дивизии захватил штаб 3-й воздушно-десантной бригады врага. В плен был взят командир подразделения полковник Нгуен Ван Тхо [4, р. 176-177].

2-я дивизия НВСО окружила и разгромила 1-й полк 1-й ПД противника в боях за высоту № 723. Это же соединение взяло штурмом высоту № 660. При этом было уничтожено в пленено более 1 тыс. южновьетнамцев [4, р. 178].

В тяжелом положении оказались 3-й и 21-й воздушно-десантные батальоны. Оба подразделения вели бои в окружении и несли потери. Командир 21-го батальона в момент прорыва противника вызвал по радио огонь артиллерии на свои позиции и был убит вражеским снарядом.

24 февраля 3-й батальон оборонял базу огневой поддержки на высоте № 31. Американский историк К. Нолан дал следующую оценку этому бою: «3-й воздушно-десантный батальон в одиночку подвергся хорошо скоординированной атаке танков и пехоты противника. ВВС США бросили их ради собственных товарищей. Южновьетнамская бронетехника остановилась и выжидала. Единственным летательным аппаратом над высотой № 31 был вертолет с несколькими советниками-десантниками на борту. Он снизился и открыл беспорядочный огонь из пулемета М-60 по стремительно атакующим» [14, р. 209].

25 февраля ВНА прекратила наступление. Несмотря на изменение ситуации, южновьетнамское командование не предприняло никаких контрмер. Единственным средством эффективного противостояния ВНА были удары ВВС. Однако и они совершали просчеты. 24 февраля два батальона 1-й ПД по ошибке попали под бомбовый удар [10, р. 261]. В результате, они бросили свои позиции, которые немедленно были заняты частями ВНА.

Негативным фактором в развитии интервенции оставалось постоянное вмешательство Нгуен Ван Тхиеу в военное планирование. 19 февраля генерал Хоанг Куан Лам встретился с президентом и доложил об ухудшении ситуации в связи с вводом в сражение крупных сил ВНА. По свидетельству генерала Нгуен Зуй Хиня, Нгуен Ван Тхиеу отдал распоряжение «не спешить и... расширить поисковую деятельность в юго-западном направлении» [1, с. 627]. Фактически это был приказ не предпринимать активных контрдействий.

Осуществление войсками FAR и армии Ванг Пао действий отвлекающего характера не имело значения для операции «Lam Son 719». Успеха добились только 32-я и 11-я мобильные группы, которые в боях за Луангпрабанг нанесли поражение 335-му полку ВНА. Однако эта победа имела локальное значение. Силы Ванг Пао, дислоцировавшиеся во II округе, не смогли предпринять широких наступательных действий [7, р. 254].

28 февраля на очередном совещании с Нгуен Ван Тхиеу генерал Хоанг Куан Лам предложил следующий план. 1-я ПД, усиленная свежим 2-м пехотным полком, должна осуществить прорыв и захват Чепона с юга [14, р. 219]. 1-я ВДД обеспечивала прикрытие с правого фланга. Роковым стало решение Нгуен Ван Тхиеу о перегруппировке сил в ходе наступления. 28 февраля Сайгон приказал заменить 1-ю ВДД бригадой морской пехоты.

3-6 марта части 1-й ПД предприняли ряд атак в западном направлении. Их действия поддерживали бомбардировщики Б-52. 6 марта 1971 г. интервенты провели десантную операцию, перебросив в район Чепона на 120 вертолетах 2 пехотных батальона. Их потери были минимальны – 1 вертолет [1, с. 629].

7 марта части 1-й ПД без потерь заняли Чепон и перешли к обороне, но удержать позиции не смогли, т.к. в это время командование ВНА ввело в бой все свои силы. Войска 70-го корпуса, используя бронетехнику и артиллерию, овладели дорогой № 9 и нанесли ряд контрударов по интервентам. В ходе боев проявилось превосходство танков Т-34 и Т-54, которыми были оснащены части ВНА, над легкими американскими машинами М-41.

8 марта южновьетнамские войска начали быстрый отход. Единственным средством, способным замедлить продвижение ВНА стали бомбардировки ВВС США. Благодаря взаимодействию с воздушной разведкой и наземными авианаводчиками, удары по северовьетнамским мехколоннам оказались эффективными, и контрнаступление было сорвано.

9 марта при Нгуен Ван Тхиеу состоялось совещание с участием представителей южновьетнамского и американского генералитета по ситуации в Лаосе. Хоанг Куан Лам предложил вывести войска из королевства в строгой последовательности, от одной LZ к другой. При этом предполагалось широкое использование вертолетов. К. Абрамс выступал против отхода, рекомендуя усилить группировку 2-й южновьетнамской ПД и осуществить главные цели «Lam Son 719» [5, р. 221-222].

Американский генерал утверждал, что ВНА «должна быть остановлена, и крупное сражение, которое могло быть самым решающим сражением войны, должно быть выиграно. Я настаивал на использовании 2-й южновьетнамской пехотной дивизии в «Lam Son 719». В политическом, психологическом и военном аспектах президенту Тхиеу не осуществить что-либо меньше. У нас есть ресурсы, чтобы добиться этого» [14, р. 217]. Тем не менее, лидер Южного Вьетнама принял план Хоанг Куан Лама. Отказ Сайгона от продолжения вторжения в Лаос объяснялся следующим:

1. Войска ВНА продемонстрировали свое превосходство, особенно в танках и артиллерии, нанесли большой урон врагу.

2. Переброска 2-й ПД не спасла бы положение. Это соединение находилось в стадии формирования, его боеспособность была низкой [14, р. 224].

Вывод южновьетнамских войск из Лаоса был организован крайне неумело и носил характер беспорядочного бегства. Для обеспечения отхода использовались ВВС США. Только 19 марта 1971 г. они осуществили 686 вертолето-вылетов, 246 вылетов силами тактической авиации, 14 вылетов стратегической авиации [10, р. 262]. Бомбардировки нанесли большой урон войскам ВНА. Это на время задержало их продвижение и спасло группировку интервентов от полного разгрома.

Кроме того, ВВС США занимались эвакуацией отступающих сайгонских частей. Нередко мероприятия по спасению сопровождались трагедиями. По свидетельствам иностранных журналистов, южновьетнамцы в борьбе за место в вертолете предлагали деньги пилотам, угрожали расправой, симулировали ранения и даже пускали в ход оружие друг против друга [8, р. 644-645]. Экипажам часто приходилось действовать предельно жестко.

Например, командир вертолета, капитан ВВС США Р. Джонсон при эвакуации солдат 1-й ПД из LZ «Lolo» приказал столкнуть четверых из них, цеплявшихся за полозья. Впоследствии Джонсон объяснял свои действия тем, что машина была перегружена. На его борту находилось 31 чел., включая четырех членов экипажа. Следовательно, ценой жизни четырех солдат Джонсон спас пехотный взвод и собственных подчиненных [14, р. 231].

15 марта 1971 г. в журнале «Newsweek» сообщалось: «Для современной американской воздушной кавалерии погружение в Лаос было подобно конной атаке в старое время: превосходно, эффективно, потрясающе — и ужасно дорого. Сейчас, 4 недели американские вертолеты летали сквозь сильнейший в истории индокитайской войны огонь зениток... Привычная бравада вертолетчиков стала истощаться» [13, р. 172].

Официально операция «Lam Son 719» была завершена 6 апреля. 7 апреля президент Р. Никсон в выступлении по телевидению официально подвел ее итоги, заявив: «Сегодня я могу сообщить, что вьетнамизация успешно завершена» [2, р. 394]. Глава США поддержал оценку результатов вторжения, сделанную советника по национальной безопасности Г. Киссинджером: «Если бы я знал бы до того, как все это началось, что должно было случиться именно так, как это было, я бы все равно поступил бы так же» [12, р. 339]. В своем личном интервью журналисту ABC Г.К. Смит Никсон утверждал, что северовьетнамские перевозки в Нижнем Лаосе снизились на 75 % [10, р. 271].

Иного мнения придерживались американские дипломаты. Бывший посол США в Лаосе У. Салливан называл интервенцию «совершенно безответственным испытанием» [12, р.339]. Действующий представитель Белого дома в королевстве Г. М. Годли был более радикален: «Я не думал, что это будет таким провалом — со столь ужасными жертвами» [12, р. 339].

В реальности, результаты вторжения в Нижний Лаос были неудовлетворительными. Планы Южного Вьетнама и США на уничтожение системы снабжения ВНА и НАОЛ не осуществились. Ущерб, нанесенный объектам «Тропы Хо Ши Мина», был быстро восстановлен.

Информация по потерям американско-южновьетнамских войск и ВНА во время операции «Lam Son 719» весьма противоречива. По данным командования XXIV корпуса армии США, группировка интервентов потеряла 9065 чел. – 1402 американца (215 убитых), 7683 южновьетнамцев (1764 убитых). Войсками ВНА были уничтожены 54 танка, 87 бронемашин, 96 артиллерийских орудий, 211 грузовых автомашин [1, с. 631]. Генерал Сазерленд утверждал, что 1-я бронетанковая бригада потеряла 60 % бронетехники, 54 (105-мм) и 28 (155-мм) гаубиц [10, р. 271].

Значительный урон понесли ВВС США. ПВО ВНА уничтожили 7 истребителей-бомбардировщиков, 108 вертолетов, 605 повредили [12, р. 338]. При отступлении интервенты бросили 21 танк, более 50 грузовых автомобилей. Части ВНА захватили весь парк инженерной техники (13 бульдозеров, 2 грейдера, 2 трейлера и т.п.) [14, р. 223].

Аналогичная ситуация сложилась с потерями ВНА. По американским данным, в ходе вторжения было уничтожено около 20 тыс. северовьетнамских бойцов и командиров [10, р. 273]. По мнению генерал-лейтенанта Ф. Б. Дэвидсона, войска ВНА потеряли 106 танков (подтверждено 88), 13 артиллерийских орудий, 2001 автомашину (подтверждено 422), 170346 т. боеприпасов (подтверждено 20000 тонн), 1250 тонн продовольствия [1, с. 631]. Однако эта информация небезупречна.

Причины фактического провала вторжения в Лаос заключались в серьезных просчетах Вашингтона и Сайгона. По мнению Г. Киссинджера: «Главный промах состоял в том, что как показали события, план не имел ничего общего с реалиями Вьетнама» [1, с. 637]. Не оправдались расчеты К. Абрамса на слабое сопротивление ВНА. В документе «Донесение о результатах боя», составленном американскими офицерами 7 февраля 1971 г., отмечалось: «Было очевидно, в тот момент разведка США полагала, что наступление не встретит серьезного противодействия» [1, с. 625]. Однако, как указывалось, уже на четвертый день вторжения интервенты подверглись контратакам.

Вторжение в Лаос продемонстрировало не только просчеты политического руководства США и Южного Вьетнама, но и низкую подготовку командных кадров сайгонских войск всех уровней. Командование 1-го корпуса южновьетнамской армии допустило ряд

серьезных ошибок. Например, штаб 1-й ВДД получил приказ о подготовке к вторжению всего за 6 дней до его начала.

На протяжении операции «Lam Son 719» штаб Хоанг Куан Лама находился в Донгха (Южный Вьетнам), т. е. в 100 км от передовой. Сам Хоанг Куан Лам часто выезжал в Сайгон. Сложности в управлении войсками вызвало то обстоятельство, что командиры дивизий были равны в звании с командующим. Командир 1-й ВДД Ду Куок Донг нередко игнорировал приказы Хоанг Куан Лама. Командир 258-й бригады морской пехоты Ле Нгуен Кханг возложил свои обязанности на заместителей, фактически отстранившись от командования [9, p. 384].

В ходе операции «Lam Son 719» ВВС Южного Вьетнама не выполнили возложенных на них задач. Генерал Нгуен Зуй Хинь утверждал: «1 воздушная дивизия вьетнамских ВВС не играла заметной роли в обеспечении непосредственной поддержки на поле боя силам 1 корпуса. Участие ее и вклад в общее дело были весьма и весьма скромными, даже по меркам Вооруженных сил Республики Вьетнам» [1, с. 641].

Операция «Lam Son 719» показала, что, несмотря на успехи политики «вьетнамизации», проводившейся США по укреплению сайгонской армии, были необходимы более продолжительные сроки для создания вооруженных сил Юга, способных противостоять НФОЮВ. Провал вторжения в Лаос негативно отразился на моральном состоянии сайгонских войск.

Р. Никсон в своих мемуарах признавал: «Чистым результатом были военные успехи, но психологическое поражение... в Южном Вьетнаме, где моральное состояние было потрясено сообщениями СМИ об отступлении» [12, p. 339]. Американский советник полковник Кэмпер отмечал: «Моральное состояние вьетнамцев после вывода американских сил стремительно падало. Они ощущали, что мы их бросили. Я полагаю, что это распространилось от рядового солдата до генерала» [14, p. 231].

Генерал сайгонской армии Ву Ван Чжай утверждал: «Моральное состояние 1-й дивизии после операции «Lam Son 719» серьезно пострадало. Я испытывал последствия этого во время Восточного наступления 1972 г.» [14, p. 226]. По мнению одного из южновьетнамских офицеров, поражение войск интервентов в Лаосе «являлось чудовищным ударом для тех несчастных семей, которые, традиционно почитая мертвых и храня верность живым, принуждены были пребывать в постоянной горечи и сомнениях... Вьетнамцам невозможно забыть такое» [1, с. 632].

Наряду с военными и политическими неудачами, интервенты проиграли и информационную войну. Вторжение в Лаос должно было продемонстрировать высокую боеспособность южновьетнамской армии. Для этого в сайгонские войска были допущены иностранные журналисты. Вместо этого СМИ продемонстрировали паническое отступление южновьетнамских войск, бросавших оружие и технику. В пресс-корпусе, работавшем в Лаосе, были собственные потери. 10 февраля 1971 г. американские журналисты Л. Барроуз («Life»), К. Поттер (JPI), Г. Хьюэтт (AP), К. Шимамото («Newsweek») погибли в вертолете, который был сбит северовьетнамскими ПВО [15, p. 363].

Таким образом, вторжение США и Южного Вьетнама в Лаос зимой-весной 1971 г. стало серьезным военным и политическим поражением интервентов. Расчеты Вашингтона и Сайгона в создании армии Южного Вьетнама, способной без помощи США нанести поражение НФОЮВ, не оправдались.

Список литературы

1. Дэвидсон, Ф. Б. (2002). *Война во Вьетнаме (1946-1975)*. М.: Изографус, ЭКСМО. 816 с.
2. Appy, C. G. (2008). *Vietnam. The Definitive Oral History, Told from All Sides*. N.Y.: Viking. 574 p.

3. Conboy, K. (1994). *Morrison J. War in Laos 1954-1975*. Carrolton, Texas: Squadron/Signal publications, Inc. 62 p.
4. Dong, Si Nguyen (2005). *The Trans –Truong Son Route*. Ha Noi: The Gioi Publishers. 338 p.
5. Gilmore, D. L. Giangreco, D. M. (2006). *Eyewitness Vietnam. Firsthand Accounts from Operation Rolling Thunder to the Fall of Saigon*. N.Y.: Sterling Publishing Co., Inc. 304 p.
6. Hoang Khoi. (2001). *The Ho Chi Minh Trail*. Ha Noi: The Gioi Publishers. 109 p.
7. Hamilton-Merritt, J. (1993). *Tragic Mountains: The Hmong, the Americans, and the Secret Wars for Laos, 1942-1992*. Bloomington. Ind. 580 p.
8. Karnow, S. (1991). *Vietnam. A History*. N.Y.: Pimlico. 768 p.
9. Kutler, S. (1996). *Encyclopedia of the Vietnam War*. N.Y.: Simon and Schuster Macmillan. 711 p.
10. Nalty, B. C. (2000). *Air War over South Vietnam 1968-1975*. Wash. D.C.: Air Force History and Museums Program United States Air Force. 540 p.
11. Olson, J. S., Roberts, R. (1991). *Where the Domino Fell. America and Vietnam 1945 to 1990*. N.: St. Martin's Press. 321 p.
12. Robbins, C. (2001). *The Ravens. Pilots of the Secret War of Laos*. Bangkok: Asia Books. 476 p.
13. Summers, H. G. (1995). *Historical atlas of the Vietnam War*. B.: Houghton Mifflin Company. 224 p.
14. Wiest, A. (2008). *Vietnam's Forgotten Army. Heroism and Betrayal in the ARVN*. New York City University.
15. Willbanks, J. H. (2009). *Vietnam War Almanac*. N.Y.: Facts on File. An imprint of Infobase Publishing. 590 p.

References

1. Davidson, F. B. (2002). *Voina vo Vietname (1946-1975)*. [The Vietnam War (1946-1975)]. Moscow, Izografus, AKSMO Publ. (in Russian).

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

Захаров А. В.
(Челябинск)

УДК 63.3(2)45

**ПОДЛИННАЯ РОСПИСЬ ВОЕВОД 1705 Г.
И СИНХРОННАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ РАЗРЯДНОГО ПРИКАЗА ***

В статье изучаются росписи городских воевод, входившие в разрядные записные книги «всяких дел» XVIII в., подлинники которых ныне утрачены. Росписи ежегодно создавались подьячими Московского стола Разрядного приказа для обеспечения ротации воевод в 140-150 уездах по истечении двухлетних сроков. Подлинник концентрировал сведения нескольких разрядных документов о назначениях и вступлениях в должность воевод, о причинах задержки или продления полномочий, о претендентах на воеводства и товарищах воевод. Автор статьи выявил редкий архивный документ на 24 листах, который составлялся в течение 1705 г. С помощью палеографического и текстологического анализа в статье выясняется отношение обнаруженного документа к подлинной росписи воевод и устанавливается его первый составитель. Новый источник рассматривается как фрагмент, содержащий исходный текст росписи воевод 1706 г. Кратко изложен способ реконструкции текста утраченного документа делопроизводства 1706 г. и приведены результаты его верификации по синхронной документации. Определяется взаимосвязь разрядных документов и этап в истории текста утраченной росписи воевод, который поддается восстановлению с наибольшей степенью вероятности. Отмечен особый прием разрядных писцов в одновременном составлении нескольких рукописных документов – синхронная интерполяция.

Ключевые слова: источниковедение, документы делопроизводства, текстология, реконструкция текста, записные книги, воеводы, история местного управления, ротация администрации, интерполяция.

The author studies the Voivodes Lists from the Court Deployment Books “vsiakikh del” of the XVIII century. These documents are now lost. The Voivodes Lists were created annually by the podyachiys (clerks) of the Moskow Department of the Military Service Chancellery to ensure the rotation of Russian voivodes in 140-150 uyezds. The source concentrated the information of several documents about the voivodeships' appointments, their powers, about their tovarisches (deputies), about the candidates for voivodeships, and other official data. The rare document was recently discovered in the archive collections, which was compiled throughout 1705. As a result of the analysis, it was established that the document was part of the Voivodes Lists on 24 sheets. The textual analysis of the document allowed us to compare it with the original Voivode List and find out its initial compiler. The new source is considered as a fragment with the original text of the Voivodes List of 1706. The method of the reconstruction of the lost document of 1706 is represented. The result of its synchronous verification are shown in the article.

Keywords: Peter the Great, source studies, reconstruction of the text, textology, voivodes, Military Service Chancellery, Court Deployment Books, rotation of the administration.

DOI: 10.24888/2410-4205-2021-28-3-141-161

* При написании статьи использованы результаты исследования, выполняемого при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00464

Исторический и исследовательский контекст

Исследование росписей городских воевод ведется в настоящее время по проекту истории и публикации документов Московского стола Разрядного приказа XVIII в. Воеводские росписи были органической частью ежегодных записных книг «всяких дел»¹, вмещавших списки приказных судей, подневную хронику событий царского двора, указы, грамоты. Источник представляет особый интерес обилием данных о смене уездных управителей и выписками из многочисленной документации. Изучение истории текста росписей воевод и организации повседневной работы разрядных подьячих поможет уточнить представления об истории приказного делопроизводства и выявить ретроспективу внешней и внутренней коммуникации Разрядного приказа в годы Северной войны².

В полном виде росписи воевод и разрядные записные книги известны только за XVII столетие [7, л. 22-94 об.; 8, с. 324-341], но сейчас доказано, что эти объемные документы составлялись ежегодно до 1711 г. Очень вероятно, что основной объем десяти записных книг вместе с росписями воевод XVIII в. погиб. Тем не менее, несколько многолистовых подлинных фрагментов сохранилось в Российском государственном архиве древних актов [2]. Кроме того, были выявлены объемные выписки из записных книг, сделанные по заказу Г. Ф. Миллера, за исключением росписей воевод и дьяков XVIII в. [2].

Также сохранились сотни разрядных выписок, в которых разрядные подьячие цитировали фрагменты росписей воевод из записных книг «всяких дел» Московского стола для оформления справок о претендентах на воеводство. Потребность служащих Разряда выделить записи о назначениях городских воевод из подневной придворной хроники в особый раздел записных книг возникла с конца 1630-х гг. Каждый из 140 российских городов, ведомый воеводскими назначениями («отпусками») в Разряде, был удостоен отдельной страницы в росписи воевод. Подьячие отмечали день вступления воеводы в должность, имена товарищей воевод и служилых людей, подавших прошения о воеводстве. Факультативно вписывались даты назначений воевод и имена дьяков, оформивших «отпуск» на воеводство. Даты назначения и фактического вступления в должность воеводы не совпадали. Срок начала управления городом и уездом наступал с момента вручения расписной грамоты из Разрядного приказа старому воеводе по прибытию нового назначенца в воеводскую избу.

В фонде Разрядного приказа [16; 17]³ на сегодняшний день идентифицировано четыре многолистовых подлинных фрагментов⁴ записных книг «всяких дел» XVIII в., в том числе отрывки из подневных хроник 1701 и 1705 гг. [2]. Целесообразно продолжение поиска подлинных фрагментов записных книг и связанной с ними синхронной разрядной документации⁵. Для изучения и полнотекстовой репрезентации всех выявленных рукописей и выпи-

¹ Сохранились упоминания о записных книгах «всяких дел» других столов Разряда XVIII в. В Приказном столе велись списки стрелецких и казачьих голов в том числе в 1705 г. [15, д. 22, л. 684].

² Термин «внутренняя коммуникация» обозначает совокупность процессов передачи и обработки информации внутри учреждения, в частности, это передача документальной информации от одного служащего другому, взаимодействие служащих с целью составления документов. Связанное с первым понятие «внешняя коммуникация» характеризует – то есть информационном взаимодействии приказных служащих и местных администраторов. Семантически эти термины точнее передают способы и сущность обмена информацией между людьми, затрагивая более широкую сферу документооборота, чем термин «делопроизводство», который имеет свое устоявшееся значение.

³ Проведен сплошной просмотр описей № 1-3, 7-б, 8, 17-21. Документы из описи № 7-б [15] изучены de visu на 80 %, поскольку указатель к этой коллекции в архиве утрачен.

⁴ Один из обнаруженных подлинных фрагментов записной книги представляет собой образец царской грамоты – указа Владимирскому воеводе стольнику М. С. Свечину от 21 июня 1701 г. для рассылки по уездам [17, д. 1144].

⁵ Здесь и далее «синхронными» названы документы, составившиеся одновременно в течение года и в связи с вопросом ротации воевод.

сок Миллера в сети Интернет открыта база данных «Записные книги Разрядного приказа (XVIII век)» [5].

В архивных фондах до сих пор не встречались отрывки росписей воевод XVIII в. По этому в 2020 г. была предпринята реконструкция текста утраченной росписи воевод 1706 г. [3]. На основе источниковедческого и текстологического анализа разрядных выписок по заручным челобитным на воеводства и помет об отпусках воевод был восстановлен текст 64 утраченных страниц росписи 1706 г.⁶

«Парадный» почерк и дополнения росписи

После публикации результатов реконструкции росписи воевод 1706 г. удалось выявить ценный документ, важный для исследования записных книг (прил. 1). Согласно печатной описи архива – это «список городских воевод неизвестного года». На 24 листах сохранились записи о воеводах, товарищах воевод, некоторых претендентах на воеводство по 25 городам: украинным (Тула, Одоев, Серпухов, Кашира, Алексин, Крапивна, Деделов), заоцким (Калуга, Воротынский, Перемышль, Мещовск, Серпейск, Мосальск, Козельск, Лихвин), Севского полка (Севск, Брянск, Рыльск, Путивль, Белев, Болхов, Карачев, Орел, Кромы, Каменное). Перечень городов в основном повторяет порядок уездных центров из подлинной записной книги «всяких дел» 1689/90 г. и аналогичной книги 1693/94 г. [7, л. 22-94 об.; 14, д. 26, л. 15-81]⁷. Все верхние части листов обнаруженного документа заполнены сведениями о городах и действующих воеводах «парадным» почерком и многочисленными дополнениями-вставками других почерков (рис. 1). Дополнения насыщены сведениями о новых назначениях, о поступавших челобитных, о причинах задержки в смене некоторых воевод. Не менее шести разрядных подъячих вносили новые данные в этот фрагмент более двух десятков раз. Устаревшие записи 1705 г. обводились прямоугольными рамками для подготовки текста росписи воевод следующего года. На двух листах – крупные чернильные пятна. Но был ли изучаемый документ черновиком, выписками или частью подлинной записной книги, погибшей в XIX веке?

Подлинность документа не вызывает сомнений, сохранились следы его переплета в книгу⁸. Согласно сравнению почерков и сопоставлению текста с разрядными выписками по заручным челобитным постепенно выясняется история текста документа. «Парадным» почерком в январе - начале февраля⁹ 1705 г. разрядный подъячий Прохор Алексеев¹⁰ на каж-

⁶ Каждая из росписей воевод XVIII в., судя по всему, включала записи около 140 «разрядных» городов. Около 10 записей о крупных городах, в которых назначения воевод производились из думных людей, не отражены в изучаемых синхронных документах (вне челобитных), поэтому в реконструкции не воспроизводились.

⁷ В настоящее время сохранилось около трети разрядных записных книг «всяких дел» XVII в. составлявших не менее 85 уникальных экземпляров. В нескольких книгах имеются обширные утраты и в том числе росписей воевод. За 1690-е гг. сохранилось 4 записные книги этого типа, в их составе 2 росписи воевод. В росписи 1705 г. по сравнению с аналогами 1690-х иной порядок украинских городов, возможно, л. 2 (Одоев) за 1705 г. в современной единице хранения переставлен, должен следовать после Алексина. По сравнению с книгой 1693/94 г. иной порядок городов Севского полка, но полностью соответствует книге 1689/90 г.

⁸ Филигрань «Орел двуглавый» начала XVIII в. При реставрации, три стороны каждого листа были обрезаны, поэтому номера тетрадей и аутентичная пагинация могли не сохраниться. Современная пагинация – карандашом. На внутренних сторонах листов документа четко различимы 7 отверстий для переплета тетрадей.

⁹ Среди 25 записей, выполненных «парадным» почерком (далее – «парадный текст») данного фрагмента росписи три самые поздние, из написанных первым писцом, упоминают о вступлении на воеводство 3 января 1705 г. по г. Алексину и к 27 января по г. Севску. На данных страницах сведения о вступлении в должность не могли появиться в Разряде ранее февраля, возможно, эти страницы были написаны или переписаны позднее остальных. Приписка о вступлении в должность С. П. и Е. С. Неплюевых в Севске 18 марта была сделана уже другим почерком. (прил. 1, л. 5, 16)

¹⁰ Образец для сравнения почерка [15, д. 22, л. 682-683 об.].

дом листе документа выписал из предыдущей росписи 1704 г. все актуальные сведения о воеводах на начало 1705 года (рис. 1). Другой подьячий вносил на обороты листов сведения о товарищах воевод¹¹, которых назначали «по отпуску» из Разряда и Московского судного приказа¹². С февраля 1705 г. по март 1706 г. включительно разные подьячие синхронно фиксировали в росписи новые челобитные на воеводства и новые отпуска воевод¹³. Если Разряд получал отписки от воевод о приеме города до февраля 1705 г., то составитель росписи успевал записать «парадным» почерком имена всех воевод, вступивших в должность¹⁴. Так, в росписях воевод 1705 г. (прил. 1) и 1706 г. дословно повторялась исходная запись о дедиловском воеводе А. И. Щепотьеве [3, с. 77], хотя на его место 18 января 1706 г. был назначен жилец П. Е. Бехтеев, ставший фактически дедиловским воеводой 30 марта 1706 г.¹⁵

В течение 1705 г. разрядные служащие многократно дополняли роспись воевод: готовили выписки о службах претендентов, высчитывали сроки воеводских полномочий (табл. 2; прил. 2), обновляли список воевод и сведения росписи, обрабатывали отписки из уездов. В приказе практиковались элементы разделения канцелярского труда, но одну и ту же страницу росписи могли редактировать разные подьячие. Другие сводные разрядные документы могли заполняться в течение года несколькими служащими иным образом [4].

Палеографический¹⁶ и почерковедческий анализ обнаруженного фрагмента позволяет идентифицировать его как коллективное произведение разрядных подьячих. Документ заполнялся с января-февраля 1705 г. по февраль-март 1706 г. Этот 24-листовой отрывок составлял примерно пятую часть относительно листового объема всей росписи воевод 1705 г.

Синхронность и интерполяция текстов приказных документов

Текстология документов позволяет обнаружить любопытную тактику работы приказных писцов (табл. 1-3). Взаимосвязь росписи воевод и разрядных выписок оказывается сложнее, чем синхронность и копирование. Разрядные служащие заполняли каждый из этих документов от нескольких недель до года. Например, выписку под заручной челобитной при одобрении Разрядом воеводской кандидатуры завершала дьяческая резолюция о назначении воеводы – «помета на выписке»¹⁷.

¹¹ Не фиксировались датировки о назначении товарищей воевод, что косвенно говорит о их сменяемости по окончании двухлетнего срока воеводства.

¹² В некоторых случаях, например, в г. Орле о назначении товарища в отписке сообщал воевода.

¹³ Первые сведения о новых отпусках сделаны в марте 1705 г.: 3-го по Перемышлю, 16-го – коллективная заручная челобитная о продлении воеводства на Крапивне, 22-го – по Каменному. Запись о вступлении в должность отца и сына Неплюевых в Севске 18 марта, могла быть получена и обработана в Разряде не ранее 22 марта.

¹⁴ В противном случае вносили исправления, зачеркивая существующую запись для ее «парадного» оформления на следующий год. Изредка в «парадных» записях оказывалось указание об отпуске воеводы, вероятно, Разряд знал при этом о скором прибытии воеводы к назначенному городу.

¹⁵ Согласно разрядным выпискам, имя Бехтеева впервые появилось при исправлении исходной записи о Щепотьеве в росписи 1706 г. К началу заполнения росписи 1706 г. Разряд не был уведомлен о вступлении Бехтеева в должность воеводы – что отразилось в первой выписке, по которой и был реконструирован текст. Первая запись «парадным» почерком о Бехтееве могла появиться только в росписи 1707 г. [15, д. 29, л. 344 об.; д. 39, л. 736 об.–737].

¹⁶ Благодарю канд. ист. наук А. В. Воробьева за возможность проведения палеографического анализа документа.

¹⁷ Как правило, дьяк записывал резолюцию в виде приказа главы Разряда Т. Н. Стрешнева об отпуске на воеводство только под одобренными челобитными. Не все разрядные решения об отпуске на воеводство завершались реальным вступлением воеводы в должность. По болезни и другим экстренным случаям решение могло быть изменено, что вновь вызывало дополнения к росписи воевод.

Иногда подьячие излагали эти «пометы» в росписи. Составление выписки («справочного письма») по любой кандидатуре на воеводство никогда не обходилось без цитаций росписей из записных книг о реальных управителях на местах.

Воеводы могли выезжать по «государевым и челобитчиковым делам» из своих уездов, оставляя себе замену, а приказ извещая отпиской. Разряд перманентно фиксировал в росписи имена всех воевод и временных управителей. Подьячие, таким образом, легко находили для справок самые актуальные известия об уездных администраторах и назначениях. Выписки для нескольких претендентов на воеводство в течение года могли излагать различные редакции текста из подлинной росписи воевод.

Записи в росписи и разрядных выписках, посвященных воеводам одного города, сопоставимы между собой (табл. 1, 2). Начальные фразы из текста разрядных выписок отражают или исходный (первый) слой текста росписи воевод, написанный «парадным» почерком (курсив в табл. 2), или отредактированный исходный текст росписи (табл. 1)¹⁸. Дополнительно для выписки подьячие наводили справки об управлении городом, о чинах и «службах» претендентов на воеводство (прил. 2).

Решающими факторами для назначения городовым воеводой в первое десятилетие Северной войны при прочих равных обстоятельствах были чин, «службы» и отношение человека к «полковой службе» и «делам» приказов¹⁹. За управление некоторыми городами служилые люди соперничали между собой. Пытаясь обойти кандидатов, чиновные челобитчики просили быть воеводой «за раны, «за службы», «за полное терпение», «за кровь сродников», «за пожарное разорение», «за скудость». В конце XVII в. заслуги звучали в росписях воевод, но в новом столетии прослеживаются только в заручных челобитных²⁰ и резолюциях об отпусках на воеводство.

Интересен способ заполнения росписей воевод в XVIII в.²¹, далекий от слепого копирования и умножения бумаг. Одна из разрядных выписок была составлена в мае 1705 г. по заручной челобитной 33 серпуховских жителей. Сначала подьячий П. Алексеев изложил в выписке актуальные сведения росписи (табл. 1, правый стб.)²², которую он же начал заполнять «парадным» почерком. Коллективное прошение о назначении серпуховским воеводой стольника кн. В. А. Вяземского одобрил Разрядный приказ. Дьяк записал решение – «помету на выписке» (табл. 1, правый стб.), которую в росписи изложил другой подьячий (табл. 1, левый стб.).

¹⁸ Так, например, Разряд получил известие о К. Рудневе, который умер в апреле 1705 г. поэтому незамедлительно было принято решение об «отпуске» на его место стряпчего Д. Г. Бобынина.

¹⁹ Опыт и количество «служб» не были основными критериями при назначениях. Царедворцы, то есть записанные в московских чинах – «в полковой службе» (основные списки каждого чина), считались годными к военной службе. Также как и состоящие «у дел» в приказах они, как правило, не назначались на воеводства в эти годы.

²⁰ Среди просмотренных трех сотен цитирований записей о воеводах XVIII в. из выписок по заручным челобитным обоснования «заслуг» челобитчиком, принятые Разрядом не встречаются. Тем не менее, в резолюциях (дьячих пометах на выписках) обоснования sporadически упоминались.

²¹ Один из полных подлинных образцов – роспись воевод 1689/90 г. совершенно не содержит исправлений и говорит об оном из этапов составления росписи (возможно, составления беловика), который подьячие могли миновать в XVIII в.

²² После известий о смерти серпуховского воеводы московского дворянина Картерия Руднева (табл. 1, левый стб.) подьячий Алексеев изложил свой же текст росписи 1705 г. уже как составитель выписки с учетом поступившей пометы (табл. 1, правый стб.).

Записи по г. Серпухову 1705 г.

Из подлинной росписи воевод 1705 г. (по состоянию к концу 1705 г.)	Из выписки ²³ по коллективной челобитной от апреля 1705 г. (по состоянию к июлю 1705 г.)
<p><i>В Серпухове. Из дворян Картелей Григорьев сын Руднев мая с 1-го числа 704-го году*</i>. Умре.</p> <p>Апреля в [4] 19? день велено быть для управления государевых и челобитчиковых дел [... отставной жилец Михайло Иванов сын Говоров] стряпчему Дмитрею Григорьеву сыну Бобынину [покамест с Москвы воевода прислан будет].</p> <p>А в нынешнем 705-м году июня в 27 день по выписке за пометою дьяка Фёдора Замятнина в Серпухове дела управлять велено столнику князю Василью княж Алексееву сыну Вяземскому, которой в тот город послан для высылки к Москве каменщиков и кирпичников. А Дмитрий Бобынин послан в Смоленск с меренами.</p> <p>А по отпискам ево Дмитриевым, что он поехал в село Поречье из Серпухова мая в 6-м числе 705-го году и был в Полоцку. А ис Полоцка приехал в Серпухов августа в 30-м числе.</p>	<p>В Записной книге всяких дел нынешняго 705-го году написано:</p> <p>В Серпухове был воеводою из дворян Картелей Руднев и в том городе умре.</p> <p>Апреля в 19-м числе в тот город для управления государевых и челобитчиковых дел послан стряпчей Дмитрией Григорьев сын Бобынин и велено ему в том городе быть до его в. г. указу и до присылки с Москвы воеводы.</p> <p>А мая в 2-м числе он Дмитрией по грамоте из Мастерские полаты послан ис Серпухова з зборными меренами в Смоленской уезд в село Поречье. И ныне в том городе воеводы нет²⁴.</p> <p>А ныне в. г. (титул) бьют челом Серпухова города духовного чина и серпуховские помещики и градские жители, чтоб ... быть в Серпухове воеводою [кн. В. А. Вяземскому]</p> <p>... А по справке с приказом Болшаго дворца февраля в 6 день послан он князь Василей ис того приказу для сыску каменщиков и кирпичников из Серпухова к Москве и ныне он у того дела. Справил Прохор Алексеев.</p> <p>1705-го июня в 27 день по указу в. г. (титул) боярин Тихон Никитич Стрешнев с товарищи слушав сей выписки приказал в Серпухове его в. г. и челобитчиковы дела управлять князь Василью Вяземскому ... Дьяк Федор Замятнин.</p>

* Здесь и далее в табл. 1–3 курсивом обозначен исходный текст росписи; в квадратных скобках – зачеркивания текста в подлиннике; троеточием – сокращенная передача текста. Источник: прил. 1, 2.

Заимствование одного текста другим и в обратной траектории (роспись–выписка–роспись) связано с необходимостью обновления и одновременного редактирования нескольких приказных документов. Этот прием допустимо назвать «синхронной интерполяцией». Многократное «перетекание» текста между синхронными документами не всегда заметно по почерку, но надежно обнаруживается текстологически. Очевидно, что синхронная интерполяция была устоявшимся способом редактирования приказных документов. Подобное развитие связанных текстов рукописей не исключалось и в широком репертуаре московской книжности XVI–XVIII вв.

²³ Разрядная выписка в таблице передается в сокращении. Полный текст в прил. 2.

²⁴ Предложение написано другим почерком в отличие от всей страницы.

Синхронная интерполяция текста очень часто наблюдается в разрядных документах сводного и справочного типа. Тексты росписи воевод и разрядных выписок были взаимозависимы. Для примера достаточно рассмотреть записи о воеводах Крапивны²⁵ (рис. 1). Лако-ничная разрядная выписка состоялась по коллективной челобитной крапивенских помещи-ков, просивших продление воеводства А. П. Бахметева (табл. 2). Исходный текст росписи сначала перешел в выписку до редактирования росписи²⁶, а отпуск на воеводство В. И. Ко-ротнева состоялся по другой челобитной.

Таблица 2

Записи по г. Крапивне 1705 г.

Из подлинной росписи воевод 1705 г. (по состоянию к концу года)	Выписка по челобитной крапивенцев 31.01.1705 г. (по состоянию к июлю 1705 г.)
<p><i>На Крапивне. [Стольник Андрей Петров сын Бахметев, велено ему быть вместо Федора Ляпунова] стряпчей Василей Большов Иванов сын Коротнев сентября [по] с 17-го числ[о]а нынешняго 705-го году*.</i></p> <p>А июня с 13-го числа нынешняго 705-го году в тот же город бьет челом столник Осип Федоров сын Шокуров²⁷.</p> <p>А марта с 16-го числа великому государю бьют столники и стряпчие и дворяне и градские всяких чинов люди, чтоб ему Андрею на Крапивне быть воеводою 3 год.</p> <p>А июня в 3-м да 7-м числе в тот же город бьют стряпчие Василей Иванов сын Чириков, Василей Большой Иванов сын Коротнев.</p> <p>А июля в 21 день нынешняго 705-го по помете на выписке дьяка Ивана Уланова на Крапивну на ево Андреево место велено отпустить стряпчего Василья Большого Иванова сына Коротнева и переменить велено [Ка] по сроке. Наказ и росписная грамота даны июля в 25 день.</p>	<p>И в Разряде выписано. В записной книге всяких дел нынешняго 705-го году написано: На Крапивне. Стольник Андрей Петров сын Бахметев, велено ему быть вместо Федора Ляпунова сентября до 17-го числа нынешняго 705-го году.</p> <p>До срока ему 5 месяцев. А на ево Андреево место никто не отпущон.</p> <p>А ныне в г. (титул) бьют челом столники и стряпчие и дворяня московские и жилцы и городские дворяня и всякого чину градские люди, чтоб ему Андрею на Крапивне быть у них воеводою третьей год. Да к той челобитной руки приложили: столников 3, стряпчих 2, дворян 2, жилцов 3, городской 1. 1 человек поп и вместо детей духовных стрелцов десятника Аникея Венецына с товарищи. Итого 12 человек. Справил Прохор Алексеев.</p> <p>Да в тот же город на Андреево место Бахметева бьют челом: столник Осип Федоров сын Шокуров, стряпчие Василей Иванов сын Чириков, Василей Большой Иванов сын Коротнев. И подав челобитные, за делом не ходят.</p>

Источники: прил. 1; [15, д. 22, л. 681–683].

После отписки Коротнева из уезда в качестве нового воеводы исходную запись о действующем воеводе Крапивны подьячие исправили, и она получила нынешний вид (рис. 1). Прошение крапивенцев не было поддержано Разрядом, потому что Бахметев «доживал срок» Ляпунова, и подьячие обошлись без выписки о его службах (ср. с прил. 2). Ущемлен-

²⁵ «Градские люди» Крапивны подали в Разряд 31 января 1705 г. коллективную челобитную, по которой дьяк приказал 16 марта сделать выписку. В апреле 1705 г., как следует из выписки (табл. 1), в записной книге была зафиксирована только одна фраза из записной книги о прежнем воеводе. После этой выписки, сделанной П. Алексеевым, ниже были добавлены имена трех челобитчиков, зафиксированные в росписи в июне и июле 1705 г. Данная выписка не была закреплена дьяком, поскольку резолюция дьяка И. Уланова о назначении крапивенского воеводы, состоялась по другой выписке на челобитной Коротнева. Не ранее октября, когда в Разряде могла быть получена отписка о вступлении Коротнева на воеводство, «парадная» запись росписи по Крапивне была отредактирована – имя Бахметева и Ляпунова были вычеркнуты.

²⁶ После выписки данных о Бахметеве, «справленных» П. Алексеевым, были вписаны имена трех претендентов на воеводство, но дьяческой резолюции не последовало, поскольку решение было принято не в пользу Бахметева.

²⁷ Данный и все последующие абзацы страницы написаны почерками, отличными от «парадной» записи, и обведены одной рамкой.

ные интересы крапивенского воеводы не ясны по скудным строкам росписи, но заслуживают внимания по близким документам.

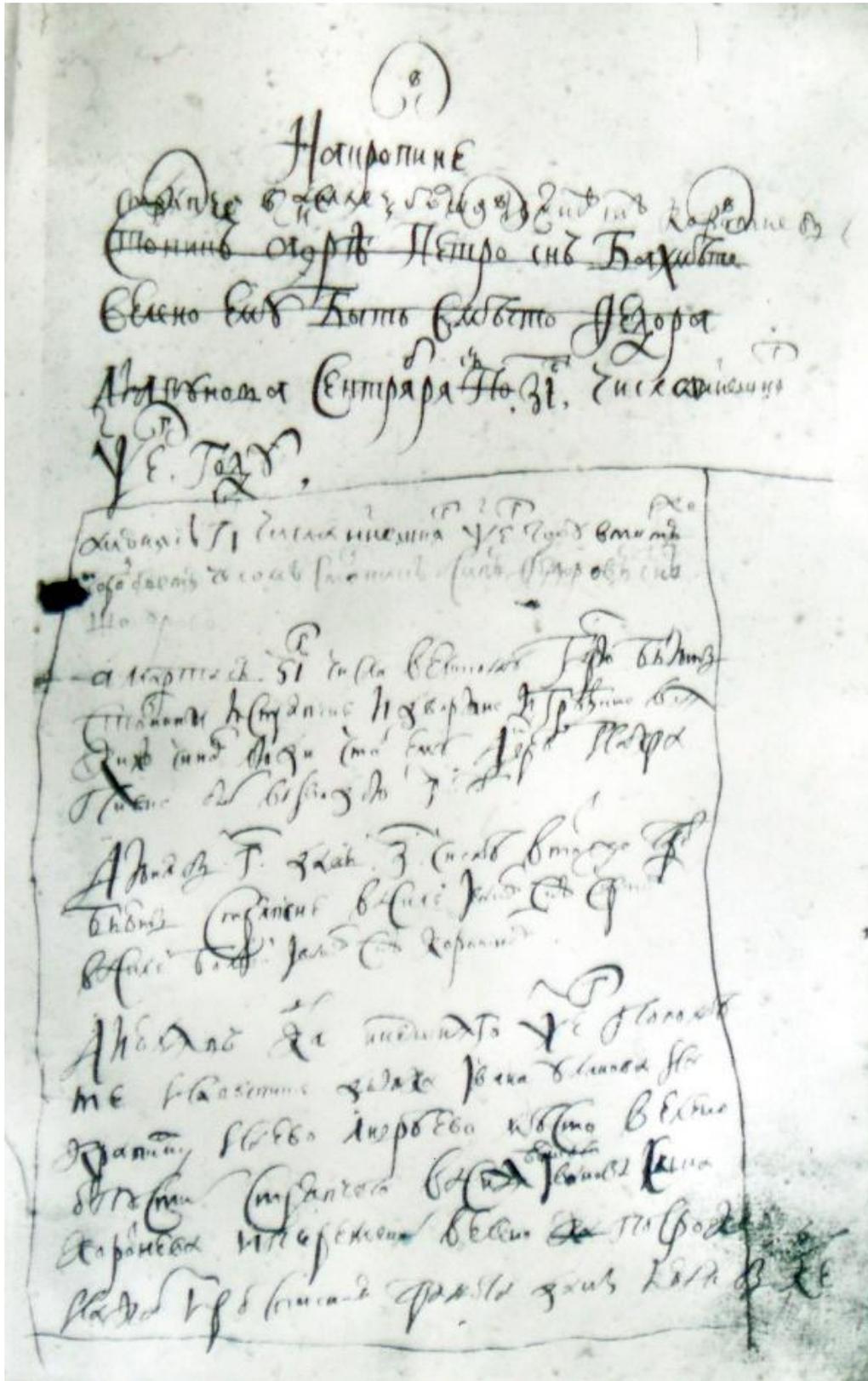

Рис. 1. Запись о воеводах Крапивны в подлинной росписи 1705 г. (см. прил.1).

Взаимоотношения воевод и Разрядного приказа

На эволюцию воеводских росписей, несомненно, повлияли изменения в практике назначений уездных администраторов. Правом утверждения воевод в начале XVIII в. фактически пользовался глава Разряда боярин Т. Н. Стрешнев. Известны личные подписи боярина в «пометах на выписках» об отпуске воевод. Судя по всему, боярин Стрешнев не единолично выбирал воевод, а считался с мнением разрядных дьяков о челобитчиках, претендовавших на воеводство некоторых городов. Объем контроля за уездными администраторами заметно вырос после указа от 19 января 1705 г., обязавшего воевод выбирать себе товарищей самостоятельно, если в их городах не действовали помощники, выбранные «градскими жителями». Отпуск товарищей воевод оформлял Разряд и Московский судный приказ, которые выясняли занятость претендентов на «службах и делах». Указ предписывал воеводам выбирать в товарищи «из помещиков, из московских чинов и из городских же людей добрых и заобычных, человека по два в городе; и ведать им воеводам с теми выборными всякия его государевы и челобитчиковы дела и сборы денежныя» [12, с. 284, № 2018]. В 1705 г. из городов «украинных», заочких и Севского полка (прил. 1) товарищи действовали в 15 городах из 25. Они могли временно или постоянно заменять воевод, уезжавших в другие города, села и уезды. Товарищи воевод действовали совместно или замещая главу уезда: высылали на службу царедворцев, а работных людей отправляли под Азов, в Таганрог, Санкт-Петербург. В первый год реформы по два-три воеводских товарища служили всего в шести городах из 25, по которым имеются полные данные²⁸. Общее вершение дел иногда порождало конфликты, но было это единичным или массовым явлением без специального исследования оценить нельзя. Для понимания логики действий претендентов на воеводства важно выяснить насколько они были знакомы с разрядными документами, которые могли быть формальными перечнями, умножавшими знаменитую «московскую волокиту», называемую так самими приказными служащими. Была ли ответная реакция воевод на отпуска и прекращение полномочий, установленные росписями воевод?

Известный по росписи стольник Федор Ляпунов в 32 года добился воеводства в Крапивне в 1703 г. (прил. 1, табл. 2). Ему повезло на стезе уездного администратора. Он оказался «не у дел в приказах» и «в бытѣ не написан», то есть не получил на смотре наряд на исполнение «полковой службы». На шестом месяце воеводства стольника вызвали в Москву на смотр и он покинул Крапивну 23 декабря 1703 г. На смотре имя Ляпунова отметили в списках «под крестом», что обозначало отметку к назначениям. Вскоре его записали в «начальные люди»²⁹ и он оказался «у дел» в Азовской губернии у адмирала Ф. М. Апраксина, где находился более десяти лет³⁰. По прошению Ляпунова в Крапивну на его место был отпущен 60-летний стольник А. П. Бахметев «доживать» срок челобитчика с 10 марта 1704 г. Бахметев получил отставку по старости после 42 лет «полковой службы», жалуясь на смотре, что «болен головою болезнью и глазами видит худо и в руках, и в ногах лом непрестанной» [13, д. 50, л. 45]³¹. «Дожитие» воеводства предшественника истекло у Бахметева

²⁸ Во многих специальных работах по истории управления двух последних десятилетий игнорируется существование товарищей воевод в первом десятилетии XVIII в. В более ранней историографии об институте выборных товарищей городских воевод в 1705-1710 гг. существовало мнение как о «неудачной реформе».

²⁹ Ляпунов был отмечен «под крестом» в 1704 г. и записан в «начальные люди» в 1705 г. [13, д. 51, л. 58; д. 52, л. 125].

³⁰ В 1722 г. Ф. Г. Ляпунов записал в своей сказке о смотре и записи «в начальные люди», не упомянул короткое крапивенское воеводство, но дважды указал текущее воеводство в Шацкой провинции [18, д. 7, л. 280].

³¹ Бахметев, по его словам, отслужил 42 года, побывал на четырех службах, «да вместо трех служб платил денги». Имея наряд в Севск к полк кн. Ромодановского, он не поехал, получив 28 апреля 1703 г. отставку на смотре у Т. Н. Стрешнева «за болезнью и за старость», сказав себе 59 лет. Воеводство должно было поправить дела малопоместного стольника. В трех уездах в Костроме, Владимире, на Епифани за ним числилось 15 дворов. Наследником был один семилетний сын Яков.

17 сентября 1705 г. Еще в январе он устроил прошение крапивенцев, чтобы продлить правление «на третей год». Осенью Бахметев выехал из города в уезд по воеводским заботам, а вернувшись в город, оказался не у дел. Он вновь печалился, обращаясь к Разряду и государю в начале декабря 1705 г.: «приехал на Кропивну на мое место воеводою начальной человек Василей Иванов сын Коротнев и принел город без меня, холопа твоего и женишку мою выс[лал] ограбе, не дождавши меня, холопа твоего из уезду». Стольник Бахметев пытался склонить на свою сторону Разряд и обвинял Коротнева: «а он написон начальной человек и на службе нижде не бывал, все ездя по воч[инам?] от службы твоей в. г. и из началства убеждает...». Весомым доводом, как казалось обиженному стольнику, был опыт других: «моя братья были по два года и котория ездили с меренами в Полоцк и те месяцы велено им заживать». Аргумент был бы верен при другом раскладе и Бахметев, видимо, надеялся на поддержку, но получил другой ответ: «а по справке в Розряде он Василей [Коротнев – А. З.] написан в стряпчих в полковой службе со 190-го году, а не в начальных людех, и на службе он Василей бывал³². И переменен он Андрей на срок для того, что ему Андрею в том городе велено быть... вместо Федора Ляпунова, чего он Федор до дву лет в том городе не дожил, а не два года, и то он Андрей в отписке писал не дельно» [15, д. 26, л. 321-323 об.]. После отповеди Разряда надежды Бахметева мгновенно растаяли. Возвратиться в уезд воеводой не удалось. Мотивы подобных обращений в Разряд не были многочисленны, но показывают, что Разряд не всегда соглашался с коллективными челобитными и прошениями воевод.

Сроки воеводств тщательно отслеживались разрядными подьячими и становились известными для челобитчиков из той же росписи воевод. Разряд поддерживал постоянную связь с каждым воеводой, получая отписки в ответ на приказные грамоты. В начале XVIII в. по «разрядным» городам насчитывалось ежегодно из уездов не менее 2200 отписок, по Московскому столу Разряда [3, с. 124].

Обретенная роспись и реконструкция текста

В начале XVIII в. Разряд также ежегодно создавал росписи стрелецких и казачьих голов по городам³³, росписи подьячих всех приказов. Ныне практически все они утрачены. Поэтому недавно была предпринята попытка восстановить один из утраченных текстов – роспись воевод 1706 г. Реконструкция текста преследовала две задачи, во-первых, требовалось выяснить особенности заполнения документов, цитирующих росписи, во-вторых, уточнить историю воеводских назначений Разрядом [3, с. 65].

Хорошо известно, что реконструкторские построения А.А. Шахматова, М.Д. Приселкова, представителей «школы» К. Лахмана оценивались в историографии скептически. Тем не менее, был разработан одноименный метод, критически осмысленный текстологами и лингвистами [6, с. 452-469; 11; 19, с. 415-450]. Советские историки предложили несколько реконструкций текстов утраченных русских документов XVI-XVIII вв. [1; 11; 9; 10], Р.В. Овчинникову удалось восстановить более сотни утраченных текстов указов и манифестов Пугачева [9].

Для реконструкции текста росписи воевод 1706 г. наиболее информативны и надежны разрядные выписки по заручным челобитным на воеводства. С помощью текстологического анализа цитирований росписей воевод в выписках из записных книг XVIII в. состоялась реконструкция текста росписи 1706 г. [3]. При дальнейшем поиске новых выписок

³² В Московском столе выяснилось, что В. И. Коротнев служил в стряпчих с 1681/82 г., был в Троицком походе 1682 г., в полку кн. Г. А. Козловского в 1685 г., в Большом полку кн. В. В. Голицына в первом Крымском походе, приезжал в Севский полк кн. М. Г. Ромодановского в 1703 г. и был отпущен на Кропивну воеводой 21 июля 1705 г. Ранее он был записан в июльскую четверть, то есть должен был «жить на Москве» с 1 июля по 1 октября 1705 г., следовательно не мог появиться на воеводстве ранее первых чисел октября, был на смотре в Столовой палате 6 июня 1706 г. «и в бытѣ не написан и к делам и в приказы никуда не отослан».

³³ В разрядных выписках сведения о казачьих и стрелецких головах фрагментарны и имеют ссылки на записные книги «всяких дел» Московского и Приказного столов Разряда.

удалось обнаружить ценный отрывок подлинной росписи воевод 1705 г. Как сказано выше, этот документ дополнялся разрядными подьячими около года (прил. 1) и актуальный на январь 1706 г. текст был переписан писцами в качестве исходного текста росписи воевод 1706 г. Поэтому редкую возможность верификации ранее воссозданного текста 1706 г. с отрывком 1705 необходимо рассмотреть ниже.

Последовательность записей о воеводах по «разрядным» городам была воспроизведена по списку 1701 г., переданного Разрядом в Ближнюю канцелярию, и соответствует в известной части 1705 г.³⁴ Стилистика восстановленного текста оказалась идентичной подлиннику 1705 г. и ранним образцам [7; 8]. Обнаруженный фрагмент подлинной росписи несколько отличается от росписей конца XVII в. В нем расширились заметки о товарищах воевод, исчезли упоминания заслуг для назначений на воеводства («за раны», «за службы» и т. д.), но по-прежнему вписывались пометы из приказных памятей и отписок³⁵.

В опубликованной реконструкции росписи воевод 1706 г. не отразились позднейшие редактирования текста, поскольку был выбран «сокращенный вариант» передачи текста. Воссозданный «сокращенный вариант» – это исходный текст росписи, то есть записи «парадным» почерком о действующих воеводах и отпусках, выполненные в январе–феврале 1706 г. Во время реконструкции были установлены разрядные записи об отпусках и «сроках» воевод, попавшие в роспись после февраля 1706 г., поэтому они были переданы в отдельных таблицах [3, с. 70, 72]. Таким образом, выбор этапа в истории текста росписи, который подлежал восстановлению, оказался ключевым инструментом для надежной реконструкции.

Удалось восстановить 64 записи о городских воеводах, что составляет около 43–48 % всех существовавших записей в росписи воевод 1706 г. Сравнение подлинной росписи 1705 г. и воссозданного текста 1706 г. передает удачу и издержки реконструкции (табл. 3). Из упомянутых 25 городских воевод подлинного фрагмента реконструкция росписи 1706 г. отражает 21 запись. Практически дословно воспроизведено 19 записей из 21 относительно исходного слоя текста росписи 1706 г.³⁶ Воспроизводимый текст 1706 г. в свое время переписывался подьячими именно с подлинника 1705 г. Эта гипотеза оправдана, если принять верным замысел создания росписей в Разряде: подьячие создавали роспись как сводный документ, а его актуальный текст излагали в документе следующего года. Алгоритм составления сводных разрядных документов задавался учреждением, чтобы сконцентрировать сведения нескольких источников информации.

Для сопоставления подлинника и реконструкции выбраны наиболее типичные записи (табл. 3). Текст росписи воевод 1705 г., отраженный в реконструкции по Серпейску (табл. 3, правый стб.), действительно воспроизводит актуальную редакцию подлинника для начала 1706 г. (табл. 3, левый стб.). Реконструкция записи в этом случае оказывается дословной³⁷. Исходный текст росписи 1705 г. по Брянску без изменений был выписан подья-

³⁴ Единственная перестановка относится к Одоеву, в реконструкции текста 1706 г., расположенного перед записью о Деделове. Записей о 4 из 25 городов на момент исследования не были обнаружены.

³⁵ Наказы и расписные грамоты, на основании которых в числе прочих документов, по мнению О. В. Новохатко, составлялись росписи воевод XVII в. [8, с. 92], не фиксируются как источники текста росписей XVIII в. Составители росписей и резолюций об отпусках в XVIII в. упоминали выдачу этих документов воеводам, но не использовали их текст для редактирования самих росписей.

³⁶ Две из 64 исходных записей реконструкции оказались поздними, т. к. восстановлены вне выписок 1706 г.: по Воротынску (по записной книге 1707 г.), по Орлу (по челобитной Т. С. Шеншина). В двух записях кроме точных цитат по воеводам, в реконструкцию внесены избыточные данные, которые, более вероятно, оказались в росписи после начала февраля, поскольку известия о вступлении на воеводство, приходили позже указанного срока: по Карачеву (вероятно, с фразы «а велено ему Семену...» поздняя запись), по Кромам (текст после фразы «и в 706-м году» явно позднейшая запись).

³⁷ Слово «воевода» могло быть вставлено в текст утраченной росписи при переписке росписи 1705 г.

чими дважды: в выписке по челобитной, дошедшей до нашего времени, и в роспись воевод 1706 г., судя по реконструкции (табл. 3, правый стб.). Не были реконструированы заметки о товарищах городских воевод, которые вероятнее всего, входили в исходный текст 1706 г. (в отличие от предыдущего года), но не встречались в известных разрядных выписках. Писцы прежде всего «справлялись» о сроках полномочий воевод, о претендентах на воеводство, об отпусках новых назначенцев.

Таблица 3

Записи из росписей воевод 1705-1706 гг.

Город	Подлинная роспись 1705 г. (на январь-февраль 1706 г.)	Реконструкция росписи 1706 г. (на февраль-март) по разрядным выпискам на челобитных
Серпейск	<i>В Серпейску*. [Стряпчей Максим Зиновьев сын Засецкой. Велено ему быть вместо брата ево Ивана апреля з 26-го числа] Столник Микита Раманов сын Яковлев июля [по] с 26-го [5] числа <u>нынешняго</u> 705-го году.</i>	В Серпейску. Столник и воевода Микита Романов сын Яковлев июля з 26-го числа 705-го году**.
Брянск	<i>Во Брянску. Столник Афонасей Семенов сын Шеншин марта з 19-го числа 704-го году.</i> В том же городе в товарищах по отпуску из Розряду из отставных дворян Фома Алексеев сын Исаков. А в нынешнем 705-м году ноября в 30 день по указу в. г. по выписке за пометою дьяка Федора Ефимьева во Брянск на Офонасьево место Шеншина велено отпустить столника Тараса Акимова сына Карпова и переменить ево Афанасья как срок минет.	Во Брянску. Столник Афонасей Семенов сын Шеншин марта з 19-го числа 704-го году***. А ноября в 30-м числе 705-го году на ево Афонасьево место отпущон столник Тарас Акимов сын Карпов и переменить велено по сроке***.

* Подчеркиванием обозначены дополнения текста, внесенные в течение 1705 г.

** Согласно разрядной выписке из записной книги 1705 г.

*** Согласно разрядной выписке из записной книги 1706 г.

Источники: прил. 1; [3, с. 77].

В реконструкции росписи воевод 1706 г. был выбран тот этап ее существования, на грани которого текст воссоздается с наибольшей степенью вероятности. Возможная элиминация локальных фрагментов источника остается самым уязвимым звеном в примененной методике синхронной цитации. В этом отношении справедливо наблюдение Д. С. Лихачева о том, что однообразные приемы реконструкций обречены [6, с. 452-462].

Воссоздание содержания текста не заменяет утраченный исторический документ. Реконструированные данные могут быть использованы только как результаты исследования, причем гипотетические. Тем не менее, с помощью реконструкции решаются важные когнитивные задачи: необходимость репрезентации утраченного текста для критики имеющихся исторических данных, выбор новых аспектов исследования приказных институций, коммуникации приказных служащих и уездных администраторов.

Выводы

Содержание большей части текста десяти росписей воевод из разрядных записных книг 1701-1710 гг. поддается восстановлению. Существует и альтернативный путь. Чтобы выяснить данные о воеводской администрации «разрядных» городов 1700-х гг. утраченных росписей, возможно, ограничиться исследованием синхронных источников, выявленных для реконструкции. Однако утилитарное извлечение фактологических данных не решит вопросы состава утраченных документов, истории их бытования и взаимосвязей. Реконструкцию текста логично считать одним из возможных инструментов для понимания значения утраченных памятников для служилого человека и приказной администрации, для управляемых и управляющих.

Анализ новооткрытого источника позволяет надежно идентифицировать его как подлинный фрагмент росписи воевод из разрядной записной книги «всяких дел» 1705 г., которая известна ныне по двум подлинным фрагментам [2]. Несколько подьячих Московского стола Разрядного приказа непрерывно дополняли и редактировали исходный текст росписи воевод около года. К началу XVIII в. настольный приказной справочник о сроках и отпусках воевод трансформировался в универсальный сводный документ, незаменимый для Разряда и претендентов на воеводства. Ежегодно повторялся цикл воспроизводства таких документов. Служащие Разрядного приказа сводили воедино сведения из царских указов и грамот, заручных челобитных и выписок, памятей приказов для обеспечения смены городских воевод и воеводских товарищей.

Текст документов (прил. 1, 2) передается согласно «Правилам издания исторических документов СССР» (М., 1990). Исходный текст, написанный «парадным» почерком, передается курсивом. Фрагменты текста, зачеркнутые писцом горизонтальным росчерком, поставлены в публикации в квадратные скобки. Предложения, вписанные писцом над зачеркнутыми фрагментами и явные исправления-вставки рядом с исходным текстом, передаются шрифтом с подчеркиванием. Все исправления или вставки, исправляющие исходный текст документа, в публикации следуют после зачеркнутых фрагментов, иные варианты и способы зачеркивания уточнены в примечаниях. Трехточием обозначены неразборчивые фрагменты.

Приложения

№ 1. 1705 г. – Фрагмент росписи воевод из записной книги «всяких дел» Московского стола Разрядного приказа

(Л. 1) *В Украиных. На Туле. Столник Данило Кирилов сын Ивашкин марта з 23-го числа 704-го году.*

В том же городе в товарищах по отпуску из Розряду из отставных столник Иван Фомин сын Хрущов.

По отпуску из Судного приказу из дворян, а из отставных ли, не написано Афонасеи Петров сын Иевлев.

Из отставных или из служилых Петр [Константинов] Елисеев сын Трунов.

Во Мценск, Белго, на Коширу, в Олексин, ?...?³⁸

³⁸ Предложение написано мелким почерком внизу листа, последнее слово неразборчиво:

(Л. 2) *В Одоеве. Из дворян Илья Дементьев сын Макашев апреля с 5-го числа 704-го году.*

В том же городе в товарищах по отпуску³⁹ из Розряду из отставных дворян Михаило Степанов сын Безобразов.

По отпуску из Судного приказу из дворян, а из отставных ли, не написано Дмитрией Фомин сын Бобанин.

Из отставных ли или из служилых Трофим Богданов сын Ларионов.

[Апреля] ноября с 1-го числа⁴⁰ на Ильино место бьет челом жилец Федор Перфильев сын Арсеньев.

Генваря с 15-го числа 706-го году столник Алексей Михайлов сын Ботвиньев.

(Л. 3) *В Серпухове. Из дворян Картели Григорьев сын Руднев мая с 1-го числа 704-го году. Умре⁴¹.*

Апреля в [4] 19⁴² день велено быть для управления государевых и челобитчиковых дел [...⁴³ отставной жилец Михаило Иванов сын Говоров] стряпчому Дмитрею Григорьеву сыну Бобынину [покамест с Москвы воевода прислан будет].

А в нынешнем 705-м году июня в 27 день по выписке за пометою дьяка Фёдора Замятина в Серпухове дела управлять велено столнику князю Василью княж Алексею сыну Вяземскому, которой в тот город послан для высылки к Москве каменщиков и кирпичников. А Дмитрией Бобынин послан в Смоленск с меренами.

А по отпискам ево Дмитриевым, что он поехал в село⁴⁴ Поречье из Серпухова мая в 6-м числе 705-го году и был в Полоцку. А ис Полоцка приехал в Серпухов августа в 30-м числе.

(Л. 4) *На Кошире. Стольник [Василей Иванов сын Давыдов. Велено ему быть вместо князь Микиты Волконского июня по 3] Князь Петр княж Артемьев сын Засекин июня з 25-го числа 705-го году.*

[А на ево место бьет челом]⁴⁵ сентября с 1-го числа 704-го году стряпчеи Федор Силин сын Хрущов.

А в нынешнем 705-м году июня в 7 день по помете на выписке дьяка Ивана Уланова на Васильево место Давыдова отпушон столник князь Петр княж Артемьев сын Засекина и переменить бессрочно. Наказ и грамота даны.

(Л. 4 об.) В том же городе в товарищах по отпуску из Судного приказу из отставных дворян Михаило Тимофеев сын Сатин, Григорей Михайлов сын Писарев.

(Л. 5) *В Олексине. Стольник князь Прохор княж Алексеев сын Вяземской генваря с 3-го числа 705-го году.*

В том же городе в товарищах по отпуску из Розряду из отставных дворян Андреи Артемьев сын Селиверстов,

По отпуску из Московского Судного приказу из отставных дворян Тимофеи Федоров сын Селиверстов.

³⁹ На правом поле листа чернильное пятно, частично скрывающее конец слова.

⁴⁰ Имеется ввиду 1705 г.

⁴¹ Слово написано на правом поле листа.

⁴² Исправлено из: 4. Может быть прочитано как «9», т. к. знак «I» читается от правой мачты литеры «Д», написанной бледными чернилами.

⁴³ Одно неразборчивое слово, написано почти угасшими чернилами как вся зачеркнутая фраза, помещенная в публикации в квадратных скобках.

⁴⁴ На правом поле листа чернильное пятно, не скрывающее текст.

⁴⁵ Данный фрагмент зачеркнут прямым прочерком, последующий текст до конца страницы зачеркнут по диагонали.

Ис какова чину не написано⁴⁶ Федор Андреев сын Ширшин.

(Л. 6) *На Крапивне. [Столник Андреи Петров сын Бахметев, велено ему быть вместо Федора Ляпунова] стряпчеи Василии Большов Иванов сын Коротнев сентября [по] с 17-го числа нынешняго 705-го году.*

А июня с 13-го числа нынешняго 705-го году в тот же город бьет челом столник Осип Федоров сын Шокуров⁴⁷.

А марта с 16-го числа великому государю бьют столники и стряпчие и дворяне и градские всяких чинов люди, чтоб ему Андрею на Крапивне быть воеводою 3 год.

А июня в 3-м да 7-м числе в тот же город бьют стряпчие Василии Иванов сын Чириков, Василии Большой Иванов сын Коротнев.

А июля в 21 день нынешняго 705-го по помете на выписке дьяка Ивана Уланова на Крапивну на ево Андреево место велено отпустить стряпчего Василья Большого Иванова сына Коротнева и переменить велено [Ка] по сроке. Наказ и росписная грамота даны июля в 25 день.

(Л. 6 об.) В том же городе в товарищах по отпуску из Розряду из отставных стряпчеи Ларион Акимов сын Бегичев.

А по отпуску из Судного приказу из житья, а из отставных ли, не написано Аким Микитин сын Хрипунов.

(Л. 7) *На Дедилове. Стряпчеи Оврам Иванов сын Щепотев мая с 1-го числа 703-го году. А мая в 2-м числе писал он Аврам, что поехал с меренами [в указное место] в село Поречье апреля в 22 день, а город приказал товарищу Василью Иванову сыну Остафьеву по отпуску из Судного приказу.*

А октября в 25-м числе на ево место бьет челом жилец Иван Григорьев сын Сухотин.

Генваря с 7-го числа нынешняго 706-го году столник Иван Афонасьев сын Соимонов. Выписка отдана ФЗ⁴⁸.

Жилец Петр Епифанов сын Бехтеев.

А в нынешнем 706-м году генваря в 18 день по указу в. г.⁴⁹ по выписке за пометою дьяка Федора Замятнина на Аврамово место Щепотева велено быть жильцу Петру Епифанову сыну Бехтееву и пременить по сроке.

(Л. 8) *В Заоцких. В Колуге. Столник Степан Иванов сын Бахметев апреля с 30-го числа 704-го году.*

А октября с 22-го числа на Степаново место Бахметева бьет челом столник Павел Васильев сын Яновской.

(Л. 9) *В Воротынску. Из дворян Михаило Андреев сын Спасителей генваря со 12-го числа 705-го году.*

(Л. 10) *В Перемышле. Столник Полуехт Борисов сын Макашев августа з 29-го числа 703-го году.*

1705-го марта в 3 день по указу великого государя по помете на выписке дьяка Федора Замятнина на ево Полуехтово место велено отпустить стряпчего Григорья Васильева сына Сокорева. И переменить велено как два года минет. Наказ дан марта ж в 9 день.

Григорей Сокорев Полуехта Макашева в Перемышле переменял декабря 23-го числа 705 году. И росписной список прислал генваря в 22 день нынешняго 706-го году.

(Л. 11) *В Мещоску. Столник Ермила Иванов сын Беклемишев июня з 20-го числа 704-го году.*

⁴⁶ В конце слова чернильное пятно, частично закрывающее две литеры.

⁴⁷ Данный и все последующие абзацы страницы написаны другими почерками и обведены одной рамкой.

⁴⁸ Аббревиатура в рамке обозначает имя разрядного дьяка Федора Замятнина.

⁴⁹ В. г. – великий государь.

В том же городе в товарищах по отпуску из Розряду из отставных столник Петр Лукьянов сын Потулов.

А ноября в 1 день нынешняго 705-го году на ево Ермилова место бьет челом жилец Александр Гаврилов сын Сорочинской⁵⁰.

А ноября в 12 день нынешняго 705-го году по помете на выписке дьяка Федора Замятина в Мещоск на Ермилово место Беклемишева отпушон жилец Александр Гаврилов сын Сорочинской, а переменить велено как срок минет. Наказ и грамота дана ноября в 26[?] день и к жилецкому списку письмо дано.

(Л. 12) *В Серпеиску. [Стряпчеи Максим Зиновьев сын Засецкой. Велено ему быть вместо брата ево Ивана апреля з 26-го числа] Столник Микита Раманов сын Яковлев июля [по] с 26-го [5] числа нынешняго 705-го году.*

А сентября в 20 день⁵¹ по помете а выписке дьяка Федора Замятина на Максимово место Засецкова отпушон столник Никита Раманов сын Яковлев, а переменить велено по сроке⁵².

В том же городе в товарищах по отпуску из Розряду из житья из отставных Григорей Игнатъев сын Ползиков.

Осип Домогацкой из житья из отставных.

(Л. 13) *В Мосалску. Столник Семен Игнатъев сын Протасов февраля з 27-го числа 704-го году.*

В том же городе в товарищах по отпуску из Розряду из житья ис полковой Степан Дмитриев сын Щербачев.

Да в тот же город бьет челом декабря з 20-го числа 705-го году стряпчеи Василей Иванов сын Чириков.

А в нынешнем 706-м году генваря в 8 день по указу в. г. по выписке за пометою дьяка Федора Ефимьева в Мосалеск на Семеново место Протасова велено отпустить столника Степана Семенова сына Румянцова

(Л. 13 об.) и переменить ему Степану ево Семена по сроке.

(Л. 14) *В Козелску. [Столник Алексеи Александров сын Юшков февраля з 20-го числа 704-го году]. Из дворян Василей Иванов сын Яковлев ноября з 29-го числа 705-го году.*

В тот⁵³ же городе в товарищах по отпуску из Розряду из отставных столник Яков Васильев сын Юшков.

А октября с 25-го числа⁵⁴ на ево место бьет челом жилец Александр Гаврилов сын Сорочинской⁵⁵.

А в нынешнем 705-м году ноября в 6 день по указу в. г. по помете на выписке дьяка Федора Ефимьева на Алексеево место Юшкова отпушон из дворян Василей Иванов сын Яковлев безсрочно.

(Л. 15) *В Лихвине. Столник Иван Степанов сын Темирязев ноября з 4-го числа 702-го году.*

А в 704-м году мая в 2 день по помете на выписке дьяка Федора Замятина на ево Иваново место отпушон столник Василей Михайлов сын Челюсткин и переменить по сроке.

(Л. 16) *Севского полку в городех. В Севску. [Ближнеи столник и воевода Михайло] Федоров сын Ртищев, жилец Леонтеи Ильин сын Тихменев июля с 13-го числа 703-го году.*

⁵⁰ Предложение обведено рамкой.

⁵¹ Имеется ввиду 1704 г.

⁵² Предложение обведено рамкой.

⁵³ Ошибка писца: тот. Должно быть: том.

⁵⁴ Имеется ввиду 1705 г.

⁵⁵ Предложение обведено рамкой.

А в нынешнем 705-м году генваря в 27 день в Севску на их место велено быть⁵⁶ думно[му]и дворяни[ну]и и воеводе Семен[у]ѣ Протасьевич[ю]ѣ Неплюев[у], да с ним в товарищех сын[у]ѣ ево Егор[у]ѣ марта со 18-го числа нынешняго 705-го году.

Дьяки. Леонтеи Клишин мая з 25-го числа 703-го году.

(Л. 16 об.) Алексеи Волков апреля с 1-го числа 703-го году.

(Л. 17) Во Брянску. Столник Афонасеи Семенов сын Шенишин марта з 19-го числа 704-го году.

В том же городе в товарищах по отпуску из Розряду из отставных дворян Фома Алексеев сын Исаков.

А в нынешнем 705-м году ноября в 30 день по указу в. г. по выписке за пометою дьяка Федора Ефимьева во Брянск на Офонасьево место Шеншина велено отпустить столника Тараса Акимова сына Карпова и переменить ево Афанасья как срок минет.

(Л. 18) В Рылску. Столник Сава Иванов сын Ознобишин марта з 20-го числа 704-го году.

А в нынешнем 705-м году октября в 18 день по помете [на вы] дьяка Федора Ефимьева на ево Савина место отпушон столник Иван Андреев сын Посников. И переменить велено по сроке. Росписался марта в 22 день 706-го году.

(Л. 19) В Путивле. Столник Петр Борисов сын Вельяминов сентября з 23-го числа 704-го году.

В том же городе в товарищах по отпуску из Розряду из отставных дворян Василии Мартинов сын Головленков.

(Л. 20) В Белеве. Столник Алексеи Александров сын Юшков июля со 2-го числа 703-го году.

(Л. 21) В Болхове. Столник Василии Иванов сын Лавров [ноября] Леонтеи Михайлов сын Коробьин октября⁵⁷ з 26-го числа 703⁵⁸-го году.

А в 704-м году мая в 31 день по помете на выписке дьяка Евсигнея Фомина на Васильево место отпушон жилец Иван Осипов сын Безобразов и переменить велено по сроке⁵⁹.

В том же городе в товарищах по отпуску из Розряду столник Денис Осипов сын Лукин.

1705-го июля в 27 день по имянному в. г. указу и по письму ис Полоцка велено в Болхове быть столнику Леонтью Михайлову сыну Коробьину воеводою до указу, а прежняго переменить безсрочно⁶⁰.

(Л. 22) В Карачеве. Столник Семен Михайлов сын Офросимов сентября с 1-го числа 703-го году.

А в 704-м году июля в 26 день по помете на выписке дьяка Федора Замятнина на ево место отпушон столн⁶¹ик Василии Кирилов сын Вельяминов и переменить как минет 2 года.

Семен Офросимов с меренами в село Поречье поехал мая в 1 день, а город приказал Антону Коробову.

(Л. 23) На Орле. Столник Иван Андреев сын Посников июня с 15-го числа прошлого 704-го году.

В том же городе в товарищах по отпуску воеводы апреля з 20-го числа 705-го году из отставных столник Июда Ермолов сын Шеншин.

⁵⁶ Текст от слова «ближней» до слова «быть» зачеркнут прочерком в виде «Z».

⁵⁷ Фрагмент, помещенный в круглые скобки, написан другим почерком под названием города.

⁵⁸ Исправлено на: 705-го.

⁵⁹ Предложение обведено рамкой.

⁶⁰ Предложение обведено рамкой.

⁶¹ Данное слово и до конца предложения написаны по затертому. Вероятно, затерто: нынешняго 705-го.

705-го июля в 26 день по имянному в. г. указу и по писму ис Полоцка велено на Орле быть столнику Левонтью Михайлову сыну Коробьину воеводою до указу и прежняго велено переменить безсрочно.

(Л. 24) *В Кромах. Столник Трафим Семенов сын Шеншин июня со 2-го числа 704-го году.*

1705-го июля в 27 день по имянному в. г. указу и по писму ис Полоцка велено быть в Кромах столнику Леонтью Михайлову сыну Коробьину воеводою до указу и прежняго переменить безсрочно.

(Л. 24 об.) *В Каменном. [Новагородка Северского Сава Алексеев сын Андрюкин] рыленин Игнатеи Федоров сын Кулешов апреля с 14-го числа 705⁶²-го году.*

И марта в 22 день нынешняго 705-го году по помете на выписке дьяка Ивана Уланова в Каменое на ево Савино место отпушон рыленин Игнатеи Федоров сын Кулешов и переменить велено безсрочно. Наказ и грамота даны марта в 23 день⁶³.

А октября с 25-го числа на ево место бьет челом из дворян Михаило Петров сын Дурной.

Подлинник.

РГАДА. Ф. 210. Оп. 8. Вяз. 32. Д. 4. Л. 1-24 об.

№ 2, 1705 г., апрель – июнь. Челобитная серпуховцев о назначении на воеводство кн. В.А. Вяземского и разрядная выписка по челобитной

(Л. 2) 1705-го мая в 4 день выписать.

К сеи челобитной високаго монастыря архимандрит Герасим руку приложил.

К сеи челобитной владычня монастыря игумен Симеон руку приложил.

Града Серпухова Троицкого собору протопоп Козьма руку приложил.

Николаевской поп Стефан руку приложил.

Соборной поп Иван руку приложил.

Димитреи ... руку приложил.

... поп Василеи руку приложил.

Духовных дел десятильник спаской поп Ияков руку приложил.

Спаской диякон руку приложил.

Космы Доминьяской поп Иван руку приложил.

Покровской поп Иван руку приложил.

К сеи челобитной гостинной сотни Василеи Никифоров сын Крупеников руку приложил.

К сеи челобитной гостинной сотни Иван Никифоров сын Крупеников руку приложил.

Николаевской поп Трафим руку приложил.

(Л. 2 об.) Державнейшии царь, государь милостивейшии, по твоему государеву указу из Розряду был в Серпухове воеводою Картереи Григорев сын Руднев и в нынешнем 705-м году в апреле месяце он воевода Картереи Руднев умре. И без воеводства твоих государевых и исцовых наших дел исправлять некем. А в Серпуховском, государь, уезде, близ града Серпухова живет столник князь Василеи Алексеевичь Вяземской и в Серпухове на воеводстве твои государевы и исцовы дела управить может. Всемилоствейшии государь, просим вашего величества, вели государь по сеи нашей заручной челобитной ему столнику князь Василью Алексеевичю Вяземскому быть в Серпухове воеводою, и о том дать ему свои государев указ вашего величества. Богомольцы и нижаишии рабы и сироты города Серпухова и уездных всяких чинов люди. 1705-го апреля в день⁶⁴.

(Л. 3) Алексеи Шишкин руку приложил.

⁶² Исправлено из: 703.

⁶³ Абзац обведен рамкой.

⁶⁴ День в ркп. не указан.

Иван Шишкин и места братьев своих Михаила, Ивана Меншова Шишкиных по их велению руку приложил.

Михаила Есенева руку приложил и места Федора Есенева по его велению руку приложил..

Иван Шишкин руку приложил.

Василеи Козлов руку приложил.

Петр Цвилленев руку приложил.

Дмитреи Нелюбохтин руку приложил, и места Михаила Таушева да Ивана Познякава по их велению руку приложил.

Богоявленской поп Симеон руку приложил.

Богоявленской поп Иван руку приложил.

Гостинной сотни Иван Игнатъев сын Шилов руку приложил.

К сеи челобитной серпуховской житель Филип Степанов руку приложил.

Конюшенной слободы тяглец Петр Филипов сын Ступин руку приложил.

Спаской поп Филип руку приложил.

Спаской поп Епифан Федоров руку приложил.

Спасакои (!) дьякон Андреи руку приложил.

(Л. 4) В Записной книге всяких дел нынешняго 705-го году написано:

В Серпухове был воеводою из дворян Картели Руднев и в том городе умре.

Апреля в 19-м числе в тот город для управления государевых и челобитчиковых дел послан стряпчеи Дмитреи Григорьев сын Бобынин и велено ему в том городе быть до его в. г. указу и до присылки с Москвы воеводы.

А мая в 2-м числе он Дмитреи по грамоте из Мастерские полаты послан ис Серпухова з зборными меренами в Смоленской уезд в село Поречье. И ныне в том городе воеводы нет⁶⁵.

А ныне в. г. (титул) бьют челом Серпу-

(Л. 4 об.) хова города духовного чина и серпуховские помещики и градские жители, чтоб для управления его государевых и исцовых их дел быть в Серпухове воеводою серпуховскому помещику столнику князю Василью княж Алексееву сыну Вяземскому и о том дать ему свои государев указ. Да к той челобитной приложили духовного чина и разных чинов люди 33 человека.

А в полковую службу написан он князь Василеи со 184-го году и был на службах:

Во 186-м и во 187-м году под Чигириным, Во 188-м году в Путивле, во 191-м году в Троицком походе, во 197-м году в Крымском походе, во 198-м году в Троицком походе, в 204-м году в Азовском походе,

(Л. 5) в 702-м году в Дарогобуже, в 703-м году в Севску. Итого на 8 службах. А в нынешнем 705-м году он князь Василеи для посылок из Розряду отослан в приказ Болшаго дворца. А по справке с приказом Болшаго дворца февраля в 6 день послан он князь Василеи ис того приказу для сыску каменщиков и кирпичников из Серпухова к Москве и ныне он у того дела. Справил Прохор Алексеев.

1705-го июня в 27 день по указу в. г. (титул) боярин Тихон Никитич Стрешнев с товарищи слушав сеи выписки приказал в Серпухове его

(Л. 5 об.) в. г. и челобитчиковы дела управлять князь Василью Вяземскому. И город, и дела, и казну осмотря ему переписать, и о том послать к нему в. г. грамоту и наказ, и чинить ему о всем по тому наказу и по присланным его в. г. грамотам без замедления. А о высылке каменщиков и кирпичников чинить ему по прежнему его в. г. указу и по грамотам ис приказа Болшаго дворца и писать его воеводою. -нин*.

* окончание скрепы по всем листам документа: Диок Федор За-мят-нин.
Подлинник.

РГАДА. Ф. 210. Оп. 7-б. Д. 23. Л. 2-5.

⁶⁵ Предложение написано другим почерком в отличие от всей страницы.

Список литературы

1. Буганов, В. И. (1975). *О «повстанческом архиве» Главного войска С. Т. Разина* // Советские архивы. № 5. С. 82-89.
2. Захаров, А. В. (2019). *Записные разрядные книги «всяким делам» рубежа XVII-XVIII вв.: археография и атрибуция подлинников* // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. № 1. С. 135-150.
3. Захаров, А. В. (2020). *Реконструкция росписей воевод и особенности воеводских назначений в начале XVIII века* // История: факты и символы. № 4. С. 63-80.
4. Захаров, А. В., Воробьев, А. В. (2020). *Записные книги отпискам начала XVIII века: информативные возможности документа и внутренняя коммуникация Разрядного приказа* // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. № 2. С. 116-135.
5. Захаров, А. В. *Информационно-поисковая полнотекстовая система «Записные книги Разрядного приказа (XVIII век)»*. URL: http://zaharov.csu.ru/zrk.pl?action=main_menu (дата обращения: 31.05.2021).
6. Лихачев, Д. С. (1962). *Текстология: На материале русской литературы X-XVII вв.* М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР. [Ленингр. отд-ние]. 605 с.
7. Научно-исторический архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Русская секция. Ф. 11. Д. 89 (Записная книга Разрядного приказа 1689/90 г.).
8. Новохатко, О. В. (2000). *Записные книги Московского стола Разрядного приказа XVII в.* М.: Памятники исторической мысли. 446 с.
9. Овчинников, Р. В. (1980). *Манифесты и указы Е. И. Пугачева. Источниковедческое исследование.* М.: Наука. 280 с.
10. Павлов-Сильванский, В. Б. (1991). *Писцовые книги России XVI в.: Проблемы источниковедения и реконструкции текстов.* М.: Наука. 245 с.
11. Подъяпольская, Е. П. (1962). *Восстание Булавина. 1707-1709.* М.: Изд-во Акад. наук СССР. 216 с.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. Т. 4. СПб., 1830. 881 с.
13. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Оп. 2 (Боярские списки).
14. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-а (Записные книги Московского стола).
15. РГАДА. Ф. 210. Оп. 7-б (Дела разрядные).
16. РГАДА. Ф. 210. Оп. 8 (Разрядные вязки).
17. РГАДА. Ф. 210. Оп. 21.
18. РГАДА. Ф. 286. Оп. 1.
19. Топоров, В. Н. (2004). *Исследования по этимологии и семантике. Т. 1: Теория и некоторые частные ее приложения.* М.: Языки славян. культуры. 814 с.

References

1. Buganov, V. I. (1975). *O «povstancheskom arkhive» Glavnogo voiska S. T. Razina* in Sovetskie arkhivy, 5, 82-89. (in Russian).
2. Likhachev, D. S. (1962). *Tekstologiya: Na materiale russkoi literatury X-XVII vv.* Moscow, Leningrad, Izd-vo Akad. nauk SSSR. (in Russian).
3. Novokhatko, O. V. (2000). *Zapisnye knigi Moskovskogo stola Razriadnogo prikaza XVII veka.* Moscow, Pamiatniki istoricheskoi mysli. (in Russian).
4. Ovchinnikov, R. V. (1980). *Manifesty i ukazy E. I. Pugacheva. Istochnikovedcheskoe issledovanie.* Moscow, Nauka. (in Russian).

5. Pavlov-Sil'vanskii, V. B. (1991). *Pistsovye knigi Rossii XVI v.: Problemy istochniko-vedeniia i rekonstruktsii tekstov*. Moscow, Nauka. (in Russian).
6. Pod"iapol'skaia, E. P. (1962). *Vosstanie Bulavina. 1707-1709*. Moscow, Izd-vo Akad. nauk SSSR. (in Russian).
7. Zakharov, A. V. (2019). *Zapisnye razriadnye knigi «vsiakim delam» rubezha XVII-XVIII vv.: arkheografiia i atributsiia podlinnikov* in *Magistra Vitae: ehlektronnyi zhurnal po istoricheskim naukam i arkheologii*, 1, 135-150. (in Russian).
8. Zakharov, A.V. (2020) *Rekonstruktsiia rospisei voevod i osobennosti naznacheniiia voevodskoi administratsii v nachale XVIII veka* [Reconstruction of signatures of officers and specificity of appointment in the early 18 century] in *Istoriia: fakty i simvoly*, 4, 63-80. (in Russian).
9. Zakharov, A. V., Vorobiev A. V. (2020). *Zapisnye knigi otpiskam nachala XVIII veka: informativnye vozmozhnosti dokumenta i vnutrenniaia kommunikatsiia Razriadnogo prikaza* [Deployment books of letters in the early 18th century: informative scope of the document and communication of the Military Service Chancellery] in *Magistra Vitae: ehlektronnyi zhurnal po istoricheskim naukam i arkheologii*, 1, 135-150. (in Russian).
10. Zakharov, A. V. (2020-2021) *Informatcionno-poiskovaia polnotekstovaia sistema «Zapisnye knigi Razriadnogo prikaza (XVIII vek)»*. [E-print CSU: Court Deployment Books of Military Service Chancellery. XVIII Century]. URL: http://zaharov.csu.ru/zrk.pl?action=main_menu

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Вартумян А.А.
(Пятигорск)

**РОССИЯ НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

(Рецензия на монографию Васильева А.М. “От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке” / Алексей Васильев. – М.: Центрполиграф, 2018. – 670 с.)

В издательстве “Центрполиграф” вышла в свет монография известного востоковеда Васильева А.М. о внешней политике России на Ближнем и Среднем Востоке. Объемный формат работы (670с.) впервые в международной историографии рассматривает процесс принятия решений в Кремле по вопросам ближневосточной политики. Научный труд состоит из 2-х частей, разделенных по хронологическому и территориальному признакам. Десять глав первой части посвящены эпохе 70-х – 80-х годов XX века. Глава I представляет становление большевистской внешней политики. Появляются новые идеалы “борцов за национальное освобождение”, “манифесты новорожденного государства были совершенно новыми для человечества” – напишет спустя много лет египетской истории Ш.А. аш-шаафи. Впервые в истории человечества появилась великая держава, которая не хотела никого колонизировать, никого оккупировать, никого эксплуатировать. Это государство предложило Сааду Загуму помощь оружием.

Интересная деталь: во время революционных 1919 года в Египте на местах возникали органы власти, которые действительно называли русским словом “советы”.

Авторская трактовка истоков внешней политики России на Ближнем Востоке неоднозначная и интересная. А. Васильев утверждает (с. 21), что больше века, взявшие власть в России, не знали и не понимали Востока. Опыт работы в мусульманских районах Поволжья и Закавказья, который был у некоторых лидеров Октября, оказался недостаточным для сколько-нибудь дельного анализа ситуации, тенденций общественно-политического развития на тогдашнем Востоке. Находясь в плену некомпетентности и догматизма, они подгоняли сложнейшую действительность стран Азии и Африки под ленинские лозунги и теории. С послеоктябрьских лет до 90-х годов XX века основой подавляющего большинства исследований специалистов по Востоку была компиляция работ западных ученых, препарированных и сдобренных марксистско-ленинской фразеологии. Следует признать, что политика молодой России в отношении лидера младотурок М. Ататюрка являлась ошибочной и противоречивой: помощь финансами, оружием и вооружением, территориальные уступки ради идеалов и мировой революции – все это “внешнеполитическая наивность” и непонимание социальной структуры стран Востока. В российской историографии имеется немного работ, авторы которых объективно и позитивно критикуют ошибочные взгляды и теоретические установки В.И. Ленина и ленинизма в целом. Автору монографии А. Васильеву это удалось.

Ошибочные ожидания большевиков хорошо продемонстрировал грандиозный по тем временам съезд народов Востока в сентябре 1920 г. (с. 24). Он остался пропагандистским действием, не имевших серьезных последствий и по мнению автора “большевизм как политическая теория, политическая практика, политическая организация не прижился в арабских странах, Турции, Иране”. Характеризуя материальную помощь арабским странам, Турции, Египту, Йемену, Эритрее, Хиджазу в самые голодные и сложные для страны годы, автор делает вывод о том, что “самовыражение, внешняя политика” представляется в таких конкретных проявлениях бессмысленным словосочетанием, как и политика внутренняя. На

протяжении всего советского периода истории России как в ее внутренней, так и во внешней политике постоянно присутствовало сочетание высоких идеалов и “преступного цинизма, логики и абсурда” (с. 31).

Впервые в российской исторической науке “отодвинута” дата начала “холодной войны”. Поводом послужили события в послевоенный период, связанные с борьбой за влияние над проливами Босфор и Дарданелла.

По мнению автора, притязания Сталина на проливы стали одной из главных причин и поводов для начала холодной войны. В марте 1947г. состоялось выступление президента США перед конгрессом, от этого выступления, которое получило название “доктрина Трумэна”, обычно ведется отчет холодной войны в западной историографии, хотя российские историки традиционно связывают ее начало с фултонской речью У Черчиля в марте 1946 года. Через много десятков лет конфронтация с послевоенной Турцией трагически отозвалась на невинных людях. Несколько десятков тысяч турок-месхетинцев были депортированы в Среднюю Азию с территории советской Грузии. В 1989 году они стали жертвами погромов и вновь оказались в изгнании, расселившись на Юге России, т.к. Грузия отказалась принять их обратно. История завершилась переселением турок-месхетинцев в США.

Автор монографии подробно излагает подлинные причины советского промаха в Иране в послевоенный период. Речь идет о создании Азербайджанской и Мехабадской (Курдской) республик, попыток расчлнить Иран и создания военных баз на отторгнутых территориях. Непонимание иранских реалий, жесткая ядерная ультимативная реакция США с требованием вывести советские войска позволили шахскому Ирану разгромить сепаратистских республик, а Советскому Союзу вывести свои войска с иранской территории.

Анализ внешнеполитических сталинских неудач на Ближнем Востоке чередуется с авторскими объективными реалиями, где имидж Советского Союза становился все более положительным. СССР поддерживал требования о выводе английских войск из Египта, выступал за предоставление независимости Ливану и Сирии, а затем Ливии. Ученый – востоковед А.М. Васильев дает честную и непредвзятую оценку целей, методов и средств политики Москвы в этом важнейшем для России регионе и третьего мира. Впервые в международной историографии рассматривается процесс и принятие решений по вопросам ближневосточной политики в ленинско-сталинский периоды.

Отдельная глава рецензируемой монографии посвящена хрущевскому периоду ближневосточной политики. Справедливо и очевиден вывод автора о том, что “более гибкая и успешная, чем раньше, политическая практика требовала видоизменения уцелевших мессианских лозунгов, без которых она пока что не могла существовать, отказа от заскоружных формулировок” (с. 41). Хрущевское руководство достаточно быстро и для того периода успешно нашло новые клише для теоретического и пропагандистского оформления своей политики в “третьем мире”: “некапиталистический” путь развития”, “революционная демократия”, “национальная демократия”.

Оценивая в целом хрущевскую эпоху в ее внешнеполитическом эквиваленте, автор склоняется к выводу о том, что “баланс Никиты Хрущева на Ближнем и Среднем Востоке был положительным” (с. 74). Арабские страны в целом и Афганистан оказались эффективно нейтрализованными или даже дружественными, укрепили свою независимость. Иностранные базы были ликвидированы в Египте, Иордании, Иране, Судане, Египте, Сирии. Эпоха противостояния изменила формат взаимоотношений Советского Союза и Запада, а заложенные противоречия продолжали в эпоху “холодной войны” ослаблять экономическую безопасность СССР и гонка вооружений завершила этот процесс.

Особую источниковую ценность представляют собственные авторские интервью и беседы с историческим десятилетием и персонажами локальных историй, описанных в монографии: “Беседа с Д.Т. Шепиловым, май 1990 год”, “Беседа с У. Ростом, 17 сентября

1990 год”, “Беседа с О.В. Ковтуновичем, сентябрь, 1979 год”, “Беседа с Е.Д. Пырлиным, май 1990 год”, “Беседа с Ю.Н. Черняковым, март, 1990 год”, “Беседа с Б.Н. Пономаревым, июль 1990 год”, “Беседа с Мустафом Барзани, 17 июля 1970 год”, “Беседа с А.С. Куликом, октябрь, 2014 год”, “Беседа с В.М. Виноградовым, июль, 1990 год”.

Жанр “беседа”, который предполагает неформальное собеседование за кружкой чая, автором монографии дополнен формой более протокольной – интервью, а именно: “Интервью с Е. Примаковым, январь, 2014 год”, “Интервью с И.С. Ивановым, сентябрь, 2014 год”, “Интервью с А.Е. Бовиным, апрель, 1992 год”, “Интервью с П.Н. Стегнием, сентябрь, 2014 год” и др.

Включения в структуру монографии “человеческого фактора” в виде многочисленных авторских бесед и интервью, а также обширнейшей отечественной и зарубежной мемуарной литературы деятелей внешнеполитических и дипломатических ведомств (Троцкий Л., Smith С.А., Примаков Е., Добрынин А.Ф., Косыгин А.Н., Горшков С.Г., Громыко А.А., Isaakson Walter, Брутенц К.Н., Гриневский О., Корниенко Г., Богданов Л., Чазов Е., Воробьев Н.Н. и др.) является несомненным творческим достижением автора.

Отдельная глава монографии посвящена “брежневской эпохе”, вместившей и явные успехи и явные неудачи советской внешней политики на Ближнем Востоке. Автору удалось четко аргументировать собственную точку зрения на существо арабо-израильских отношений. Создается Средиземноморская эскадра, в Египте разворачивается система ПВО, размещаются истребители МиГ-21, число советских специалистов достигает 20 тысяч. Автор приводит данные из западных источников, советские (российские) пока не опубликованы. В годы правления Л.И. Брежнева на Ближнем Востоке произошло явление, которое по мнению автора, повлияло на характер международных отношений в регионе. Речь идет о милитаризации правящих режимов, которые в процессе безудержной милитаризации превращались в авторитарные политические режимы. Чрезмерные вливания оружия со стороны СССР и США в ряд стран региона превышали уровень законных интересов обороны, подрывали элементы гражданского правления, создавали перекосы в сторону военного комплекса. Так было с Гамалем Абдель Насером и шахом Ирана, Сиадом Барре в Сомали, Менгисту Хайме Мариамом в Эфиопии. Политический цинизм и иррациональность конфронтации заключалась в поддержке Советским Союзом любого режима, заявлявшего о своем “антимилитаризме”.

В рецензируемой монографии глубоко и всесторонне раскрываются причины неудач Советского Союза на Ближнем Востоке и прилегающих территорий. Авторское понимание звучит следующим образом: “уменьшение возможности оказывать технико-экономическое содействие странам Ближнего и Среднего Востока”, курс на милитаризацию политики, упование на неверные ориентиры в оценке общего направления социально-политического развития, неспособность эффективно участвовать в ближневосточном урегулировании – все это начиная с 70-х годов XX века приводило к ослаблению советских позиций в регионе (с. 131).

В постбрежневский период и во время “перестройки” начинается новый этап выстраивания отношений со странами Ближнего Востока.

Весьма детально, с привлечением личных источников на арабском языке, автор раскрывает причинно-следственные связи российского “вхождения” в Сирию.

Происходящие в настоящее время события в Сирийской Республике имели свою предысторию в 80-90гг. XX века, когда страна “легла” в повестку дня российских внешнеполитических ведомств.

Изложенные материалы позволяют оценить новый курс Кремля, исходя из прагматичных и рациональных позиций, минуя идеологизированный романтизм предшествующих эпох.

Если быть реалистами, стоит признать, что в целом на Ближнем и Среднем Востоке Россия в силу, прежде всего, экономических обстоятельств не может играть первую

скрипку. У стран региона по-прежнему главные направления экономического взаимодействия связаны с США, Западной Европой, Китаем и поднимающейся Индией. Россия в экономической области останется в регионе на вторых-третьих позициях. Это окончательный вывод автора, с которым мы согласны. Монография А. Васильева пополнит полку специалистов-историков, политологов, дипломатов, военных специалистов, столь объемное исследование (670 с.), наполненное уникальными авторскими источниками, содержащее энциклопедический по объему формат поможет по-новому взглянуть на существо нового этапа российской внешней политики на Ближнем и Среднем Востоке.

Жиров Н. А.
(Елец)

ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СТУДЕНЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО И СОВРЕМЕННАЯ НАУКА»

8 апреля 2021 г. в Институте истории и культуры Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина (г. Елец) состоялась очередная VI всероссийская научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Студенческое сообщество и современная наука». Данное мероприятие прошло в рамках ежегодного историко-культурного фестиваля науки и творчества института истории и культуры ЕГУ имени И. А. Бунина «Моя история. Моя Россия». Значимость данного научного форума для современной гуманитарной науки в области студенческих исследований сложно недооценивать, так как число регулярных мероприятий подобного масштаба ограничено.

В Елецком государственном университете им. И. А. Бунина в рамках реализации научных мероприятий, связанных с развитием и популяризацией студенческой науки, на каждом факультете проводились тематические конференции молодых исследователей, аспирантов и студентов. Как правило, эти научные форумы носили региональный, в большей степени внутривузовский характер. В 2014 г. в ЕГУ им. И. А. Бунина вместо привычных факультетов путем их объединения появились институты, в том числе институт истории и культуры. В состав нового структурного подразделения вошли четыре прежних факультета: исторический, музыкально-педагогический, дизайна, социально-культурного сервиса и туризма.

Вследствие преобразований встал вопрос о дальнейшей реализации студенческой науки в новом институте. С 2015 г. стала проводиться конференция «Научные исследования: история, образование и культура, сфера дизайна и туризма», позже получившая современное название «Студенческое сообщество и современная наука».

Первые сборники по итогам конференции были представлены 30-40 научно-исследовательскими работами обучающихся института истории и культуры ЕГУ им. И. А. Бунина. Тематика исследований охватывала широкий спектр направлений и областей в развитии отечественной и всеобщей истории, культуры, а также дизайна и туризма.

С 2017 г. конференция поменяла статус с региональной на всероссийскую. Это было следствием интереса со стороны молодых исследователей и студентов из других вузов как Липецкой, так и иных регионов России к мероприятию, проводившемуся институтом истории и культуры ЕГУ им. И. А. Бунина.

15 мая 2020 г. в Елецком государственном университете им. И. А. Бунина состоялась юбилейная V Всероссийская научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Студенческое сообщество и современная наука».

География участников и гостей мероприятия включила в себя такие города России, как Москва, Воронеж, Санкт-Петербург, Тамбов, Таганрог, Самара, Ставрополь, Орёл, Липецк, Череповец и др. Общее количество заявленных участников превысило 110 человек, из

них более 40 являлись внешними.

В предыдущие годы программа научного мероприятия включала работу 9 секций по таким направлениям и актуальным темам, как отечественная и всеобщая история, вопросы образования и культуры, научные исследования в сфере дизайна и туризма, развитие музыкального образования и творчества. В рамках конференции состоялся круглый стол на тему «Перспективы развития политической системы в современной России». В завершение конференции состоялась экскурсионная программа для её участников по историческим местам г. Ельца, которую проводили кандидат филологических наук, доцент Стрельникова М. А. и кандидат исторических наук, доцент Щукин Д. В.

К сожалению, с 2020 г. в связи с пандемией COVID-19 конференция проводится в дистанционном режиме видеосвязи, но это не мешает вести научный диалог между участниками, и в некотором смысле даже облегчает возможность в режиме «онлайн» увидеться и обсудить наиболее интересные темы в рамках пленарного и секционных заседаний.

Традиционно работу пленарного заседания открыли проректор по научной работе ЕГУ им. И. А. Бунина, кандидат филологических наук, доцент Попова Г. Н., директор института истории и культуры ЕГУ им. И. А. Бунина, кандидат филологических наук, доцент Климова М. В., заместитель директора по научной работе института истории и культуры ЕГУ им. И. А. Бунина, кандидат исторических наук, доцент Жиров Н. А., а также коллеги из РГАУ-Московская сельскохозяйственная академия имени К. А. Тимирязева доктор исторических наук, профессор Оришев А. Б. и кандидат исторических наук, доцент В.Н.Тарасенко

Они поприветствовали гостей и участников конференции, обратили внимание на важность и значимость развития науки в молодёжной среде, а также пожелали всем участникам конференции успехов в их научно-исследовательских работах.

В 2021 г. в работе конференции приняло участие более 110 человек, из них более 50 являлись внешними, что ярко демонстрирует всероссийский характер мероприятия. Половина секций тематически являлись историческими, а количество внешних участников в каждой из этих секций составляло более 60%.

Одним из наиболее интересных и актуальных выступлений на пленарном заседании был доклад К. Лухневой Иллари-Регины [1] «Может ли женщина быть историком: Шарль Диль против исторического наследия Анны Комниной» (Череповецкий государственный университет, г. Череповец; науч. рук. - к.и.н. доц. Добровольский Е. С.).

В рамках работы секции «Актуальные проблемы изучения археологии и отечественной истории до XIX века» лучшим докладом было выступление Е. М. Воробьёвой (научный руководитель проф., дин В. В. Канищев, ТГУ им. Г. Р. Державина, г. Тамбов) «Реализация в Тамбове градостроительной реформы Екатерины II». Можно также отметить выступления П. В. Васиной, В. Ю. Селивановой, а также М. А. Никитина (последние из Волгоградского государственного социально-педагогического университета, г. Волгоград).

Активными внешними участниками секции «История России XIX – начала XX веков» стали магистрант Облицов М. А. (ТГУ им. Г. Р. Державина, г. Тамбов) и Кокорина Г. А. (Тверской государственный университет, г. Тверь). Ими были затронуты темы повседневной жизни иностранцев и инородцев в Российской империи, что вызвало живой интерес у аудитории.

В секции «Актуальные вопросы истории России XX-XXI вв.» выступали студенты и аспиранты из различных регионов России: Павленко Ю. М. (Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина г. Пушкин (Санкт-Петербург)), Олейникова Ю. С. (Таганрогский институт имени А. П. Чехова (филиал) ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)», г. Таганрог) Кривцов А. А. (ВГПУ, Воронеж) и т. д. Все представленные доклады имели высокую степень научной составляющей, тематика была актуальной, а дискуссия, развернувшаяся в ходе работы секции, – конструктивной.

В секции «История зарубежных стран: от прошлого к настоящему» в числе лучших

были отмечены доклады магистрантки Ковалевой Л. Д. (Тверской государственной университет) и студента Керимова К. А. (ЕГУ им. И.А. Бунина).

Материалы конференции 2021 г., как и предыдущих лет, были опубликованы в отдельном сборнике, размещены в РИНЦ [2] и находятся в открытом доступе для всех исследователей истории, как на профессиональном, так и на любительском уровне, что очень важно для дальнейшего развития исторического знания в России.

Конференция «Студенческое сообщество и современная наука», несмотря на свой дистанционный характер, позволила участникам ознакомиться коллег со своими научными достижениями, обменяться мнениями в ходе дискуссии. Начинающие ученые получили ценный опыт выступления на достаточно крупном научно-практическом мероприятии всероссийского уровня.

Список литературы

1. Лухнева, Иллариya-Регина К. (2021). *Может ли женщина быть историком: Шарль Диль против исторического наследия Анны Комниной* // 10 корпус. № 5. С. 121-125.

2. *Студенческое сообщество и современная наука*. (2020). Материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых / отв.ред. и сост. Н. А. Жиров. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина. 611 с.

References

1. Luhneva, Illariya-Regina K. (2021). *Mozhet li zhenshchina byt' istorikom: SHarl' Dil' protiv istoricheskogo naslediya Anny Komninoj* [Can a woman be a historian: Charles Diehl against the historical heritage of Anna Komnina] in 10 building, 5, 121-125. (in Russian).

2. *Studencheskoe soobshchestvo i sovremennaya nauka* (2020). [Student community and modern science]. Materials of the All-Russian scientific and practical conference of students, post-graduates and young scientists / ed. and comp. N. A. Zhiron. Yelets, Bunin Yelets State University. (in Russian).

Ляпин Д. А.
(Елец)

О РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА РНФ ПО СОЗДАНИЮ ГЕОИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ КОМПЛЕКСА ВОЕННО-ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ И ПОСЕЛЕНИЙ БЕЛГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ

В 2021 г. на базе Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина была начата реализация проекта РНФ «Создание геоинформационной системы комплекса военно-оборонительных сооружений и поселений Белгородской черты в контексте социоестественной истории юга Центральной России в XVII – первой половине XIX вв.». Проект объединил группу ученых из разных университетов. Кроме Елецкого университета (Д. А. Ляпин, Н. А. Жиров, А. Р. Мельникова), над проектом трудятся специалисты из Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина (К. С. Кунавин, Ю. А. Мизис, С. К. Лямин), Белгородского национального исследовательского университета (А. И. Папков), Воронежского государственного университета (В. Н. Глазьев, П. В. Попов), Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (И. В. Ковалев). Таким образом, проект объединил крупную группу специалистов. Кроме того, для проведения археологических раскопок был привлечен А. Н. Голотвин, директор археологического парка «Аргамач», специалист в области археологии XVII в.

В конечном итоге цель проекта заключается в осмыслении специфики развития Российского государства, механизмов его развития в XVII в., – когда завершился процесс становления национальной государственности и культурной самоидентификации. Достигнуть этой цели предполагается путем изучения самого большого в истории России военно-оборонительного сооружения – Белгородской черты. К 1658 г. эта огромная черта протянулась на 800 км, защищая южные границы страны от набегов крымских и ногайских татар, способствуя началу полноценного хозяйственного освоения обширных территорий современного Центрального Черноземья. В XVIII в. начинается интенсивное заселение этих земель крестьянами. Уже в XIX в. эти земли станут важным сельскохозяйственным центром страны, а к концу века перенаселение черноземной деревни создаст почву для социального взрыва и приведет к революционным событиям. В XX в. этот регион превратится в развитый промышленный центр с крупными городами, такими, как Воронеж, Липецк и Белгород, а также Курск и Тамбов.

Таковы были далеко идущие последствия строительства Белгородской черты. Мы видим их значимость, и потому так важно понять, каким же образом удалось построить это мощное сооружение. Детальное изучение этого процесса позволит понять, каковы были механизмы взаимодействия власти и общества в этом процессе, какие способы социальной организации использовались, и наконец, нам важно осмыслить сами формы поведения населения, восприятие людьми своего места в государстве и своей роли в обществе. Для того, чтобы в полной мере осмыслить процесс, необходимо четко и ясно представлять, что представляла собой сама Белгородская черта. Поэтому в центре внимания проекта – создание геоинформационной системы, которая включает в себя полный набор сведений о географии черты, социальной и военной структуре населения, задействованного в строительстве комплекса военно-оборонительных сооружений черты. Кроме того, интерактивная карта будет включать информацию о сельских поселениях региона Белгородской черты.

Собранная информация приведет, в конечном итоге, к созданию геоинформационной системы комплекса военно-оборонительных сооружений и поселений Белгородской черты, которую предстоит осмыслить в контексте социоестественной истории юга Центральной России в XVII – первой половине XIX вв. Апробация работы будет осуществляться в виде статей в журналах, входящих в международную базу данных, а также в процессе выступлений на тематических конференциях.

Фатеме Х. М.
(Тегеран)

TOPICAL ISSUES OF THE HISTORY OF DISTILLATES AND MEDICINAL PLANTS AND THEIR PROPERTIES

The invention of writing allowed plant knowledge to be recorded and preserved. The first inscriptions detailing the use of plants in the treatment of disease were written on clay tablets found in Mesopotamia (modern-day Iraq) and the Egyptian papyrus. In which 250 herbal medicines were listed. The Ebers Papyrus was written around 1500 BC, which is one of the most important human writings in which ancient information has been recorded, containing 876 copies of 500 different materials and in which many plants have been mentioned. They have a tradition that includes the use of plants. At that time, different nations scientifically collected information about plants and developed herbal pharmacopoeias. Until the 20th century, most scientific medical pharmacopoeias were extracted from the same plant cultures of different nations. Many drugs, such as strychnine, aspirin, vincristine, taxol, artemisinin, and corundum, have herbal roots, and about a quarter of all over-the-counter drugs in the United States contain herbal active ingredients. The most important birthplaces of herbal medicine are: Asia (China, India) - Latin America - Europe. It should also be noted that in the 21st century, the European Union has enacted a law requir-

ing clinical trials on medicinal plants, such as chemical drugs, so all herbal medicines must be licensed (Ziaei, 2002).

One of the main problems of developing countries in the path of economic development and development is undoubtedly the issue of migration of rural residents and suburbs to urban centers. In developing countries, the agricultural sector alone cannot create employment and income. It is the agricultural sector and the industrial sector that can be very effective. Rose water making industry as a complementary industry of raw agricultural products (rosemary and other medicinal plants) and in accordance with the geographical, demographic, technological and cultural conditions of Ghamsar Kashan district, has been an important source of income for many years. Residents of the region have become remarkable. Mohammadi flower or fragrant gold has the ability to live and adapt in difficult conditions in terms of soil, climate, water and slope of the land. Standard and marketable packaging as well as marketing and marketing must be a fundamental and conscious effort.

Mohammadi flower is scientifically named (Rozadmasna) that its cultivation and cultivation is common in 14 provinces of Iran. Isfahan province (Kashan city) is one of the most important areas for cultivating this flower. According to the documents available in the National Library of Paris, Fars province paid the Baghdad treasury in 810 AD, equivalent to 30,000 bottles of rose water. The rosemaking industry was taken to Europe by the Arabs in the 10th century.

The history of Mohammadi flower cultivation and rose-making industry in Qamsar has a long history, which dates back to the first and second centuries AH. During the reign of the Seljuk emperor, the representative of one of the Eastern Roman Atabaks from the foothills of Ghamsar ʿol Asbi took the red car with him to the city of Mashq, which was called Damascos in those days. Rose extraction in Ghamsar Kashan is achieved in two traditional and industrial methods and the basis of both methods is based on distillation.

In the traditional method, the tools and equipment used include: a copper pot, in a copper pot, Nietzsche (two aluminum pipes with a 45-degree angle), a copper pitcher and a heating device called a branch that works with kerosene or diesel fuel. In the method of industrial rose extraction, the working method and devices are more or less the same *as traditional rose extraction* [Kordvani, 2004].

Iran has a special place in the export of flowers and roses in the world and every year a significant volume of this product is exported to different countries of the world, which can be referred to the United Arab Emirates, France, USA, Canada, Germany, China, UK, Austria, Australia and Sweden for perfume production. (www.yjc.ir). Among these countries, the UAE is the largest buyer of this perfume.

Properties of rose: In Asian countries, also in Iran, this fragrant substance is used in food, tea, ice cream and traditional sweets (coke, rice sweets, baklava, etc.), and it is also soothing. In traditional medicine, rose is known as warm that pH blood to alkaline. In the past, rose was used a lot, for example, it relieved toothache by dropping a few drops of this substance. Rose is also suitable for skin care and cleansing, and it can be used in a chemical skin cleansing product, as well as its freshness and radiance. And gives freshness. Serum is beneficial for the skin. It is suitable for removing pimples on the body. But the healing properties of rose water are used to disinfect the eyes, relieve dry eyes, gastrointestinal diseases such as chronic diarrhea, bloating, heartburn and increase libido. Rose water is used to relieve rheumatic pains, heart and stomach. It strengthens and relieves anxiety. It is useful for sore throats, prevents bleeding from the chest and throat. Drinking cool rose water warms the nostrils and strengthens the body. Smelling it also relieves headaches (www.akairan.com).

In Iran, the use of herbal infusions has a very long history. In Islamic and traditional medicine, many references have been made to the properties of these compounds. This product is used as a flavoring for food, medicine and beverages. In some of its essential oils, after purification, it is used in the manufacture of sweets. It should be accompanied by sweat without any color. The presence of any of these characteristics indicates the existence of a negative factor in sweat. Sweat

has a special odor and is mainly known by its smell. Sweat is classified into two categories in terms of purity, heavy sweat and light sweat. The amount of essential oil in sweat varies from 15 to 30% and its changes indicate first and second degree sweat (Darsasanat Company, 2007).

Steps of production of herbal essences
Selection of plant raw material
Sorting
Distillation
Filtration
Pasteurization
Formulation
packing
Store
Quality control of the final product

The use of boiled plants from ancient times and the recognition of their positive therapeutic effects and the use of plants in the manufacture of food has led to the gradual recognition of various types of herbs and finally their essences and essential oils. And consumers are familiar with their characteristics, which are: rosemary sweat (rose) - pussy sweat - Nastaran sweat - Spring orange sweat - Mint sweat - Thyme sweat - Thistle sweat - Rye sweat - Chicory sweat - Boar sweat - Hawthorn sweat or Kialk - Taroon sweat.

The use of medicinal plants has an ancient history. Medicinal plants have a special value and importance in providing health and well-being in terms of prevention and treatment of diseases. Herbs are a medicine that has the following properties:

- In the body of plants, special substances are made and stored as effective substances and secondary metabolites that are used to treat some diseases, which are made during special and complex biochemical processes and in very small quantities (usually less than one percent of the dry weight of the plant).
- Special organs such as roots, leaves, stems, flowers and fruits may often have the most effective substances, so the whole plant cannot always be considered as a special medicinal substance.
- Plant organs are harvested, prepared and processed, ie under the influence of special operations such as separation, crushing, drying and fermentation, and then used.

In this section, a number of medicinal plants, some of which may be used on a daily basis, are discussed as follows:

Thyme: In ancient Rome, thyme was burned and it was believed that the smoke from it caused scorpions to move away. Thyme was used as an antidote to treat our stings and it was used to treat all kinds of headaches. Thyme is a laxative, expectorant, antiseptic, antispasmodic, antibacterial, fungal, diuretic, and wound healing. It is also bitter, slightly bitter, hot and dry.

Lavender: One of the most famous herbs used in medicine since ancient times, the Arabs used it as a sputum, while the Europeans traditionally used this plant as a wound healer. Effects such as strengthening blood circulation, antispasmodics, It relieves pain, enhances bile secretion and disinfects. Its temperament is bitter, dry and cold in nature. It should be noted that excessive consumption of this plant during pregnancy stimulates uterine contractions.

Rosemary (rosemary): It is a Mediterranean plant that gradually spread throughout the mystery. This plant was planted in the 14th century by the wife of King Edward III of England in this country. It is effective for strengthening monism, this plant has a bitter, dry, hot temperament.

Echinacea: Native Americans used it to treat snakebite, fever and severe wounds. Immigrants to the United States used the plant to treat colds and flu. It has had fans since the 19th century. It is found and is used today in the treatment of AIDS. This plant strengthens the immune

system, antibiotics, antiallergies, strengthens the body's lymphatic system and has a cool, dry and fast temperament. Also, high consumption of this plant causes dizziness and nausea.

Figs (Pig-Hemorrhoids): This plant was used in both Eastern and Western traditions as a cleansing and purifying plant. Figs were used to treat abscesses and purulent wounds. The root of this plant reduces blood pressure and relaxes the heart and calms the heart. Its temperament is bitter, cold, dry and salty.

Eucalyptus: Indigenous Australians traditionally used eucalyptus to reduce fever. It was introduced to the West Australian and Melbourne Botanical Gardens in the 19th century and was cultivated in southern Europe and the Americas. The oil of this plant is used for infectious diseases such as measles, rubella and typhoid. Eucalyptus lowers blood sugar and removes worms from the body. Its temperament has a bitter, cool, hot and humid nature.

Chamomile: The ancient sailors called it (earthy apple). The Anglo-Saxons considered the chamomile plant to be one of the nine sacred plants. Chamomile plays an important role in the treatment of gynecological diseases. Azulene is dark blue in color. This plant is anti-inflammatory, anti-spasmodic, anti-emetic and sedative and has a bitter, hot and humid temperament.

Orange: The origin of this medicinal plant is China and the Middle Ages had a special popularity among Oriental physicians. In the 16th century, an Italian prince obtained the oil from the flowers of the orange tree, which he used to perfume his gloves. Neroli is available in the market. Orange fruit is a gastrointestinal stimulant and is suitable for constipation, it is suitable for treating insomnia. It is also used to prevent shock. Orange peel is a laxative and is used to treat cough. Its effects are antifatulence, anti-flatulence, increase blood pressure, anti-depressant, vasospasm, and energizing.

Peppermint: Containing aromatic oil eliminates bloating and digestive problems caused by the accumulation of gas in the intestines. It soothes pain in the abdomen, causes spasms. Peppermint also regulates menstruation in women and strengthens uterine contractions. Stimulates uterine contractions.

Raspberry: It has long been used as a soothing plant, its leaf is used to treat diarrhea and hemorrhoids. Today, raspberry leaf tea is used to prepare pregnant women in late pregnancy for childbirth, and to treat mouth and skin ulcers. In France, raspberry leaves are used for the prostate gland. Raspberry fruit is also used for rheumatism and indigestion. It is rich in vitamins, minerals and nuts, and its temperament is dry, astringent and cool.

Black and white berries: In the 16th century, the fruits, stems, and leaves of blackberries were used medicinally. Colds and high blood pressure are used. The effects of this fruit on the body are general strengthening of the body, laxative, antibacterial, increase of body perspiration, anti-rheumatism and lowering blood pressure, and its cold temper.

Oatmeal: It has a warm and sweet nature and is a good food for cold regions such as northern Europe. New research by scientists has shown that oatmeal can help lower blood fat (cholesterol). It is also used in diseases such as MS, thyroid and estrogen deficiency. It is moist, warm and sweet (effortless).

St. John's wort: It is widely used in traditional medicine in China and most European countries in the treatment of liver and biliary disorders. Marine inhibits the progression of liver and prostate cancer, protects the kidney against poisoning, including cisplatin, and lowers blood sugar in type 2 diabetes [Fallah H., 2004].

Marigold (silymarin): This plant is abundant as a herb in the pastures of South Australia, Europe and North America and the drug made from this plant is a protective liver that is prescribed for people with hepatitis [Fallah H., 2004].

This article discusses the history of herbal infusions and their properties, which have been used since ancient times in the Middle East and in Iran. It is also discussed that medicinal plants are currently used to treat dangerous diseases such as MS, AIDS and hepatitis. But it must be said that in some cases it is true that chemical drugs have an early effect on the body and the disease does not improve, but the harmful effects that it later has on the body over time are more than the

Iranian proverb. It is obtained but it is less harmful than chemical drugs. In this article, we have tried to describe the plants that are used daily and their properties for the body. Let's trust in nature and the things it has produced for it. Remember that there were no chemical drugs in ancient times. It is good that doctors use herbal medicines in addition to chemical medicines when prescribing medicine.

Список литературы

1. Ziaei, S. A. (2002). *History of Herbal Medicine*.
2. Kordvani, P., Ghaffar, A. (2004) *A study of rose water industry and its importance in Ghamsar section of Kashan // Geographical research*. № 47. P. 21-42.
3. Fallah H. H., Alavian, S. M. (2002) *Control and treatment of hepatitis with complementary and herbal medicines // Quarterly Journal of Medicinal Plants*. № 4. URL: www.yjc.ir
www.akairan.com.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Акимченков Виктор Владимирович – кандидат исторических наук, член Российского общества интеллектуальной истории, Россия, viktor_akimchenkov@mail.ru

Антоненко Полина Сергеевна – ассистент Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия, pantonenko@sfedu.ru

Вартумян Арушан Арушанович – кандидат исторических наук, доктор политических наук, профессор Пятигорского филиала Северо-Кавказского федерального университета, Пятигорск, Россия, pragru@mail.ru

Грушина Александра Игоревна – магистрант Иркутского государственного университета, alya.sashka98@mail.ru

Грушина Ольга Валерьевна – доктор экономических наук, профессор Байкальского государственного университета, Иркутск, Россия, olga7771972@mail.ru

Губинская Анна Андреевна – докторант университета королевы Виктории, Веллингтон (Victoria University of Wellington), Новая Зеландия, anna.gubinskaya@vuw.ac.nz

Жиров Николай Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина, Елец, Россия, zhirov-nikolai@mail.ru

Захаров Андрей Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории «Цифровые гуманитарные исследования», Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия, elural@yandex.ru

Иванов Валерий Владимирович – кандидат исторических наук, доцент Амурского Гуманитарно-Педагогического Государственного университета, Комсомольск-на-Амуре, Россия, sig.vv-ivanov@yandex.ru

Ляпин Денис Александрович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и историко-культурного наследия Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина, Елец, Россия, lyapin-denis@yandex.ru

Махрачев Георгий Сергеевич – младший научный сотрудник лаборатории социальной истории Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, Тамбов, Россия, mahrachova@mail.ru

Меркулов Александр Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Воронежского государственного педагогического университета, Воронеж, Россия, aleksandrmerkulov@mail.ru

Невежин Владимир Александрович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИРИ РАН, Москва, Россия, nevva@mail.ru

Неретина Юлия Александровна – заведующий археологическим музеем имени профессора А.Т. Синоюка Воронежского государственного педагогического университета, Воронеж, Россия, virra_08@mail.ru

Нефедов Сергей Александрович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия, Hist1@yandex.ru

Попова Анна Дмитриевна – доктор исторических наук, профессор Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, Рязань, Россия, a.d.porova@mail.ru

Разуваев Юрий Дмитриевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Воронежского государственного педагогического университета, Воронеж, Россия, razuvaevyd@mail.ru

Сень Дмитрий Владимирович – доктор исторических наук, профессор Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Ведущий научный сотрудник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, Элиста, Россия, dsen1974@mail.ru

Шишка Евгений Александрович – аспирант Института Истории СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия, zhenyashishka@mail.ru

Фатеме Хейдари Монфаред – бакалавр истории, магистр управления туризмом Тегеранского университета, Тегеран, Иран, iranebastian00@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Viktor V. Akimchenkov - Candidate of Historical Sciences, Member of the Russian Society for Intellectual History, Russia, viktor_akimchenkov@mail.ru

Polina S. Antonenko - Assistant, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, pantonenko@sfedu.ru

Arushan A. Vartumyan - Candidate of Historical Sciences, Doctor of Political Sciences, Professor of the Pyatigorsk Branch of the North Caucasus Federal University, Pyatigorsk, Russia, pragpu@mail.ru

Alexandra I. Grushina - Student of Irkutsk State University, alya.sashka98@mail.ru

Olga V. Grushina - Doctor of Economics, Professor of the Baikal State University, Russia, Irkutsk, olga7771972@mail.ru

Anna A. Gubinskaya - PhD student at Queen Victoria University, Victoria University of Wellington, New Zealand, anna.gubinskaya@vuw.ac.nz

Andrey V. Zakharov - Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Laboratory for Digital Humanitarian Research, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, elural@yandex.ru

Nikolay A. Zhirov - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Bunin Yelets State University, Yelets, Russia, zhirov-nikolai@mail.ru

Valery V. Ivanov - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Amur Humanitarian Pedagogical State University, Komsomolsk-on-Amur, Russia, sir.vv-ivanov@yandex.ru

Denis A. Lyapin – Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of History and Historical and Cultural Heritage of the Bunin Yelets State University, Yelets, Russia, lyapin-denis@yandex.ru

Georgy S. Makhrachev - Junior Researcher, Laboratory of Social History, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia, mahrachova@mail.ru

Alexander N. Merkulov - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History, Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia, aleksandrmerkulov@mail.ru

Vladimir A. Nevezhin - Doctor of Historical Sciences, Chief Scientific Officer of the IRI RAS, Moscow, Russia, nevva@mail.ru

Yulia A. Neretina - Head of the Sinyuk Archaeological Museum of Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia, virra_08@mail.ru

Sergei A. Nefedov - Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia, Hist1@yandex.ru

Anna D. Popova - Doctor of Historical Sciences, Professor of the Yesenin Ryazan State University, Ryazan, Russia, a.d.popova@mail.ru

Yuri D. Razuvaev - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History, Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia, razuvaevyd@mail.ru

Dmitry Vladimirovich Sen - Doctor of Historical Sciences, Professor of the Southern Federal University, Rostov-on-Don, Leading Researcher of the Kalmyk Institute for Humanitarian Research RAS, Elishta, Russia, dsen1974@mail.ru

Evgeny A. Shishka - Post-graduate student of the Institute of History, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, zhenyashishka@mail.ru

Heydari Monfared Fatemeh – Bachelor of History, Master of Tourism Management, Tehran, Iran, iranebastian00@gmail.com

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Объем статьи не должен быть меньше 15 страниц А4, с текстом, набранным 14 шрифтом. Библиографический список статьи должен содержать не менее 10 позиций (не считая ссылок на архивные фонды).

ТЕКСТ научной статьи следует строго оформлять согласно следующим требованиям:

Текстовый редактор – Microsoft Word.

Формат – А4.

Поля – 2 см со всех сторон.

Шрифт – Times New Roman (при необходимости – другой; если шрифт не входит в список общепринятых, его нужно прислать отдельным файлом).

Размер шрифта – 14.

Межстрочный интервал – 1,5.

Абзац (отступ) – 1,25.

Ориентация – книжная, без простановки страниц, без переносов.

Редактор формул – пакет Microsoft Office (MathType).

Графики, таблицы и рисунки – черно-белые, без цветной заливки, допускается штриховка.

УДК (см., например: <http://teacode.com/online/udc/> или <http://udkcodes.net>).

Краткая аннотация статьи на русском языке (курсивом). Объем аннотации не менее 200 слов. Аннотация должна содержать: актуальность работы, новизну, методы, источниковую базу, результаты (выводы).

Ключевые слова (курсивом, не менее 5-7).

Краткая аннотация статьи на английском языке (курсивом).

Ключевые слова на английском языке.

Фамилия, имя, отчество автора(ов) (жирным шрифтом, курсивом, имя и отчество сокращенно), ниже – город, который представляет автор (курсивом), – по левому краю, строчными буквами.

Название статьи – по центру, без отступа, прописными буквами.

Текст статьи – выравнивание по ширине.

ССЫЛКИ в тексте оформляются по следующему образцу: [1, с. 195], [4], [3, с. 20; 7, с. 68], [8, д. 143, л. 8]. Библиография оформляется в соответствии с образцом, который прилагается к данным требованиям.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ приводится в алфавитном порядке в виде нумерованного списка. В списке литературы указывается издательство и количество страниц.

После списка литературы обязательно следует References.

REFERENCES

Список литературы на английском языке (References) – комбинация транслитерированной и англоязычной частей русскоязычных ссылок.

Более подробно об оформлении статей можно узнать на сайте: <http://historic-journal.ru/about/for-authors/requirement/>

Дополнительно

Уважаемые авторы! Заявки на публикацию принимаются только по указанному выше адресу электронной почты. Рецензирование научной работы осуществляется редакционной коллегией журнала, которая принимает решение о публикации статьи, внешние рецензии не учитываются. Редакция оставляет за собой право не принимать к рассмотрению статьи авторов, материалы которых неоднократно отклонялись редакционной коллегией. Публикуются только одобренные редакционной коллегией статьи.

Рассылка печатных экземпляров редакцией не осуществляется. Оформить подписку можно в любом отделении «Почты России».

Редакция отдает предпочтение статьям, связанным с историей повседневной жизни, работам, посвященным историко-антропологическим проблемам, микроистории и исторической культурологии.

Научное издание

ИСТОРИЯ: ФАКТЫ И СИМВОЛЫ

№ 3 (28) / Елец, 2021

Литературный редактор, корректор – В. В. Ряполов
Технический редактор – Н. П. Безногих
Техническое исполнение – В. М. Гришин
Дизайн обложки – П. А. Фрольцова (ИАИ РГГУ)

Знак информационной продукции 12+

Подписано в печать 15.09.2021
Дата выхода в свет 16.09.2021
Бумага 88,0 п.л. формат А-4. Гарнитура Times. Печать трафаретная
Тираж 1000 экз. Заказ № 61
Свободная цена

Адрес редакции и издателя:
399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1
E-mail: nauka@elsu.ru
Сайт журнала: <http://historic-journal.ru>

Подписной индекс журнала № **64989** в каталоге периодических изданий
органов научно-технической информации агентства «Роспечать»

Подписной индекс журнала № **43281** в объединенном каталоге «Пресса России»

Отпечатано с готового оригинал-макета на участке оперативной полиграфии
Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина
399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина»
399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1